

60 коп.

Валентин КАТАСОНОВ

**ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА ИЛИ
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ?**

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Валентин КАТАСОНОВ

**ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА ИЛИ
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ?**

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Валентин КАТАСОНОВ

**ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА ИЛИ
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ?**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1991

ББК 60.55
К 29

На обложке изображение скульптуры
«Гибель Лаокоона и его сыновей».
Ок. 50 г. до н. э. Рим.

К 29 Катасонов В. Ю.
Великая держава или экологическая колония?—
М. : Мол. гвардия, 1991. — 224 с. — (Свободная
трибуна).

ISBN 5-235-01476-6

Книга полемических очерков посвящена животрепещущим вопросам экологической ситуации в нашей стране, связанным прежде всего с ущербной практикой ориентации на широко-масштабный экспорт из страны сырьевых ресурсов, открытие совместных предприятий в области вредных производств, импорт экологически опасных товаров и технологий. Автор предлагает пути перестройки форм экономического сотрудничества с зарубежными странами в интересах сохранения и улучшения природного потенциала нашей страны. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К 1502020000—054 028—91
078(02)—91

ББК 60.55+65.5

ISBN 5-235-01476-6

© Катасонов В. Ю.,
1991 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. СТРАНА НА РАЗВИЛКЕ ИСТОРИИ

Сегодня наше Отечество переживает период бурных перемен во всех областях общественной жизни. Затронули они и такую сферу, как внешнеэкономические связи. После многих десятилетий автаркического существования нами достаточно решительно взят курс на интеграцию в мировое хозяйство, активное развитие экономических и научно-технических связей со всеми государствами мира. Архитекторы внешнеэкономической перестройки рассчитывают, что такой курс дает мощный импульс экономическому и научно-техническому развитию СССР. Некоторые даже полагают, что подобная мера является тем решающим звеном цепи, ухватившись за которое мы сможем вытянуть весь груз наших сложнейших проблем.

Усиливающаяся ориентация Советского Союза на мировой рынок товаров, услуг, капиталов, технологий неизбежно будет оказывать все более заметное воздействие на разные стороны нашего общественного развития: науку и технику, экономику и социальные отношения, культуру и идеологию, внутреннюю и внешнюю политику. Уже первые шаги в деле внешнеэкономической перестройки показали, что при этом возникают серьезные «издержки», которые с лихвой могут перекрыть все возможные выгоды «врастания» страны в мировое хозяйство. Достаточно вспомнить хотя и нашу шумевшую, но до сих пор так и не получившую своего логического завершения «танковую аферу» государственно-кооперативного концерна АНТ. Подобная ситуация порождается непродуманностью общей концепции перестройки внешнеэкономических связей СССР, достаточно серьезной коррумпированностью нашего общества, активным внедрением «теневиков» в сферу внешнеэкономических опе-

раций, «размыванием» (а по сути дела, полным развалом) государственной монополии внешней торговли, низкой квалификацией наших новоявленных «бизнесменов» и т. д. и т. п. При всей внешней цивилизованности современного мирового рынка «правила игры» на нем остаются жесткими, и за каждый наш внешнеэкономический просчет обществу приходится расплачиваться дорогой ценой.

Не следует забывать и того обстоятельства, что международная торговля, экспорт капитала, научно-технические связи всегда были и остаются важнейшим инструментом внешней политики промышленно развитых капиталистических стран. Правящие круги Запада особенно и не пытаются это скрывать. Кстати, не скрывают они и того, что экономические отношения Запада с СССР должны использоваться для «подталкивания перестроечных процессов» в нашей стране. Вот только в каком направлении и в чьих интересах? Совсем не уверен, что понимание перестройки, скажем, нашим рабочим или крестьянином совпадает с тем, которое имеется, например, у шефа Пентагона или директора ЦРУ. В связи с тем, кстати, возникает и такой вопрос: а всегда ли те или иные шаги по реформе внешнеэкономической сферы диктуются собственными потребностями страны? К сожалению, анализ конкретных акций в указанной сфере показывает, что они чаще всего противоречат нашим национальным потребностям и интересам. А это заставляет серьезно задуматься...

В данном случае я не берусь анализировать весь комплекс проблем, порождаемых бурными перестроечными процессами во внешнеэкономическом комплексе страны. Остановлюсь преимущественно на одном аспекте, который до сих пор остается в тени, не получает достаточного освещения прессой и средствами массовой информации. Я имею в виду природно-экологический аспект развития внешнеэкономических связей страны.

Ни для кого не секрет, что состояние природных ресурсов и окружающей среды в нашей стране характеризуется как критическое. Достаточно сказать, например, что сегодня, по данным Госкомприроды СССР, на территории страны образовалось 290 ареалов с неблагоприятной экологической ситуацией. Они занимают площадь примерно 3,7 млн. кв. км, или 16% территории. Можно назвать такие укрупненные ареалы экологического неблагополучия, как Приаралье, Прикаспий,

Кольский полуостров, Норильск, районы Ладожского и Онежского озер и т. д. В целом в условиях неблагоприятной экологической обстановки, даже по официальным данным, проживает 20% населения страны! И это без учета сложной радиационной обстановки, сложившейся в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Анализ причин обострения экологической ситуации показывает, что на разрушение природы «работают» не только внутренние факторы (затратный, экстенсивный характер экономики; бесплатность или крайняя дешевизна природных ресурсов; слабость экологического законодательства и т. д.), но также внешние. Международные экономические связи СССР становятся все более серьезным каналом воздействия на состояние природных ресурсов и окружающей среды страны. Начинаясь интеграция СССР в мировое хозяйство может многократно усилить это воздействие и подтолкнуть страну на грань экологической катастрофы. Некоторые мои оппоненты утверждают, что я драматизирую ситуацию и сгущаю краски. Но перед своими глазами я постоянно вижу многие развивающиеся страны, которые ради своего «процветания» также в свое время предприняли непродуманные шаги по «интеграции в мировое хозяйство», понадеялись на посулы и помощь промышленно развитых капиталистических стран и невольно стали жертвами «экологического колониализма» транснациональных корпораций (ТНК). Феномен «экологического колониализма» сегодня достаточно хорошо изучен в зарубежной литературе; формы его проявления весьма многообразны: крупномасштабный вывоз минеральных, лесных, биологических, продовольственных и иных ресурсов; вынос в развивающиеся страны «грязных» отраслей промышленности; экспорт в эти страны экологически опасных товаров и технологий; захоронение на территории «третьего мира» токсичных и радиоактивных отходов и т. д. Долгое время мы считали, что «экологический колониализм» может быть только «у них», что он распространяется лишь на отношения между богатым Севером и бедным Югом. Сегодня, когда происходит наше отрезвление после долгих лет застойной спячки, когда рушатся идеологические мифы о том, что «у нас все в порядке», мы вдруг осознаем, что над нашим Отечеством навис «дамклов меч» этого самого «экологического колониализма».

Совсем не хочу, чтобы у читателя сложилось такое

впечатление, что автор категорически против развития и активизации наших экономических связей с остальным миром. Совсем нет. Глупо оспаривать преимущества участия страны в международном разделении труда. Трудно не согласиться, что экономическая автаркия слишком дорого нам обходится, а чрезмерная защищенность национальных предприятий от внешнего рынка лишает их стимула к снижению издержек производства и повышению качества продукции. Речь идет о другом. Нам необходима продуманная концепция развития экономических отношений с остальным миром, а не внешне-экономический вариант мер «шоковой терапии», способных в кратчайший срок разрушить нашу и без того слабую экономику, а страну довести до полной экологической катастрофы. Эта концепция должна учитывать национальные особенности нашего государства, опираться на позитивный и негативный опыт развития внешнеэкономических связей других стран, а главное, исходить из основополагающего принципа взаимной выгоды. Только в этом случае у нас есть шанс, избежать участи превращения в экологическую колонию Запада.

Многие десятилетия наша официальная экономическая наука и средства массовой информации внушали нам, что чем больше мы добываем железной руды, выкачиваем из недр нефти и газа, выплавляем чугуна и стали, рубим леса, вырабатываем электроэнергию, производим цемента и минеральных удобрений, тем выше наше благосостояние, тем быстрее наше движение вперед «к светлому будущему». Подобного рода идеологические установки и концепции служили обоснованием для практических мер по наращиванию добычи природных ресурсов. Увеличению объемов производства разнообразных видов полуфабрикатов, служивших «хлебом» для нашей промышленности, сельского хозяйства, строительства.

«Наращивание первичного сектора» экономики, связанного с добычей и предварительной переработкой естественных ресурсов, происходило не только ради того, чтобы «накормить» ими отечественную промышленность и другие отрасли народного хозяйства, но и для поставок на экспорт. Еще в первые годы Советской власти с целью получения валюты, столь необходимой для проведения индустриализации, государство вывозило за рубеж миллионы и миллионы тонн разнообразных природных ресурсов. В различных официальных документах, выступлениях партийных и государственных деятелей тех лет утверждалось, что это «временная мера». Однако недаром говорится, что «нет ничего более постоянного, чем временное». Разные «чрезвычайные» обстоятельства как внешнего, так и внутреннего плана заставляли продлевать эту «временную меру», и она в конце концов превратилась в устойчивую политику и отличительную черту нашей экономики. Се-

годня, осмысливая семьдесят с лишним лет нашего «социально-экономического эксперимента», понимаешь, что иного и не могло быть в условиях административно-командной системы, которая предопределяла экстенсивный, затратный вариант хозяйственного развития.

ТУПИКИ СЫРЬЕВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Вступление СССР в эпоху научно-технической революции отнюдь не поколебало топливно-сырьевой ориентации его хозяйства, в том числе внешнеэкономических связей. Неповоротливые, «проржавевшие» механизмы административно-бюрократического управления страной оказались непригодными для того, чтобы повернуть корабль отечественной экономики в сторону тех отраслей и производств, которые находятся на переднем крае научно-технического прогресса и которые будут определять лицо мирового хозяйства XXI века.

Более того, начавшийся в мире в 70-е годы «нефтяной бум» довел ресурсную ориентацию нашего народного хозяйства и экспорта до абсурдно-фантастической крайности. Скажем, если в 1960 году вывоз сырой нефти из СССР составлял 17,8 млн. т., то в 1980-м он достиг уже 119 млн. т. Стыдно сказать, но в начале 80-х годов на топливо, сырье и полуфабрикаты приходилось свыше $\frac{4}{5}$ всего вывоза товаров из страны. Для того чтобы представить, насколько глубоко мы «увязли» в сырьевой специализации, отмечу: по странам Латинской Америки этот показатель в середине 80-х годов составлял немногим более 50%, по развивающимся странам Азии — около 70%, по развивающимся странам Африки — около 90%. Стало быть, мы оказались где-то между Азией и Африкой! У Советского Союза, подобно классической развивающейся стране, сложилась монотоварная структура экспорта. Об этом свидетельствует то, что 80% конвертируемой валюты в 80-х годах стало поступать от продажи углеводородного сырья (нефти и газа).

Официальная статистика далеко не полностью отражает реальные масштабы вывоза природных богатств за границу и степень сырьевой специализации СССР в мировом хозяйстве. Дело в том, что часть из них материализуется и в товарах, классифицируемых как «готовые изделия». Но что это за «готовые изделия»?

Крайне металлоемкая и энергоемкая продукция: энергетическое и металлургическое оборудование, железнодорожный подвижной состав, объемные и громоздкие металлоизделия и т. д. Серьезную информацию к размышлению дает такой показатель, как килограммовые цены на продукцию у нас и в США. Возьмем сверлильные станки и пресловутое оборудование. В США цены в 9 раз выше, чем у нас. По металлургическому оборудованию американцы опережают нас в 65 раз, по электрическим машинам — в 14 раз, по экскаваторам — в 2 раза. А в целом по продукции машиностроения килограммовые цены у них выше наших в 5 раз! С одной стороны, это свидетельствует о высоком качестве и техническом уровне американской продукции, а с другой — о чрезвычайно большой металлоемкости наших машин, «невидимом», неофициальном вывозе энергетических ресурсов и металла из нашей страны.

Наши ученые писали сотни монографий, защищали многочисленные диссертации, раскрывающие механизм эксплуатации империализмом природных богатств «третьего мира», пагубность ориентации их экономик на вывоз сырья. Делались в общем-то правильные выводы о том, что такая ориентация усиливает экономическую и политическую зависимость этих стран от Запада, дестабилизирует их хозяйство, ведет к увеличению масштабов их финансового ограбления транснациональными корпорациями, подрывает природный потенциал и обостряет экологическую обстановку в странах-экспортерах, оставляет развивающиеся государства на обочине научно-технического прогресса.

И в то же время почти никто из наших ученых не замечал или делал вид, что не замечает, какую «мину замедленного действия» для советского общества представляет растущий экспорт из СССР природных ресурсов.

С апреля 1985 года благодаря новому экономическому, политическому и экологическому мышлению пришло наконец осознание опасности сырьевой ориентации нашей экономики и внешней торговли. Начавшееся чуть раньше падение мировых цен на нефть и другие природные ресурсы обернулось для СССР убытками в 40 млрд. рублей (за первые два года XII пятилетки от продажи только нефти) и стало одной из главных причин того, что союзный бюджет стал сводиться с громадным дефицитом (в 1989 году он соста-

вил более 100 млрд. рублей, или свыше $\frac{1}{5}$ бюджетных расходов).

Сильная зависимость экономической жизни СССР от вывоза одного товара — нефти (в начале 80-х годов — около $\frac{2}{5}$ стоимости экспорта) сделала экономику крайне незащищенной по отношению к стихии мирового рынка (особенно учитывая крайнюю неустойчивость сырьевой конъюнктуры). «Сокращение доходов от продажи нефти для СССР, — отмечает один из авторов журнала «Коммунист», — примерно равнозначно потерям, которые могли бы иметь место в случае потери всех доходов от экспорта продукции машиностроения, черной металлургии, леса и лесоматериалов, хлопкового волокна, рыбы и рыбопродуктов, вместе взятых». Подобные резкие «перепады» в уровнях экспортных доходов практически парализуют возможности планового ведения нашего хозяйства.

Если учесть, что вывозимые из СССР ресурсы практически лишены предварительной обработки, картина станет еще более грустной, а сумма потерь более полной. Наш кругляк (необработанные бревна), например, идет в западноевропейские страны не дороже чем по 72 доллара за кубометр, в то время как доски продаются там по 207 долларов за кубометр, газетная бумага — 630 долларов за тонну. Сегодня не только все развитые капиталистические страны, но и подавляющее большинство стран «третьего мира» прекратили подобный экспорт леса. Индонезия, Филиппины, Малайзия ввели запрет на вывоз кругляка. У нас же в середине 80-х годов примерно половина лесного экспорта приходилась на необработанные бревна. Председатель Госкомлеса СССР академик А. С. Исаев в интервью «Советской России» (1988, 5 июня) заявил в связи с этим: «Неумение рационально переработать лес ставит нас в исключительно невыгодное положение на мировом рынке: мы по низким ценам вывозим эшелоны первосортных бревен и втридорога покупаем изделия из них же». То, что происходит в нашем лесном хозяйстве, мало назвать словом «бесхозяйственность». Это самое настоящее преступление, за которое следует судить по самым строгим законам. «Не по этой ли причине, — писала «Правда» от 21 июня 1988 года, — Минлеспром переводит в категорию «секретных» объемы наших поставок круглого леса по экспорту? «Легализация» многих цифр вынудила бы признать свою беспо-

мощность огромное управленческое звено, подведшее нас не только к закупкам бумаги, но и древесины за рубежом. В это, право, трудно поверить, живя в стране, располагающей четвертью мировых запасов леса».

Подобная же практика действует и по другим природным ресурсам. Самое ужасное, что вопреки всякой логике и требованиям научно-технической революции в 70—80-е годы по многим группам сырья доля необработанной продукции, вывозимой за рубеж, не снижалась, а росла! Согласно оценкам Министерства внешнеэкономических связей СССР доля необработанного сырья по таким группам товаров, как топливо, черные металлы, древесина, текстиль, за период 1971—1987 годов возросла с 61,2%, до 72,7 («Внешняя торговля», 1988, № 11, с. 11). За 1980—1987 годы расходы древесины для лесного экспорта возросли на 9 млн. куб. м, причем 5 млн. куб. м из них (57%) пришлось на необработанное сырье (кругляк) (там же, с. 17—18).

В то время как западные бизнесмены брали в своей экспортной политике на вооружение лозунг «меньше сырья, больше ума», мы продолжали наращивать масштабы разбазаривания национального богатства.

Вряд ли удастся перевести на язык цифр экологические последствия от неумного вывоза природных ресурсов.

Известно, что особенно серьезный, порой непоправимый ущерб окружающей среде наносят как раз отрасли «первичного сектора» хозяйства, связанные с эксплуатацией природных ресурсов и производством на их базе полуфабрикатов. За период с 1950 года до середины 80-х годов добыча важнейших видов минерального сырья и топлива, а также производство первичной продукции (минеральные удобрения, цемент) увеличились в стране с 600 млн. т до почти 3 млрд. т. Однако подавляющая часть добываемых природных веществ (свыше 90%) так или иначе попадает в отходы, которые разрушают ландшафты и нарушают экологическое равновесие на обширных территориях. К настоящему времени в отвалах накоплено более 50 млрд. т разнообразных отходов, в том числе примерно 500 млн. т галитовых отходов (хлористый натрий), 150 млн. т фосфогипса и 30 млн. т пиритных

огарков (отходы производства фосфорных удобрений), 1 млрд. т золошлаковых отходов ТЭС, 1,2 млрд. т шлаков черной и цветной металлургии и др. В настоящее время многие ценные попутные компоненты из добываемых руд не извлекаются и безвозвратно теряются в отвалах и шлакохранилищах горнодобывающих предприятий, под которыми занято около 1 млн. га земель. Только в 1988 году объем отходов добычи и обогащения на предприятиях Минуглепрома СССР, Минудобрений СССР, Минстройматериалов СССР и министерств металлургии (черной и цветной) составил 3301, 1 млн. куб. м, а так или иначе использовано лишь 1286,4 млн. куб. м (39%).

Чрезвычайно большую угрозу для природной среды представляет добыча углеводородного сырья — нефти и газа. Эта угроза еще больше возрастает в связи с почти полным игнорированием требований по охране природы в нефтегазовом хозяйстве страны. Так, еще в 1983 году главный инженер проекта освоения газового месторождения в Ямбурге Г. А. Шемраев в беседе с корреспондентом журнала «ЭКО» (1984, № 2, с. 156—157) вынужден был признать: «Эффективной очистки стоков специально для Заполярья... еще не придумано. Используемые методы намораживания стоков неизбежно выльются в проблему — что с ними делать дальше? Предельно сжатые сроки проектирования не позволяют заказывать НИР. Это относится не только к очистным сооружениям, но и к проекту в целом». Комментарии, как говорится, излишни. Только работы в том же духе на Ямбурге продолжаются.

Об экологических последствиях добычи и экспорта нефти особо будет сказано в следующей главе.

Удручающее положение сложилось в сфере экспортных лесозаготовок. Казалось бы, лес — воспроизводимый ресурс, и поставки древесины за рубеж можно осуществлять при сохранении и даже расширении соответствующей экспортной базы. В Финляндии благодаря рациональному природопользованию площади лесов к концу столетия сохранятся на нынешнем уровне, а объемы лесозаготовок возрастут на треть. Увы, в условиях нашей бесхозяйственности даже воспроизводимые ресурсы перестают быть воспроизводимыми. Темпы лесовосстановления у нас в десять раз ниже, чем в Западной Европе. Прирост древесины на гектар в полтора раза меньше, чем заготовки; в Канаде и

Норвегии — наоборот. При современных темпах лесозаготовок и экспорта древесины мы используем оставшиеся леса за 50—60 лет и превратим нашу страну, сохраняющую пока титул лесной державы, в настоящую пустыню.

Наиболее, пожалуй, страшное последствие экспорта природных богатств за рубеж заключается в том, что он разрушает не только природу, но и человека. К. Маркс писал в свое время: «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 522). Кажется, будто бы К. Маркс обращается специально к нам! Многие во времена застоя, наверное, задавались вопросом: почему, несмотря на усиливающийся развал экономики, мы продолжаем тем не менее существовать, и сравнительно безбедно — от голода никто у нас не умирал, люди приобретали дорогие вещи, молодежь привыкла модно одеваться, миллионы граждан стали выезжать за рубеж по турпутевкам и т. д. А ответ-то простой — за счет природных богатств, вывозимых за границу, то есть, выражаясь научным языком, за счет дифференциальной ренты (стоимости, создаваемой в других странах и улавливаемой нашим государством как владельцем природных ресурсов). Психология людей в таком государстве в своей массе становится иждивенческой (исчезает привычка к творчеству, инициативе, напряженному труду).

В 70—80-е годы экспорт природных ресурсов дал нашей стране доходы, исчисляемые сотнями миллиардов долларов. Видимо, не случайно, что «нефтяной бум» и резкий рост закупок зерна и продовольствия нашей страной совпали во времени. Если в 1970 году мы импортировали зерна на 121,3 млн. инвалютных рублей, то в 1976-м уже на два миллиарда, а в 1981-м — на четыре миллиарда. В застойные годы закупки зерна за рубежом вышли на уровень 30—40 млн. тонн в год. В то время как Индия и Китай успешно продвигались к решению своих продовольственных проблем, мы все больше запускали свое сельское хозяйство.

«Шальные» доллары оказывали развращающее влияние на наших руководителей промышленности. Вместо поиска внутренних резервов они предпочитали

закупать импортное оборудование. В результате сегодня на таком оборудовании в стране производится почти 100% искусственных волокон и жидких комплексных удобрений, более 70% аммиака и карбамида, 60% цемента, 40% целлюлозы и бумаги, 30% проката, более 70% легковых автомобилей. Только за годы XI пятилетки страна получила из-за рубежа различных видов машин и оборудования на общую сумму свыше 100 млрд. рублей. А импорт в конечном счете работал в подавляющем большинстве случаев против нас. Прежде всего он тормозил собственные научные исследования и разработки. Кроме того, часто закупалось морально устаревшее оборудование, способствующее еще большему отставанию нашей страны от Запада в техническом отношении. Наконец, направлялось оно прежде всего на развитие отраслей и производств, связанных с добычей топлива, сырья, производством материалоёмкой и энергоёмкой продукции. Все большее количество «нефтедолларов» стало расходоваться на дальнейшее расширение добычи ресурсов и производства первичных материалов. В результате возникла ситуация: «экспорт ради экспорта»; наша экономика попала в своего рода «порочный круг» сырьевого экспорта.

Задача вырваться из этого «порочного круга» была четко поставлена в Основных направлениях экономического и социального развития страны на XII пятилетку и до 2000 года. Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, в частности, в своем докладе на XXVII съезде КПСС заявил: «Внешняя торговля вносит весомый и все возрастающий вклад в развитие нашей экономики. Ныне практически нет ни одной отрасли, которая не была бы вовлечена в сферу внешнеэкономических связей. Однако быстро двигаться вперед традиционными путями невозможно. Прежде всего предстоит изменить сырьевую направленность экспорта, повысить в нем долю обрабатывающих отраслей». Решение правильное. Как же оно выполняется?

РАСПРОДАЖА ВЕКА

Если на поставленный вопрос отвечать коротко, то следует сказать: «никак». Более того, опасная трясина ресурсной специализации все более глубоко засасыва-

ет отечественную экономику. Об этом буквально вопиет каждая цифра официальной статистики. Несмотря на снижение темпов прироста многих экономических показателей и даже абсолютное сокращение выпуска ряда крайне необходимых нам товаров в XII пятилетке, производство в «первичном секторе» экономики продолжало расти. За 1985—1988 годы добыча нефти увеличилась с 595 млн. до 624 млн. т, природного газа — с 643 млрд. до 770 млрд. куб м, угля — с 726 млн. до 772 млн. т; производство электроэнергии за этот же период возросло с 1544 млрд. до 1705 млрд. кВт·ч, проката черных металлов — со 128 млн. до 136 млн. т, стали — со 108 млн. до 116 млн. т, цемента — со 130,8 млн. до 139,5 млн. т. и т. д.

Сегодня, когда мы пытаемся по-новому взглянуть на социально-экономические процессы в нашем обществе, подобные цифры вызывают отнюдь не гордость, а чувство досады и тревоги. Они свидетельствуют о сохранении порочной ориентации нашего хозяйства на вал и промежуточные показатели, о все том же затратном механизме функционирования нашей экономики, об игнорировании реальных потребностей общества. Какой, например, толк в том, что мы добываем в пять раз больше железной руды, выплавляем в два раза больше металла, чем США, если объем промышленной продукции по отношению к американскому уровню, по официальным оценкам, составляет только 80%, а национальный доход — 64%?

Разве не абсурдной является следующая ситуация? Имея 5,7% населения, Советский Союз в настоящее время производит 16% мирового объема электроэнергии, 22% стали, 27% нефти, 42% природного газа. В то же время его удельный вес в производстве компьютеров (особенно последних поколений), роботов, композитов, бытовой электроники и другой наукоемкой продукции исчисляется долями процента. Вовлечение в хозяйственный оборот во все больших масштабах природных ресурсов объясняется не только ненасытным спросом на них внутри страны, но и растущим вывозом топлива, электроэнергии, сырья, полуфабрикатов за рубеж.

Посмотрим на статистику экспорта СССР. В 1980 году доля сырья, топлива, энергии, полуфабрикатов, химических продуктов и пищевкусовых товаров в нашем

экспорте равнялась 81,7% (остальное пришлось на машины, оборудование, транспортные средства, промышленные товары народного потребления). В 1985 году этот показатель составил 84,4%, в 1987-м — 81,9%. Как видим, особых изменений сегодня по сравнению с началом 80-х годов не наблюдается. Некоторое уменьшение доли по сравнению с серединой 80-х годов объясняется значительным падением цен на топливно-сырьевые товары на мировом рынке. Казалось бы, в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры здравый смысл должен подсказать необходимость сокращения вывоза дешевого товара (тем более что многочисленные прогнозы предсказывают в дальнейшем существенное повышение цен на нефть и некоторые другие ресурсы). Мы же, оказавшись в «порочном кругу», поступаем как раз наоборот: чтобы компенсировать падение экспортных доходов, всячески наращиваем физические объемы вывоза ресурсов. Так, за 1985—1988 годы стоимость советского экспорта — в силу прежде всего падения мировых цен на нефть и газ — уменьшилась на 8%, а физический объем экспорта увеличился на 16%. Только за 1985—1988 годы вывоз нефти из страны вырос на 27 млн. т, природного газа — на 19,3 млрд. куб. м, круглого леса — на 5,1 млн. куб. м, каменного угля — на 11,1 млн. т, чугуна — на 2,0 млн. т, азотных удобрений — на 0,7 млн. т и т. д. С горечью приходится констатировать, что подобные «ножницы» в динамике стоимостных и физических объемов экспорта — типичная черта экономически слаборазвитых стран. Такая ситуация означает — и этот вывод давно уже сделан специалистами по экономике развивающихся государств, — что чем больше страна вывозит, тем беднее она становится. Наше форсирование топливно-сырьевого экспорта напоминает все убыстряющийся бег на месте или даже вспять.

Форсирование вывоза опирается на дальнейшее наращивание добычи ресурсов. В газетных передовицах на исходе третьего года пятилетки опять стали появляться набившие оскомину рапорты и заметки «о досрочном выполнении» и «перевыполнении плана» по добыче полезных ископаемых, выплавке стали, заготовке леса и т. д. Может быть, кто-то опять хочет приучить нас к мысли, что чем больше мы выкапываем, выкачиваем, выплавляем, рубим, а затем вывозим, тем

лучше нам живется? Опасная философия. И очень живучая!

Формула «чем больше вывозим сырья, тем лучше живем» откровенно выражает интересы административно-бюрократического аппарата. Ведь этот аппарат — за такую «перестройку», которая позволила бы «менять, ничего не меняя». И тут она возвращается к старому, испытанному приему: решать экономические, социальные и прочие проблемы с помощью валюты, получаемой нашими ресурсоэкспортирующими организациями. И это вместо того, чтобы осуществлять реальную, революционную перестройку: внедрять прогрессивные методы хозяйствования, предоставлять трудящимся реальные права в управлении производством, раскрепощать трудовой и творческий потенциал народа. Но такая перестройка требует от руководителей незаурядных способностей, мобилизации всех сил, настойчивости, а главное — смелости.

Бюрократия прекрасно понимает, что осуществление подлинной перестройки неизбежно будет подрывать устойчивость ее власти. К ее сожалению, нельзя выдрессировать человека таким образом, чтобы тот, как отмечал Чернышевский, умел быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе. Вот и делает она ставку на извлечение полезных ископаемых из недр земных вместо того, чтобы извлекать энергию и таланты из недр народных. Расчет не на человеческий, а на природный ресурс. Хотя первый более важен в эпоху НТР, является возобновляемым, а самое главное — совершенствующимся.

Мне могут возразить, что я сгущаю краски, что после апреля 1985 года, учитывая инерционность нашей экономики, прошло еще немного времени и что, мол, рано еще ждать каких-то реальных результатов перестройки структуры экономики и внешней торговли. Смею не согласиться с подобными утверждениями. Дело в том, что прямо на наших глазах сырьевая ориентация советской экономики «программируется» на многие годы и десятилетия вперед.

Возьмем, к примеру, хотя бы принятую недавно Долговременную государственную программу развития производительных сил Дальневосточного экономического района до 2000 года. Программа планирует трехкратное увеличение экспорта из региона. Однако это предусматривается прежде всего за счет продажи неф-

ти, газа, угля, леса, причем преимущественно в необработанном виде. В это трудно поверить, но, например, объем экспортируемых пиломатериалов по отношению к вывозу круглого леса составит в 2000 году не более 10 процентов. Фактически эта программа узаконивает распродажу воспроизводимых и невозпроизводимых ресурсов богатейшего края, обрекая его на превращение в территорию с лунным ландшафтом. Уже не приходится говорить о том, что она будет способствовать увеличению разрыва между советским Дальним Востоком и его соседями — Японией, Южной Кореей, другими странами, превратит его в сырьевой придаток Азиатско-Тихоокеанского региона.

Важным этапом в экономическом и внешнеэкономическом развитии страны явились 1989—1990 годы. Началась *новая фаза хозяйственной реформы*, связанная с переходом страны к рыночной экономике, развязыванием инициативы государственных предприятий, кооперативов и других хозяйствующих субъектов. Казалось бы, надо радоваться, что идет наступление на министерско-ведомственную монополию в хозяйстве, что появляется надежда на прекращение природорасточительного и антиэкологического развития нашей экономики. Однако, на мой взгляд, тот новый хозяйственный механизм, который нарождается на наших глазах, является не чем иным, как «диким» (в противовес цивилизованному) рынком. Такой рынок, которым хотят «одарить» наше общество экономисты, стоящие близко к рулю государственной власти (Л. Абалкин, Г. Попов, В. Тихонов, П. Буннич и др.), может нанести ему невообразимый ущерб в виде безработицы, имущественной дифференциации, социальной незащищенности, прогрессирующей инфляции и т. д. Помимо всего прочего, «дикий» рынок может ускорить процессы деградации природной среды, поскольку погоня за максимальной прибылью будет всячески подталкивать предприятия к экономии на экологии, применению «дешевых» природорасточительных и природоразрушительных методов хозяйствования.

В новую фазу входит и реформа внешнеэкономических связей страны. Однако и здесь не все до конца продумано и додумано, возможны, мягко выражаясь, негативные последствия экономического, социального, политического характера.

Важным событием во внешнеэкономической сфере страны явилось принятие 2 декабря 1988 года постанов-

ления Совета Министров СССР № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций». Оно, по сути дела, сняло всякие ограничения для выхода на внешний рынок любых хозяйствующих субъектов: государственных предприятий, кооперативов, общественных организаций. И многие из этих субъектов не преминули воспользоваться открывшейся возможностью: к концу 1989 года число зарегистрированных участников внешнеэкономической деятельности перевалило за 10 тысяч, и еще столько же претендентов стояло в очереди на регистрацию! Вдумаемся в цифру и постараемся представить себе размах коммерческой деятельности, которая развернется уже в ближайшее время на просторах нашего отечества и за его пределами. Способны ли эти тысячи и тысячи коллективов повести дело так, чтобы оно не «вышло боком» обществу? Не возьмет ли верх «групповой эгоизм», с которым нам в последнее время приходится сталкиваться все чаще? Не получится ли так, что, избавившись от «ведомственного диктата» Министерства внешней торговли (внешнеэкономических связей) СССР, державшего когда-то все бразды управления, мы накличем на себя кучу новых бед: прежде всего приобретаем стихию, которая окончательно подорвет нашу некогда «плановую» экономику? Не получится ли так, что кто-то выиграет, а общество в целом проиграет?

Осмелюсь высказать мысль, что вместе с водой мы выплеснули и ребенка: ограничивая монополию конкретного ведомства (Министерства внешнеэкономических связей СССР), наше правительство подорвало существовавшую все годы Советской власти государственную монополию внешней торговли. В который раз мы не хотим учиться ни на своих, ни на чужих ошибках. Так, китайцы уже переболели этой «детской болезнью»: децентрализовав в начале 80-х годов все свои внешнеэкономические связи и увидев, к какой стихии и каким убыткам привела эта новация, они активно взяли курс на поощрение ассоциаций, концернов, консорциумов в сфере внешней торговли.

Неужели нашим экономистам, восторгающимся от постановления № 1402, неизвестен такой очевидный факт: буржуазные государства, более или менее последовательно проводя антимонопольное законодательство на внутреннем рынке, в то же время всемерно подталкивают

процессы монополизации в сфере внешнеэкономической? Или им неизвестно, что в Японии, например, практически вся внешняя торговля проходит сегодня через десяток гигантских торговых домов, что является одной из важных причин ее доминирования на мировых рынках? То же самое мы наблюдаем и по другим развитым капиталистическим странам. 80—90% экспортной продукции таких стран, как США и Великобритания, производится и вывозится промышленными гигантами, входящими в число 600 крупнейших фирм мира. К середине 80-х годов свыше 80% советского импорта товаров и технологий из развитых капиталистических стран оказалось в руках или под контролем 150 транснациональных корпораций, крупных торговых фирм и других монополистических объединений. Такая же картина по экспорту. Хорошо известно, что наш экспорт характеризуется чрезмерной монотоварностью: так, на нефть и газ приходится 80% наших поставок на Запад. Но мало кому известно, что эта монотоварность самым тесным образом переплетается с «монофирменностью»: наш нефтегазовый экспорт на Запад в конечном итоге находится в руках десяти энергетических корпораций («Экономическая газета», 1988, № 49, с. 23).

Теперь представьте себе конкуренцию нашего новоиспеченного коммерсанта с гигантской международной монополией. Нетрудно догадаться, чем закончится бой двух спортсменов, находящихся в разных весовых категориях и имеющих разный опыт состязаний на международной арене. Приобретя, скажем, один вагон железного лома по цене 3000 рублей, они продают его на внешнем рынке за 8000—9000 долларов. На вырученную валюту они могут приобрести два персональных компьютера и реализовать их, в свою очередь, на внутреннем рынке за 100—150 тысяч рублей. Норма прибыли в подобного рода операции достигает 5000%! Такое не снилось капиталистам ни в одной стране Запада.

Итак, уже более года страна пребывает в состоянии «валютной горячки». Все, кому не лень, бросились зарабатывать доллары, марки, иены. Но отнюдь не за счет расширения вывоза готовых изделий или новых технологий. В оборот пошли все те же природные ресурсы. Поскольку в нашем неправовом государстве они до сих пор так и не имеют четко обозначенного хозяина, то и тащит направо и налево каждый кому вздумается, продавая на Запад и на Восток, оптом и в розницу. Все это

наносит обществу серьезный нравственный, социальный, экономический и экологический урон.

Прежде всего за счет общенационального достояния, каковыми являются природные ресурсы, происходит обогащение небольшой кучки так называемых «совбуров».

И главное, при той системе цен, которая сложилась внутри страны (в частности, цены на природные ресурсы у нас в среднем в 2—2,5 раза ниже, чем на мировом рынке), возможности для подобного рода «предприимчивости» в Отечестве поистине беспредельны.

Операции по перепродаже природных ресурсов некоторые защитники новоявленных коммерсантов называют «социалистической предприимчивостью», а их доходы «трудовыми»! По-моему, вся эта деятельность полностью подпадает под определение «спекуляция».

Мне становится вдвойне обидно из-за того, что наши природные богатства уплывают за границу за бесценок.

Хорошо известно, что мировые цены на природные ресурсы уже не первый год падают, и наша страна из-за этого терпит немалые убытки. Но становится вдвойне обидно, что сегодня мы порой не можем продать их даже по этим низким ценам мирового рынка. Причиной тому — ненужная конкуренция между нашими новоиспеченными экспортерами, рвущимися любой ценой заполучить долгожданные доллары. Прибавьте сюда некомпетентность наших доморощенных коммерсантов, которые порой весьма смутно представляют себе, что почем на мировом рынке. Так, недавно «Правда» (12.12.89) привела следующий пример. В Лондоне наши бизнесмены-дилетанты подписали контракт на поставку в Великобританию 600 тысяч кубометров леса по цене на 40% ниже мировой. Вот примеры из торговли с другими странами. Горпромторг Благовещенска отправил в Китай карбамид, прогадав более половины цены. Курское кожевенное НПО заключило сделку с югославами на поставку шкур по ценам, заниженным на 15% («Советская Россия», 12.02.89). Между прочим, у той же Югославии при всем обилии и разнообразии внешнеторговых связей никогда не бывает так, чтобы один и тот же товар имел на советском рынке две цены.

Порой дело доходит до анекдотических ситуаций. Например, в 1988 году итальянская фирма «Рисокомекс» предложила В/О «Экспорт — хлеб» 30 тыс. т советского (!) риса. Она приобрела его в Австрии, куда товар был продан, по-видимому, одной из югославских фирм, полу-

чивших его в порядке товарообмена от завода по обрушиванию риса в Одесской области в качестве компенсации за поставленное оборудование. Можно только догадываться, какой низкой была определена цена риса по товарообменной сделке, если советскому внешнеторговому объединению, даже пройдя через руки нескольких посредников, он был предложен по столь выгодной цене («Правда», 16.08.88).

Мало того, что наши новоявленные «коммерсанты» сами недополучают валюту. Они сбивают цены государственных организаций, профессионально занимающихся экспортом (прежде всего всесоюзных внешнеторговых объединений). Скажем, раньше единственным советским экспортером пушно-мехового сырья было объединение Союзпушнина. Значительную часть «мягкого золота» оно продавало через аукционы. Сегодня на внешний рынок с пушно-меховым сырьем стали выходить многие колхозы, совхозы, кооперативы, предприятия. Государственная монополия на торговлю этим товаром, существовавшая издавна на Руси, фактически разрушена. Резко, более чем вдвое, упали экспортные цены на «мягкое золото». Мыслимо ли: шкурка норки, стоявшая на внешнем рынке 28 валютных рублей, сегодня оценивается ниже 10 рублей («Советская Россия», 29.10.89). Отечественные зверохозяйства стали сбивать цены на международных пушно-меховых аукционах. Так, убытки от такого снижения цен на Международном пушном аукционе в Ленинграде, проходившем в начале 1989 года, оцениваются в несколько миллионов долларов.

Наши торговые партнеры не скрывают своего удивления и в то же время радости по поводу добровольной ликвидации Советским Союзом своей государственной монополии на внешнюю торговлю. Так, комиссионер по пушно-меховой торговле из ФРГ К.-Д. Рибан заявил: «Я приветствую либерализацию советской экспортной политики. Аукцион, конечно, гарантирует качество продукции, но определить хороший мех я и сам могу. Прямые закупки на фирмах обходятся мне дешевле — надо только не лениться ездить» («Советская Россия», 25.02.89).

Пожалуй, самым тяжелым последствием скоропалительной «перестройки» внешнеэкономической сферы могут стать дополнительные диспропорции в нашем и без того разбалансированном народном хозяйстве. Политика «все — на экспорт» может обострить дефициты многих

видов сырья, что ударит по соответствующим отраслям обрабатывающей промышленности, а затем и по рынкам потребительских товаров. Взять, к примеру, то же пушно-меховое сырье. Как писала «Советская Россия» (29.10.89), за границу продано за бесценок огромное количество ценных шкурок, не считая 2100 тысяч коровьих и около 5 млн. овечьих шкур. В результате в 1989 году при госзаказе на 720 млн. рублей АПК РСФСР не дал легкой промышленности и половину положенного сырья. В результате загрузка производственных мощностей по выпуску готовой пушно-меховой продукции упала до 30—60 процентов. Тысячи и тысячи высококвалифицированных специалистов-скорняков из-за отсутствия работы вынуждены увольняться с государственных меховых фабрик Ленинграда, Кирова, Казани, Москвы. Специалисты говорят, что отрасль по производству пушно-меховых изделий — шуб, шапок, воротников и т. д. (то, чем мы славились еще с незапамятных времен) находится на грани гибели. Думаю, уважаемый читатель, что вы, как потребитель, уже ощутили на себе кризисное состояние отрасли.

Возьмем другую сферу, более далекую от наших личных потребностей, — металлургическую промышленность. «Хлебом» металлургического производства является металллом. Его по стране за время многих «ударных» пятилеток было разбросано несметное количество. И вместе с тем сегодня отрасль оказалась на голодном пайке. Только за период с 1 января 1988 года по 1 января 1989 года объем заготовки металллома сократился на 2,6 млн. т («Социалистическая индустрия», 25.03.89). С января по октябрь 1989 года народному хозяйству было недодано еще 2,5 млн. т лома черных металлов и почти 70 тыс. т цветных. Некоторые предприятия из-за этого оказались на грани остановки. В ряде случаев отсутствие металллома вызывало нарушение в технологии производства, что негативно отражалось на качестве стали («Правда», 13.10.89). Причин такой критической ситуации несколько. Главная среди них, пожалуй, заключается в том, что многие министерства, предприятия, кооперативы начали вывозить за границу на валюту сотни тысяч и даже миллионы тонн металллома. На мировом рынке этот товар в цене и с каждым годом дорожает. Заманчивые предложения поступают от десятков западных фирм, даже таких, как «Бурда моден». Только в Судоэкспорт предложения на приоб-

ретенные старые судов поступили из Турции, Югославии, ФРГ, Китая, Швеции, Испании и еще многих и многих других стран.

Конечно, в самой по себе продаже металлолома ничего предосудительного нет. В условиях хозяйственного расчета каждое предприятие стремится зарабатывать валюту для закупки оборудования, приобретения ширпотреба и т. д. Но не любой же ценой! Продавать можно действительно излишки. Если же отечественная металлургия «голодает», как можно лишать отрасль металлолома — ее «хлеба»?

Бесконтрольный вывоз природных ресурсов в первые месяцы 1989 года принял столь большой размах, что правительство вынуждено было с 1 апреля 1989 года ввести систему разрешений (лицензий) на их экспорт. Увы, лицензирование оказалось весьма слабой преградой на пути сырьевого потока за рубеж. Активизировались сырьевые потоки в рамках приграничной торговли, на которую, по сути дела, не была распространена регламентация центра. Стали создаваться фиктивные совместные предприятия, через которые проще, чем через чисто отечественные, «проталкивать» за рубеж лицензируемые товары. Наконец, стали вслух говорить о том, что для получения лицензии надо дать «на лапу» нужному чиновнику в министерстве. О том, что лицензирование экспорта в его нынешнем виде мало что изменило, свидетельствует пример с Минрыбхозом СССР. На это ведомство была возложена обязанность выдавать разрешения на экспорт рыбы и морепродуктов. Выяснилось, что за девять месяцев 1989 года Минрыбхоз СССР недопоставил в торговую сеть страны почти полмиллиона тонн рыбы и рыбной продукции («Экономическая газета», 1989 № 48, с. 2). Мы и сами, будучи покупателями, заметили, что за последнее время рыбные прилавки магазинов, и до того бедные, стали еще беднее. В чем же дело? Общие объемы вылова рыбы за истекшее время заметно не изменились. Не могла же она испариться? А дело в том, что Минрыбхоз СССР занялся щедрой раздачей лицензий на продажу рыбы за границу. Именно туда за первые три квартала 1989 года ушло свыше 430 тысяч тонн рыбы, консервов и других морепродуктов. Самое удивительное, что Минрыбхоз благодетельствует лицензиями не только свои предприятия. С легкостью необыкновенной он выдает лицензии тем, кто рыбу сам не ловит, не обрабатывает, да, в

общем-то, и не продает. Так, перепродало рыбу за границу литовское объединение Торгодежда, получили лицензии Полтавская, Ростовская, Львовская области, Таджикистан и Казахстан, военторги и отделы рабочего снабжения... А у них-то рыба откуда? С согласия Минрыбхоза фактически распродавались рыночные фонды, централизованно выделенные для того, чтобы кормить народ.

Эта неприглядная история дошла до Комитета партийного контроля. На его специальном заседании в начале ноября 1989 года многие ответственные товарищи из Минрыбхоза получили выговоры и взыскания. Ну и что же изменилось? Да ничего! Как признался министр рыбной промышленности Н. Котляр, «после КПК к нам вновь обратились за лицензиями. Теперь — Министерство торговли. Но уже через тт. Ситаряна и Никитина, заместителей Председателя Совмина СССР. Хочешь не хочешь, нужно изыскивать резервы. Отдавать то, что не хватает самим» («Советская Россия», 21.12.89). Вот вам и «плановое хозяйство»!

О том, насколько далеко зашел процесс распродажи национальных ресурсов, наиболее ярко свидетельствует нашумевшая «танковая афера» государственно-кооперативного концерна АНТ. Этому «спруту», прежде чем его схватили за руку, удалось вывезти за рубеж на сотни миллионов рублей стратегических материалов, разнообразной лицензируемой техники, в том числе авиационные двигатели для самолетов МИГ-29. Всего же по каналам концерна планировалось реализовать вооружения, стратегических материалов, других лицензируемых товаров на миллиарды рублей. Кроме того, АНТ выступал посредником в продаже алмазов из Гохрана СССР. Клубок афер, затеянных концерном, до конца еще не распутан, но и без этого видно, что государством в значительной степени утрачен контроль над экспортом и внешнеэкономической деятельностью в целом. Если в ближайшее время этот контроль не будет восстановлен, то национальная экономика будет окончательно подорвана, а страна превратится в сырьевой придаток Запада.

ОСТАНОВИТЬ ПРЕСТУПНУЮ КОММЕРЦИЮ!

В свете тех негативных последствий, текущих и особенно долгосрочных, которые таит в себе дальнейшее наращивание сырьевого экспорта, напрашивается естест-

венный вывод о необходимости его сокращения. Причем немедленно, не откладывая на завтра. Предвижу возможные возражения: «Мы не можем сделать этого сей же час, так как сначала надо провести перестройку структуры нашей внутренней экономики»; «Мы не можем нарушать наших долгосрочных соглашений о поставках сырья и энергоносителей в другие государства»; «Чем мы будем оплачивать наш импорт?»; «Чем компенсировать сокращение доходов от сырьевого экспорта?» и т. д.

Многие руководители центральных экономических ведомств, министерств до сих пор поклоняются «его величеству валу». Во внешнеэкономической сфере таким «величеством» является объем товарооборота в стоимостном выражении. До сих пор невыполнение плана товарооборота, а тем более его сокращение квалифицируются чуть ли не как преступление перед государством. Уверен, что сегодня нужно разработать систему показателей для оценки деятельности внешнеэкономического комплекса, которые бы более объективно учитывали его вклад в решение социальных проблем нашего общества, структурную перестройку экономики, ускорение научно-технического прогресса.

К этой задаче самым тесным образом примыкает еще одна. Для того чтобы «пробить» сопротивление хотя и ослабевшего, но несдающего административно-бюрократического аппарата, противодействующего решительной перестройке внешнеэкономической деятельности, необходимо опереться на конкретные экономические расчеты. В частности, в дополнение к традиционной практике оценок экономической эффективности экспорта тех или иных товаров оценивать возможный экономический ущерб от их вывоза. В расчетах этого ущерба, думаю, следует учитывать следующие элементы: 1) коммерческие потери от продажи природных ресурсов на мировом рынке по низким ценам; 2) недополученные доходы от поставки природных ресурсов в необработанном или слабообработанном виде; 3) убытки в результате недополучения тех или иных ресурсов нашим народным хозяйством; 4) экологический ущерб, возникающий в результате добычи природных ресурсов (производства полуфабрикатов, других товаров и услуг).

Безусловно, данный расчет не может в стоимостной форме достаточно полно учесть все виды убытков и ущерба. Как, например, оценить полное исчезновение

тех или иных видов флоры и фауны в результате выруб-ки лесов? Кто может в полной мере измерить экономические, социальные, политические последствия грозящего стране истощения ряда природных ресурсов? Во сколько миллионов или миллиардов рублей оценить ущерб, наносимый малым народам Севера, сгоняемым ради освоения природных богатств с мест их традиционного расселения? Таких вопросов набирается чрезвычайно много. Но даже самые приблизительные прикидки, сделанные автором, показывают, что экспорт нефти, газа, железной руды, минеральных удобрений, продукции черной металлургии создает стоимостный ущерб, превышающий в несколько раз доходы от такого экспорта. Продолжение вывоза природных ресурсов в прежних масштабах и при сохранении нынешних методов их добычи и предварительной обработки будет означать все большее обкрадывание общества.

В этой связи нашим юристам стоит, наверное, подумать о том, чтобы масштабный экспорт природных ресурсов квалифицировать как преступление, приравненное к особо крупным хищениям государственной собственности. Тем, кто возражает против сокращения экспорта природных ресурсов, хотелось бы привести еще ряд аргументов в пользу такого сокращения. Трудно согласиться с их доводом, что стране и так не хватает валюты. Если начать анализировать, на что и как мы тратим заработанную дорогой ценой валюту, то выяснится, что во многих случаях ее и зарабатывать-то не стоило, так как впоследствии она оказывается выброшенной на ветер. Так, из года в год у нас растут запасы неустановленного импортного оборудования, сегодня они оцениваются в 5 млрд. инвалютных рублей. Это означает, что мы (исходя из текущих мировых цен) растратили ни за что, ни про что почти 80 млн. т нефти. И такой перечень наших валютных (а значит, и ресурсных) растрат можно было бы продолжать очень долго.

Наконец, не исключено, что сокращение сырьевого экспорта могло бы явиться своего рода «толчком» для «технологического рывка» нашей промышленности: сокращение закупок импортного оборудования подтолкнуло ее к выходу из «спячки» и активизировало бы деятельность отечественных НИИ, КБ, предприятий по разработке и производству собственной техники.

Сокращение доходов от вывоза природных ресурсов можно было бы достаточно оперативно компенсировать

за счет наращивания так называемого «невидимого» экспорта, который занимает значительное место в структуре многих экономически развитых стран. Это услуги в области международного транспорта, связи, страхования, консультирования, осуществления международных расчетов и других банковских операций, торгового посредничества и т. д.

Не следует нам, видимо, полностью отказываться от тех преимуществ в сфере внешнеэкономических связей, которые связаны с наличием богатых природных ресурсов в нашем Отечестве. Прежде всего необходимо развивать экспортную базу страны за счет глубокой переработки этих ресурсов, что позволит многократно повысить валютную выручку при одновременном сокращении вовлекаемых в хозяйственный оборот природных веществ.

Для того чтобы экспорт ресурсов не сопровождался истощением природного потенциала, следует, видимо, перенести центр тяжести с невозпроизводимых ресурсов (полезных ископаемых) на преимущественно воспроизводимые: лесные и продовольственные ресурсы, сельскохозяйственное сырье. Разумеется, при этом должны обеспечиваться все необходимые меры для их расширенного воспроизводства. Наша страна, располагающая 55% всех черноземов на планете, четвертью мировых запасов леса, значительной частью рыбных ресурсов, могла бы сделать свой природный потенциал неисчерпаемым источником валютных поступлений. В этом плане не вредно вспомнить наш дореволюционный опыт. Так, в 1910—1912 годах в экспорте России свыше 90% приходилось на зерно, другие продовольственные товары, корма, сельскохозяйственное сырье для промышленности, древесину. Экспорт царской России опирался на использование такого воспроизводимого ресурса, как земля.

В связи с переходом нашей экономики на рыночные начала необходимо проявлять особую взвешенность и осторожность. Это же касается и перестройки внешнеэкономической сферы, где каждый неверный шаг может обходиться очень дорого для нашего общества и природы. Правилom здесь должно стать: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». В этой связи необходимо срочно прекратить безоглядное и бездумное разрушение государственной монополии внешней торговли. И в то же время это не означает возврата к тем временам, когда в сфе-

ре международных экономических связей безраздельно господствовал Минвнешторг, узурпировавший в своем лице и функции государственного управления, и функции хозяйственно-коммерческие.

На внешний рынок должны сегодня иметь право выходить все хозяйствующие субъекты. Но для этого необходимо, чтобы с помощью административных и особенно экономических рычагов внешнеэкономическая деятельность этих субъектов координировалась из единого национального центра. Сегодня МВЭС СССР превратилось в обыкновенного «агента» Госплана и Госнаба по материально-техническому сбалансированию недоработок в народном хозяйстве за счет внешнего рынка. Было бы целесообразно освободить МВЭС от выполнения импортно-экспортных планов, предоставить ему статус организатора, координатора и контролера всей внешнеэкономической деятельности в стране, а также роль «государственного арбитра» во внешнеэкономической области. Такому органу можно было бы передать все функции лицензирования экспорта, которые в настоящее время рассредоточены между многими министерствами, что делает лицензионную политику не общегосударственной, а ведомственной, способствует разбазариванию национального богатства. В рамках единого центра легче наладить сбор информации об объемах и характере экспортно-импортных операций, осуществляемых всеми участниками внешнеэкономической деятельности. Не для того, чтобы «тащить и не пущать», а для разумной координации.

Получение каждым предприятием и кооперативом права выхода на внешний рынок не означает, что они обязательно должны пользоваться этим правом. Следует создать такие организационные и экономические предпосылки, чтобы им было выгоднее продавать и приобретать товары на внешнем рынке через мощных и квалифицированных посредников (что-то типа торговых домов в Японии). А чтобы подобные экспортно-импортные фирмы (торговые дома) не стали этаким административно-командным детищем, необходимо, чтобы их создание шло не сверху вниз, а наоборот, и чтобы они имели статус корпораций, учредителями и акционерами которых выступали бы отечественные предприятия-производители и покупатели.

В решающей мере успех или неуспех реформы внешнеэкономической сферы будет зависеть, конечно, от хода

перестройки всего хозяйственного механизма страны. Скажем, без радикальной реформы цен в советской экономике, в частности, подтягивания внутренних цен на топливо и сырье до уровня мировых, трудно рассчитывать на то, что нам удастся полностью перекрыть вывоз дешевых ресурсов всякого рода «коммерсантами».

Что касается более конкретных и немедленных мер по сдерживанию экспорта природных ресурсов, то они должны быть не только и не столько административными (лицензии, квоты), сколько экономическими. Использование таких рычагов, как дифференцированные по отраслям и видам производств валютные отчисления предприятий, налоги, таможенные пошлины, процентные ставки кредита, могло бы способствовать более активному переходу предприятий от вывоза сырья к экспорту обработанных изделий. Вместе с тем в некоторых случаях для ряда природных ресурсов целесообразно установление полных запретов на экспорт и введение суровых наказаний за их нарушение. Речь идет прежде всего о редких видах флоры и фауны, стратегических видах сырья, природных ресурсах, добываемых хищническими способами и с нарушением экологических требований и т. д.

И наконец, последнее. Внешнеэкономические связи являются той сферой общества, куда свет гласности и на пятом году перестройки доходит с большим трудом. И в то же время есть основания подозревать, что именно в этой сфере количество разных злоупотреблений и афер особенно велико. Это и не удивительно, ибо наши чиновники, кооператоры, руководители предприятий гораздо чаще проявляют свои «слабости» перед твердой валютой, чем перед обесценившимся отечественным рублем. В свете этого Верховному Совету СССР как высшему органу народовластия следует установить постоянный и действенный контроль над внешнеэкономической сферой. В частности, было бы целесообразно создать в его рамках специальную комиссию или подкомиссию по данным вопросам.

ЧЕМ УЩЕРБЕН «НЕФТЕДОЛЛАР»

Еще раз напомним ставшую очевидной истину: наше относительное благополучие в застойные годы в значительной степени держалось прежде всего на нефти. Напомню, что осенью 1973 года в мире разразился так называемый энергетический кризис, сопровождавшийся головокружительным взлетом цен: с 25 до 250 долларов за тонну «черного золота» («Известия», 9.11.89). Этот кризис явился манной небесной для нашей административно-командной системы: обильные нефтедолларовые инъекции реанимировали на время начавшую было хиреть экономику. Нефтяной экспорт резко взметнулся вверх: если в 1960 году вывоз сырой нефти из СССР составлял 17,8 млн. т, то в 1980 году он достиг уже 119 млн. т. С учетом нефтепродуктов за границу в 1980 году шла примерно каждая третья тонна добываемой в стране нефти. Продажа «черного золота» за период 1974—1989 годов дала нам 176 млрд. инвалютных рублей. Добрая половина из них ушла на закупки зерна и другого продовольствия («Аргументы и факты», 1989, № 29, с. 26). 40% валютных доходов были направлены на приобретение за рубежом машин, оборудования и целых заводов. Какие-то капли «нефтедолларового дождя» достались советским гражданам в виде ширпотреба. Сегодня от того «дождя» осталось лишь воспоминание: миллиарды «нефтедолларов» проедены, пропиты, изношены. Единственное материальное напоминание о тех «золотых временах» — безнадежно устаревшие (морально и тем более физически) заводы да горы все еще не установленного ржавеющего оборудования.

В первых числах 1986 года произошло наше пробуждение от сладкого сна: буквально в считанные дни мировая цена на нефть упала с 200 до 70—100 долларов

за тонну. И сегодня она не поднимается выше 100 — 120 долларов за тонну дубайской нефти, идентичной по качеству нефти советской («Известия», 9.11.89).

ЛУКАВАЯ АРИФМЕТИКА

Конец «нефтяного бума» совпал по времени с началом перестройки в нашей стране. На смену старым догмам и стереотипам постепенно стало приходить новое мышление, которое затронуло и сферу внешнеэкономических связей. Стало очевидным, что наше экономическое развитие не может быть устойчивым при опоре на экспорт углеводородного сырья и прежде всего нефти. **Падение мировых цен на нефть обернулось для нашего государства громадными убытками, превышающими в несколько раз ущерб от аварии на АЭС в Чернобыле (если судить по официальным оценкам).**

Наше благополучие, опирающееся на вывоз нефти, не может быть таким и длительным. «Нефтяная бочка» страны не бездонна. Так, по оценкам американского журнала «Лук», нефтяные месторождения Советского Союза при нынешних темпах добычи и экспорта «черного золота» будут исчерпаны к 2015 году («Известия», 28.01.89). Казалось, здравый смысл возобладал, когда руководством страны после апреля 1985 года были приняты решения о преодолении нефтяной монотоварности советского экспорта. Однако ведомственная бюрократия пошла, по сути дела, на саботаж этих решений. Так, заместитель председателя Госплана СССР Л. Б. Вид в «Экономической газете» (1988, № 37) сообщает читателям: «Перед предприятиями и объединениями комплекса (топливно-энергетического. — В. К.) поставлена очень важная задача по наращиванию производства. В 1989 году предстоит добыть сверх заданий пятилетнего плана на этот год 8 млн. т нефти с газовым конденсатом, 20 млрд. кубометров природного газа и 16 млн. т угля. Это позволяет подкрепить прежде всего экспорт, который должен обеспечить ресурсы для решения ряда проблем, в том числе социальных...» В 1988 году пресса с гордостью, как и в застойное время, сообщила, что в 1988 году мы добыли сверх пятилетнего плана 18,1 млн. т угля, 18 млн. кубометров газа, 5,3 млн. т нефти и газового конденсата («Известия», 23.03.89).

А вот позиция председателя Всесоюзного внешнеэко-

номического объединения Союзнефтеэкспорт В. А. Арутюняна, изложенная им на страницах «Литературной газеты» (1989, № 3): «Мы знаем о существовании такого мнения, что экспорт нефти и нефтепродуктов является чуть не стратегической ошибкой. Как тогда объяснить, что такие промышленно развитые страны, как Англия и Норвегия, не испытывают никакого «комплекса» от того, что являются крупными поставщиками нефти на мировой рынок?»

Трудно согласиться с такой постановкой вопроса. Во-первых, доля нефти в экспорте указанных капитран была и остается на более низком уровне, чем у нас. Во-вторых, после «нефтяного шока» они поняли опасность чрезмерной ориентации на экспорт «черного золота». Так, Норвегия еще с 1982 года взяла курс на выравнивание диспропорций в структуре национальной экономики и снижение ее зависимости от «нефтедолларов». А, в-третьих, с коих пор мы начали ориентироваться на худшие образцы в мировой практике?

Под курс на форсированный вывоз за рубеж нефти и других природных ресурсов бюрократия стремится подвести соответствующую идеологическую и теоретическую базу. В печати время от времени стали появляться статьи, в которых делается попытка доказать «высокую эффективность» нашего нефтяного экспорта. Так, кандидат экономических наук И. Лавровский в статье «Надо ли продавать нашу нефть за границу?» («Известия», 20. 11. 89) говорит однозначно: надо продавать и как можно больше, так как нефть дает нам якобы наибольшую по сравнению с другими товарами эффективность. В своих выводах он идет еще дальше и говорит о необходимости широкого привлечения иностранного капитала (в частности, американской корпорации «Шеврон») в нефтедобычу в нашей стране: «Западный капитал пока не спешит к нам просачиваться. Но стоит чуть-чуть приоткрыть свой нефтегазовый «пирог», как откуда-то появляются сотни миллионов и миллиарды».

Мощным «подкреплением» подобного рода взглядов на наш нефтяной экспорт явились опубликованные впервые в конце 1989 года данные Министерства внешнеэкономических связей СССР (МВЭС СССР) об эффективности нашего внешнеторгового оборота. Согласно этим данным, эффективность советского экспорта в 1988 году составила 142%. Что означает эта цифра? Она предста-

вляет собой отношение стоимости вывезенных товаров во внешне-торговых ценах (60,8 млрд. валютных рублей) к стоимости этих товаров, выраженной во внутренних (оптовых) ценах. Это означает, что на 1 рубль затрат на экспортные товары в 1988 году мы получили после их реализации на внешнем рынке выручку в 1,42 инвалютного рубля.

По отдельным товарным группам наблюдаются заметные различия в экспортной эффективности. Так, по авиационной технике эффективность экспорта была оценена в 220%, по химическим товарам — 136%, по автомобилям — 45% (иначе говоря, экспорт автомобилей убыточен). Рекордсменом по эффективности экспорта в данных, представленных МВЭС СССР, оказалась сырая нефть — 331%! Какой вывод напрашивается из этих выкладок? А тот, что если мы хотим повысить эффективность нашей внешней торговли в целом, максимально увеличить наш национальный доход, в конце концов ускорить перестройку, то нам следует наращивать вывоз из страны сырой нефти, как наиболее выгодного товара, дающего стране на 1 рубль затрат 3 рубля 31 копейку валютной прибыли!

Можно ли верить этой «арифметике»? Думается, что она является не более чем упражнением для ума, имеющим мало общего с реалиями нашей жизни. Не будем отрицать, что в годы «нефтяного бума» нефть действительно представляла для нас выгодный (может быть, даже самый выгодный) предмет экспорта. Сегодня же ситуация кардинальным образом изменилась. И не только потому, что резко упали мировые цены. Сегодня складывается совсем иная ситуация в добыче «черного золота» в стране.

Добыча эта дорожает прямо на глазах. Времена «нефтяных Эльдorado» типа Самотлора уже позади. Нефть уже не бьет фонтанами, выбрасывающими ежедневно на поверхность земли тысячи тонн «черного золота». На некогда «удобных» и «дешевых» месторождениях идет прогрессирующее снижение добычи. Открытые на сегодня в стране месторождения в 1995 году смогут дать лишь 300 млн. т. нефти, то есть менее половины сегодняшней добычи в стране. Геологам приходится работать со все большим напряжением сил. Из открытых в 1988 году месторождений нефти пригодными для эксплуатации оказались лишь каждое пятое, остальные нерентабельны («Советская Россия», 23.12.89). Правда, гео-

логи клятвенно обещают до конца текущей пятилетки открыть еще около полутораста пригодных для эксплуатации месторождений, но все они почти наверняка окажутся «мелочью». Сегодня средние запасы месторождений в 27 раз ниже, чем в 1970 году, суточные дебиты — в 30 раз. Сегодня мы вынуждены вводить в эксплуатацию даже те скважины, где суточный дебит составляет 5—10 тонн.

Понятно, что при таких тенденциях в нефтедобыче «черное золото» для нас скоро действительно станет «золотым». Если еще в середине 70-х годов на создание новых мощностей для добычи нефти мы тратили 48 рублей, то в 1985 году — уже 88, а в 1990 году предполагается, что эти затраты составят 129 рублей («Известия», 16. 06. 89).

Кстати, и в других отраслях энергетического комплекса страны затраты растут по нарастающей. Только в газодобывающую промышленность до 2005 года намечено вложить около 240 млрд. рублей, увеличить основные фонды отрасли в 3,5 раза («Экономическая газета», 1989, № 16, с. 5).

В настоящее время большие надежды возлагаются на освоение богатейших месторождений углеводородного сырья на полуострове Ямал. По мнению наших хозяйственников, Ямал должен будет постепенно компенсировать падение добычи нефти в Западной Сибири. Но велики ли ожидаемые от газа Ямала прибыли? По расчетам доктора геолого-минералогических наук В. Царева и кандидата технических наук Р. Повилейко, газ этот будет убыточен. Ученые утверждают, что 40 млрд. сметной стоимости нефтегазового освоения полуострова фактически вырастут в 3—4 раза и составят около 120 млрд. рублей. Причины? Чрезвычайно сложные (во всех отношениях) особенности Ямала потребуют в процессе освоения новых и оригинальных (а следовательно, непредсказуемо дорогих) в каждом случае технических решений («НТР: проблемы и решения», 1989, № 5, с. 1).

Если в десятой пятилетке (1976—1980 гг.) ежегодные капитальные вложения в топливно-энергетический комплекс составляли в среднем 15 млрд. рублей, то в двенадцатой пятилетке (за первые три года) почти 30 млрд. рублей, то есть в два раза больше. Если в десятой пятилетке доля топливно-энергетического комплекса страны в общем объеме промышленных капита-

ловложений равнялась примерно 30%, то в двенадцатой пятилетке она подскочила до 40% (Народное хозяйство СССР в 1988 году. М., 1989, с. 555). Если в 1970 году инвестиции в нефтяное и газовое хозяйство страны равнялись 9,9 млрд. рублей, в 1985 году — уже 15,7 млрд., то в 1988 году она составила рекордную цифру в 20,8 млрд. рублей (там же, с. 356). Иными словами, энергетика страны, включая нефтяное хозяйство, как громадная воронка втягивает все больше металла, цемента, других стройматериалов, людских и финансовых ресурсов, отвлекая их от решения неотложных экономических, социальных, экологических, научно-технических задач общества.

Помимо всего, энергетика требует для своего развития все больших количеств энергии. По расчетам ученых, для того чтобы добыть одну тонну условного топлива (т.у.т.), сегодня уже требуется 0,5 т.у.т., а завтра понадобится еще больше («Известия», 16.06.89). В энергетическом, в том числе нефтяном секторе народного хозяйства, пожалуй, как нигде отчетливо проявляется затратный, «самоедский» характер нашей экономики.

Итак, затраты растут чуть ли не в геометрической прогрессии, а оптовые цены на энергоносители, в том числе на нефть (около 30 руб./т), уже много лет остаются на одном уровне. Сегодня нефтедобыча фактически превратилась в убыточную отрасль, хотя официально (как в отношении угольной промышленности) этот факт не признается и тщательно маскируется. Нынешние оптовые цены на нефть тем более стали неприемлемыми, что перестройка нашей экономики требует перевода наших природоэксплуатирующих отраслей на хозрасчетные начала, установления цены за некогда «бесплатные» ресурсы. Экономические методы управления добывающими отраслями и рациональное природопользование невозможны без введения рентных платежей за природные ресурсы. На первых порах предполагается ввести рентные платежи в размере примерно 30 млрд. рублей («Коммунист», 1989, № 16). Всего же, по расчетам специалистов Центрального экономико-математического института АН СССР, рентные платежи в добывающих отраслях применительно к 1990 году должны составить около 80 млрд. рублей. Из них 60 млрд. рублей — рента в нефте- и газодобыче («ЭКО», 1988, № 11, с. 21, 27). Полные рентные платежи должны привести к увеличению оптовых цен на нефть до 110—

130 руб./т, то есть примерно в четыре раза по сравнению с их нынешним уровнем. При таком уровне оптовых цен опубликованный МВЭС СССР показатель эффективности экспорта нефти следует уменьшить в 4 раза: применительно к 1988 году он оказался бы чуть больше 80%.

Если же мы учтем полную «цену» нашего нефтяного экспорта, то может статься, что заработанные «нефедоллары» давно уже стали для нас «золотыми». И в какой-то степени даже преступными.

«ТИХИЙ» ЭКОЦИД И ГЕНОЦИД

Чтобы было понятно, что я имею в виду, возьмем в качестве примера Западную Сибирь и особенно Тюменскую область — главную нефтяную базу страны. В 1964 году в области были добыты первые 209 тыс. т «черного золота» («Наш современник», 1989, № 5, с. 99). В 1988 году из тюменских недр было выкачано уже 394 млн. т нефти («Известия», 16.06.89). Для сравнения можно отметить, что это примерно столько же, сколько в том же году было добыто на всей территории США, и в 1,6 раза больше, чем в Саудовской Аравии (Народное хозяйство СССР в 1988 г., с. 675; «Экономическая газета», 1989, № 31, с. 21). Сегодня Тюменская область дает почти $\frac{2}{3}$ добычи жидкого и газообразного топлива в стране, за счет здешних недр обеспечивается более половины всех валютных поступлений СССР («Правда», 30.08.89). Однако «нефтяной бум» последних двух десятилетий в Тюменской области отнюдь не превратил ее в цветущий край, который мог бы по своему преуспеванию конкурировать с Кувейтом или Саудовской Аравией. Наоборот, этот «бум» обернулся для края самой настоящей трагедией.

Тюменская область стала зоной экологического бедствия. Почти 57 миллионов кубометров неочищенных вредных отходов ежегодно сбрасывает нефтегазовый комплекс, причем половина этих губительных сбросов сразу же попадает в реки и озера («Наш современник», 1989, № 5, с. 109). Это так называемые «плановые» выбросы. А сколько в Западной Сибири происходит аварий на нефтепромыслах и нефтепроводах! Только в 1988 году в Тюменской области было зарегистрировано 698 крупных прорывов нефтепроводов. По некоторым оценкам,

ежегодно в области вследствие аварий выливается 12 млн. т нефти, что, например, больше ее годовой добычи в Румынии («Красный Север», 10.12.88, с. 14). И это при том, что в условиях Крайнего Севера «самоочищение» экосистем происходит в десятки раз медленнее, чем в средних широтах. 10 г нефти способны загрязнить кубометр воды до такого состояния, что вода будет непригодна не только для питья и обитания животных, но и для хозяйственного потребления. Наличие нефти и нефтепродуктов в водах Оби в районе Нижневартовска, например, превышает предельно допустимые нормы концентрации (ПДК) в пятнадцать раз («Наш современник», 1989, № 5, с. 109). Сегодня в эту великую сибирскую реку выливается примерно половина всех нефтепродуктов, которые попадают во все судоходные реки мира («Известия», 17.12.89).

Свой вклад в разрушение природы вносят строители дорог и прокладчики трубопроводов. Вместо сооружения мостов они перекрывают реки плотинами. Перегороженная река постепенно превращается в сточную канаву. По данным природоохранительных органов, таким путем погублено уже 1200 речек, и еще стремительно гибнут 250 крупных рек («Наш современник», 1989, № 5, с. 109).

Немалую роль в обострении экологической ситуации в Западной Сибири играют разбросанные там и сям так называемые «амбары» — огромные ямы с остатками необходимых для бурения растворов, содержащих весьма токсичные компоненты. На сегодняшний день только у нефтяников неликвидированных таких «амбаров» насчитывается пять тысяч («Наш современник», 1989, № 5, с. 110).

Под стремительным натиском «первопроходцев» с лица земли исчезает все живое: рыба, дичь, зверье. Так, ежегодно в водоемах Западной Сибири гибнет одна тысяча сиговых и осетровых рыб. Если в 1976 году в Ямало-Ненецком автономном округе было выявлено 135 тонн осетровых, то в 1987 году всего 32 тонны.

Идет беспощадное наступление на леса. Площадь лесов, изъятых из Гослесфонда для нужд нефтяной и газовой промышленности с 1964 по 1985 г., составила 580 тыс. гектаров, причем 160 тыс. захвачено «первопроходцами» самовольно. С каждым годом площадь изъятия увеличивается: в 1988 году она составила уже 108 тыс. га. Из 37 млн. кубометров древесины, срубленных на этой площади, более 40% просто брошены в

лесу. Леса затапливаются и погибают из-за отсутствия водопропускных сооружений при прокладке дорог, браконьерски вырубаются вокруг городов и поселков, сгорают в результате многочисленных пожаров.

Неумолимо продолжается нарушение почвенного покрова тундры и лесотундры. Мощная техника буквально «вспарывает» колесами и гусеницами верхний слой почвы. Даже единичный проезд вездехода или трактора по тундре приводит к нарушению растительности на 30—40%, а многократный — к полному ее уничтожению («Энергия», 1989, № 12, с. 32). На сегодня уже погублено 20 млн. га оленьих пастбищ, на которых могли бы кормиться 100 тысяч животных («Неделя», 1989, № 11, с. 14).

Уже сегодня хищническая, бесконтрольная эксплуатация нефтегазовых богатств Сибири грозит такими экологическими последствиями, которые могут выйти не только за пределы региона, но и национальные границы СССР. Ежегодно реками Тюменской области (прежде всего Обью) в Северный Ледовитый океан выносятся более 120 тыс. т нефти и других вредных веществ. Уже сейчас содержание загрязняющих веществ в прибрежных водах Северного Ледовитого океана в 5—6 раз превышает предельные нормы («Красный Север», 10.12.88, с. 3). Со временем Северный Ледовитый океан может превратиться в Северный Ядовитый...

Или взять проблему попутных газов. Ежегодно в Западной Сибири в факелах их сгорает 12 млрд. кубометров. Каждый факел делает вокруг себя безжизненным пространство на площади в среднем 24 га. Во время сезонных миграций в пламени гибнут миллионы и миллионы птиц, летящих на огонь («Красный Север», 10.12.88, с. 14). При сжигании попутных газов, а также при различных производственных процессах выделяется такое количество тепла, которое намного превышает его поступление в виде солнечной радиации. Это может внести свой весомый «вклад» в глобальное потепление. Над регионом навис непроходящий смог, состоящий из углекислого газа, окислов азота, углеводородов. Эта смесь способствует возникновению «парникового эффекта» на планете, который в конце концов может привести к всемирному потопу. Уже сейчас Голландия, значительная территория которой находится ниже уровня моря, готова платить нашей стране за каждый потушенный факел.

Расчеты, недавно проведенные членом-корреспондентом АН СССР т. Заварзиным и американским профессором У. Кларком, показывают, что серьезный вклад в возникновение «парникового эффекта» вносит антропогенное нарушение жизнедеятельности микробных сообществ в почвах Сибири и части Северной Америки. Дальнейшее «освоение» Сибири может привести к полному уничтожению этих сообществ со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями для человечества.

Думаю, не хватит всех красок для того, чтобы донести до читателя в полной мере апокалипсическую картину истребления природы в Западной Сибири. Но в сторону эмоции. Попробуем беспристрастным бухгалтерским языком выразить, во что обходится «освоение» природы региона. Кое-какие оценки на этот счет имеются. Так, было проведено исследование по Ямалу. Там еще практически не начато промышленное освоение газовых месторождений, а уже уничтожено 6 млн. га оленьих пастбищ. По расчетам сотрудников Ямальской сельскохозяйственной опытной станции, минимальная стоимостная величина ущерба природе Ямало-Ненецкого округа составляет 60 млрд. рублей. При этом они исходили из весьма скромных исходных посылок: затраты на освоение 1 га тундровых земель брались в размере 10 тыс. рублей, на рекультивацию — 14,7 тыс. рублей («Красный Север», 10.12.88, с. 11). Итак, 60 млрд. рублей. Много это или мало? Для сравнения отметим: в 1988 году капиталовложения во все отрасли топливно-энергетического комплекса страны составили 31,8 млрд. рублей (Народное хозяйство СССР в 1988 г., с. 555). Можно также напомнить, что стоимость всей сырой нефти, экспортированной из СССР в 1988 году, выраженная во внутренних оптовых ценах, составила что-то около 4,5 млрд. рублей.

Имеются и другие данные. Так, на проводившейся в Тюмени в июне 1989 года научно-практической конференции «Спасение Оби — спасение Сибири» специалисты привели следующие оценки. За 20 лет «освоения» нефтегазового комплекса Тюменской области экологический ущерб, нанесенный природе региона, составил 450 млрд. рублей, в том числе по линии бывшего Миннефтепрома СССР — 346 млрд. рублей, по линии бывшего Мингазпрома СССР — 68 млрд. рублей. Если «освоение» региона будет продолжаться прежними тем-

пами и методами, то к 2005 году общая сумма ущерба выльется в 2 триллиона рублей («Красный Север», 1989, № 23, с. 10). Интересно, о какой вообще «эффективности» экспорта нефти может идти речь, если экологический ущерб в расчете на 1 тонну нефти в несколько раз превышает ее официальную оптовую цену? И это при том, что приведенные цифры экономических потерь от нашей, мягко выражаясь, «бесхозяйственности» в Западной Сибири являются явно неполными. Как, скажем, оценить в рублях деградацию геологической среды в Тюменской области? Массированное выкачивание газа и нефти из недр без полной компенсации «пустот» неизбежно выводит эти недра из древнего покоя. Уже сегодня происходит интенсивная деформация пластов и смещение грунтовых вод, что в некоторых местах ведет к образованию трещин и разрывов, проседанию почвы, возникновению землетрясений. Так, в Нефтеюганске уже несколько раз наблюдались многочасовые 3—4-балльные землетрясения («ЭКО», 1988, № 8, с. 171). Последнее мощное землетрясение зарегистрировано там в 1988 году. В случае продолжения добычи углеводородного сырья нынешними темпами и методами вся Тюменская область в ближайшее время может превратиться в зону повышенной сейсмоактивности. К тому же в ближайшие 20 лет в регионе прогнозируется повсеместное опускание суши.

Никто до сих пор не подсчитал суммарные убытки от того, что из-за нарушения технологических правил бурения и эксплуатации скважин громадные количества «черного золота» так и остаются в недрах Земли. Обследования, проведенные учеными по ряду нефтяных месторождений страны, показали, что у доброй половины скважин их фактическая производительность оказалась наполовину ниже потенциально возможной, а у 10% скважин — в 20—30 раз ниже («Энергия», 1989, № 12, с. 4). Наглядный пример хищнического отношения нефтяников к недрам — Самотлор. Это одно из крупнейших в мире месторождений «черного золота» было открыто геологами в 1965 году. По заключениям специалистов, Самотлор мог «самотеком», без принудительных мер в течение полутора-двух десятилетий давать ежегодно по 100 млн. т нефти, а в дальнейшем падение добычи могло быть медленным и растянутым на много лет. Но ведомства действовали по принципу «нефть — любой ценой», «быстрее и больше». Сначала

месторождение «ударными темпами» вывели на проектную мощность — 100 млн. т/год, а в 1983 году была достигнута рекордная отметка — 157 млн. т. После этого на Самотлоре началось резкое падение добычи «черного золота», которое уже нельзя было приостановить никакими призывами и партийно-правительственными закливаниями.

Теоретически нефть из сгубленных месторождений можно взять и потом, но для их «реанимации» нужны специальные, весьма сложные меры. Мало того, что они являются крайне дорогостоящими. Но нередко также экологически небезопасными. Так, в районе Нефтеюганска, Салехарда, Ямбурга уже проведена серия подземных ядерных взрывов с целью увеличения нефтеотдачи пластов. Такие взрывы не только создают риск утечки радионуклидов в атмосферу, но также угрожают радиоактивным заражением подземных вод на обширных площадях. Одним словом, «экономия» при эксплуатации нефтяных (а также газовых) месторождений, исчисляемая сегодня сотнями миллионов (или миллиардами) рублей, завтра может обернуться экономическим ущербом, измеряемым многими десятками, если не сотнями миллиардов рублей, а также экологическими бедствиями, вообще не поддающимися стоимостной оценке. Такая политика не только экономически недальновидна, но и морально ущербна, так как наше сегодняшнее относительное благополучие обеспечивается за счет будущих поколений.

Впрочем, если быть точным, не только за счет потомков, но и ныне живущих. Наши нефтегазодобывающие ведомства выжимают все возможное и невозможное не только из природы, но и людей. Копеечная по сравнению с многомиллиардными доходами отрасли экономия на соцкультбыте, жилищном строительстве, продовольственном снабжении обрекает добытчиков «черного», а также «голубого золота» на нищенское существование. Жители Тюменской области похожи на нищих, сидящих на мешках с золотом. По данным облсовпрофа, 120 тысяч семей, или около 400 тысяч человек, в области прозябают в самых настоящих трущобах — балках, бараках, самодельных хижинах и хибарах («Известия», 16.06.89). Почти четверть миллиона мужчин и женщин годами вынуждены жить в общежитиях на 4—5 квадратных метров на душу («Наш современник», 1989, № 5, с. 104). Условия труда в области ничуть не лучше, чем условия

быта. Семьдесят тысяч труженников нефтегазовой промышленности работают в условиях, не отвечающих элементарным требованиям охраны труда. В области почти вдвое выше среднего уровень травматизма, заболеваний туберкулезом, детской смертности («Известия», 16.06.89).

Особенно драматическим является положение местного, коренного населения. В отношении его осуществляется политика самого настоящего геноцида. Представители малых северных народностей сгоняются сегодня с мест их традиционного расселения. Уничтожение пастбищ ведет к снижению поголовья оленей, загрязнение рек — к гибели рыбы. В результате коренное население лишается мест традиционного промысла, в национальных округах растет безработица. Так, в Ямало-Ненецком округе сегодня не имеет работы каждый пятый житель, причем в основном молодежь; продолжительность жизни сократилась с 61 года в 1959 году до 45 лет в настоящее время («Известия», 17.12.89). Растет заболеваемость алкоголизмом: укоренного населения в Ямало-Ненецком и Эвенкийском округах она в 2—3 раза выше средних показателей по республике. Заболеваемость туберкулезом среди местного населения в пять раз выше среднереспубликанской («Красный Север», 10.12.88, с. 2). По сути дела, параллельно с уничтожением уникальной природы Сибири прямо на наших глазах происходит самое настоящее умерщвление малых народов Севера. Думаю, было бы безнравственно пытаться выразить в рублях подобного рода потери.

Чем же объясняется столь катастрофическое экологическое и социальное положение Западной Сибири? Непосвященному может показаться, что там проживает особый генотип людей: примитивных, диких, агрессивно настроенных к природе... Надо признать, что действительно «человеческий фактор» там сегодня не на высоте: люди обозлены, повсеместно процветает пьянство, высока преступность, культурный уровень населения оставляет желать много лучшего, и в большом и малом господствует психология «временщиков»... Но в конечном счете виноваты не люди. Они лишь жертвы. **Виновата административно-командная система, которая в лице союзных ведомств за рекордно короткий срок превратила Тюменскую область в сырьевую «колонию». Эта «колония», снабжая «дешевым» топливом, а заодно и «нефтедолларами», не только Россию, но и все союзные**

республики, обеспечила временное благоденствие для нашей необъятной страны. Объем добычи, цены, капитальные вложения в производство, соцкультбыт и жилищное строительство, задания по производительности труда, отчисления в бюджет и фонды министерства — все это спускалось нефтяникам сверху. На социальные цели выделялись и продолжают выделяться жалкие крохи. Так, на освоение газоконденсатных месторождений полуострова Ямал было выделено 32 млрд. рублей, из них на так называемое «компенсационное строительство» (сооружение жилья и соцкультбыта) ведомства отчислили менее... 1% (300 млн. рублей). Но и эту мизерную сумму планируется отвести на благоустройство лишь районных центров, а не малых факторий, где живет основная часть коренного населения. Из фондов газовой промышленности на изучение всего комплекса социальных и демографических проблем, связанных с промышленным освоением Ямала, выделено всего 125 тыс. рублей («Советская культура», 13.07.89).

По «остаточному принципу» финансируется и развитие экономической инфраструктуры. Взять, к примеру, автомобильные дороги. Их в Тюменской области крайне не хватает, а те, которые есть, совершенно разбиты; многие из них непроходимы в распутицу. Строительство железных дорог крайне отстает от потребностей региона. Например, ввод в эксплуатацию железной дороги Тюмень — Сургут отстал от планового срока на 10 лет. Дополнительные затраты по доставке грузов, связанные с поздним вводом этой дороги, оцениваются специалистами в 710 млн. рублей, что сопоставимо со стоимостью самой дороги. В целом за период освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири народнохозяйственные потери, вызванные бездорожьем, составили 10 — 14 млрд. рублей («Экономическая газета», 1990, № 2, с. 9).

СУДЬБЫ НЕФТЯНОГО КРАЯ

И сегодня, на седьмом году перестройки, хозрасчет у нефтяников существует лишь на бумаге. В то время как другие отрасли переходят на валютную самоокупаемость, нефтедобытчики (они же и основные в стране валютодобытчики) валюты и в глаза не видят. Правда, Совет Министров СССР разрешил не так давно передавать добывающим предприятиям в качестве стиму-

ла 20% валюты за сверхплановую нефть. Однако вслед за этим из Бюро по топливно-энергетическому комплексу последовало издевательское разъяснение, что Тюменская область получит валюту лишь при условии, если планы выполнит вся отрасль. Я думаю, что нефтяникам Тюменской области и всей страны не видеть валюты как носа своего, потому что центр спускает им каждый год пересмотренные государственные задания, превышающие первоначальные, записанные в пятилетнем плане. Создается такое впечатление, что административно-командная система начисто утратила инстинкт самосохранения, планомерно и систематически уничтожая источник «нефтедолларов», без которых она, подобно наркоману, не сможет протянуть и дня. Сегодня она близка к тому, чтобы своими собственными руками срубить сук, на котором сидит.

Я имею в виду, что **производственная база нефтедобывающей промышленности страны находится на грани полного развала.** Используемая в отрасли буровая техника, средства нефтедобычи морально устарели еще двадцать пять лет назад («Социалистическая индустрия», 28.05.89). И даже этой отсталой и чрезвычайно ненадежной техники катастрофически не хватает, так как число эксплуатируемых нефтяных месторождений и скважин растет из года в год. Производительность труда в бурении — ключевом элементе нефтедобычи — в пять раз ниже, чем в США («Известия», 20.11.89). Получается, что положение с производительностью труда в отрасли, дающей стране подавляющую часть валюты, намного хуже, чем в целом по промышленности, где наше отставание от США оценивается как двукратное (Народное хозяйство СССР в 1988 г., с. 680).

За последний год ситуация в отрасли стала просто критической. У нефтяников, несмотря на все перестроечные процессы в экономике, сохраняется стопроцентный госзаказ. Для большинства же поставщиков отрасли он был установлен на уровне 30%. И многие из них сообщили, что снимают с производства продукцию, которую заказывали нефтяники, — она стала им невыгодной с переходом на хозрасчет. Некоторые из поставщиков требуют за свою продукцию от нефтяников валюту, которой у них нет. Так, почти половина поставщиков отказалась заключать договора на 1989 год на изготовление оборудования для новых промыслов Тюмени, откуда намечалось получить треть намеченного приро-

ста добычи («Социалистическая индустрия», 20.12.88). Одним словом, отрасль и регион в условиях экономической перестройки оказались в неравноправном положении по сравнению с другими отраслями и регионами... А это грозит срывами поставок «черного золота», усилением социальной напряженности в области, дезорганизацией работы многих отраслей нашей экономики.

Известно, что будущее любой отрасли зависит прежде всего от ее отношения к научно-техническому прогрессу. **Сегодня трудно найти в стране отрасль, которую так же слабо, как нефтяную промышленность, затронул научно-технический прогресс.** Так, Тюменской области на фундаментальные исследования ежегодно отпускаются средства, на которые можно пробурить... три скважины. Лишь через двадцать лет после начала освоения нефтяных богатств в Тюмени появился первый академический институт, а о создании филиала с АН СССР до сих пор идут бесплодные разговоры. Союзные НИИ нефтегазового профиля настолько слабы, что так и не смогли сформулировать отечественным машиностроителям современные технические задания. Работающий в Тюменском крае член-корреспондент АН СССР Р. Нигматулин с горечью сказал о сложившейся в нефтяной науке ситуации: «Пагубная, копеечная экономия, которая скажется на наших с вами детях» («Советская Россия», 23.12.88).

Итак, **«высокая эффективность» нефтяного экспорта существует лишь на бумаге.** Более того, есть все основания полагать, что эффективность эта за последние годы катастрофически упала. Казалось бы, в условиях неблагоприятной конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей здравый смысл должен подсказывать необходимость сокращения вывоза дешевого товара. Тем более что многие специалисты предсказывают значительный взлет цен на нефть и другие энергоносители в конце 90-х годов. Мы же вопреки логике рачительного хозяина поступаем как раз наоборот: пытаемся компенсировать падение валютных доходов от вывоза топлива, всячески наращиваем физические объемы этого вывоза. Так, за 1985 — 1988 годы Советский Союз увеличил экспорт нефти со 117 до 144 млн. т, нефтепродуктов — с 49,7 до 61 млн. т, природного газа — с 68,7 до 88,0 млрд. куб. м, электроэнергии — с 29,2 до 38,9 млрд. кВт·ч. Однако, несмотря на столь значительный скачок

в объемах вывоза энергоресурсов из страны, стоимость его упала за указанный период на 10 млрд. рублей (с 38,3 до 28,2 млрд. рублей). С горечью приходится признавать, что подобные «ножницы» в динамике стоимостных и физических объемов экспорта — типичная черта экономически слаборазвитых стран. Наш курс на формирование вывоза топлива напоминает все убыстряющийся бег на месте или даже вспять.

Разбазариванию этого богатства способствует и самое элементарное головотяпство наших внешнеторговцев, перед которыми стоит задача «продать подороже, купить подешевле». К сожалению, до сих пор нефть и газ мы поставляем на внешний рынок практически без учета сезонных колебаний спроса: 60 процентов поставок приходится на весенние и летние месяцы, когда цена на них на мировом рынке падает («Известия», 1.11.89). Или взять такой факт. В 1986 году мы экспортировали нашу сырую нефть по цене в среднем 68 инвалютных рублей за тонну. А тонна нефтепродуктов в это же время стоила на пять инвалютных рублей... дешевле (!). Мало того, что мы загрязняем природу нефтеперегонкой, но мы еще приплатили Западу два или три миллиарда долларов («Социалистическая индустрия», 30.11.89).

Велики также потери в нашей торговле со странами Восточной Европы. Ежегодные наши поставки туда разных энергоносителей составляют около 200 млн. тонн условного топлива. Хотя продажа нефти в эти страны идет сегодня по ценам даже несколько более высоким, чем текущие мировые, однако расчеты велись в переводных рублях или национальных валютах. Но ведь их курсы (как и курс советского рубля) по отношению к западным свободно конвертируемым валютам искусственно завышен, причем весьма значительно. Даже если поднять в 2—3 раза наши цены на нефть странам СЭВ при сохранении нынешней системы расчетов в переводных рублях и национальных валютах, им все равно будет выгоднее покупать топливо в СССР, чем на мировом рынке за доллары. Исходя из нынешних экономических и политических реалий в СССР и странах Восточной Европы, нам надо скорее переходить на поставки нефти и других энергоносителей нашим соседям за твердую валюту.

Конечно, эффективность экспорта нефти и других ресурсов зависит в немалой степени от квалификации,

опыта и даже интуиции работников внешней торговли. Но не только. Все-таки главным условием эффективной торговли нефтью является эффективная ее добыча. А здесь у нас, как я уже отмечал, самый настоящий провал.

Сегодня становится очевидным, что дальнейшая «экономия» на развитии нефтедобывающей отрасли, условиях жизни нефтяников, экологии ведет не к повышению эффективности производства (и соответственно экспорта) «черного золота», а к ее прогрессирующему падению. «Скупой платит дважды» — это изречение очень подходит к нынешнему состоянию нашего нефтяного хозяйства. Отрасль, являющаяся основным хребтом нашей экономики, находится на грани полного развала: Западная Сибирь неумолимо превращается в сплошную зону экологического и социального бедствия. Сегодня, когда социально-политическая обстановка в стране наэлектризована до предела, все это может привести к тому, что в регионе в любой момент могут вспыхнуть волнения и забастовки, не менее серьезные по своим требованиям и последствиям, чем недавние забастовки наших угольщиков. Где же выход? Кое-кто сегодня уже требует объявить нефтяные богатства Тюмени собственностью нескольких миллионов жителей области. Сторонники подобного варианта ратуют за самостоятельный выход сибиряков на мировой рынок нефти; по их мнению, за 2—3 года Тюменская область по количеству заработанных «нефтедолларов» смогла бы затмить даже Объединенные Арабские Эмираты.

Подобные требования, по моему мнению, попахивают экстремизмом, местническим эгоизмом. Если все природные ресурсы Отечества раздать по краям, областям да весям, то мы начисто лишимся экономической основы нашей государственности. Нефть (как и другие природные ресурсы) дана нам «от бога» и должна быть национальным достоянием, а не объектом частной групповой или муниципальной собственности. Кстати, в большинстве стран мира нефть и иные минеральные ресурсы являются национальным достоянием, управляемым специально на то уполномоченными государственными органами. Реалии сегодняшнего дня таковы, что некоторые союзные республики (прежде всего прибалтийские) пошли если не на политический, то по крайней мере экономический отрыв от Союза ССР. Думаю, что в этих условиях наш подход к нефтяным и газовым богат-

ствам Западной Сибири однозначен: они должны быть объявлены национальным достоянием Российской Федерации. Республика должна реализовывать свое право собственности на нефтегазовые ресурсы, прежде всего получая ренту, вносимую в ее бюджет из доходов от реализации углеводородного сырья как внутри страны, так и на внешнем рынке. Продажа нефти и газа другим республикам должна постепенно переводиться на базу мировых цен. Кстати, в том случае, если все нефтегазовое сырье, вывозимое за пределы РСФСР, будет продаваться по мировым ценам, это даст республике, по оценкам Госплана СССР, дополнительный доход в размере около 32 млрд. рублей («Аргументы и факты», 1989, № 51, с. 6).

Оставшиеся после рентных платежей «нефтедоллары» и «нефтерубли» (за вычетом единых для всех отраслей промышленности налогов) должны принадлежать тем, кто добывает «черное золото». Они и должны вдохнуть жизнь в людей, природу, экономику Западной Сибири. К сожалению, эта естественная для цивилизованных стран форма рентных отношений между собственником природных ресурсов (государством) и пользователями (в данном случае предприятиями нефтедобывающей промышленности) не может быть немедленно внедрена в полном виде. Главная причина — отсутствие до сих пор заметного прогресса в переходе на экономические методы управления народным хозяйством. В частности, оттягивается на неопределенное время переход к новым оптовым ценам на природные ресурсы, которые бы включали в полной мере рентные платежи.

Поэтому в качестве чрезвычайной меры по «реанимации» нефтяного хозяйства, независимой от проведения полномасштабной хозяйственной реформы в стране, я предложил бы следующую. Нефтяников страны надо немедленно освободить от удавки 100-процентного госзаказа, поставив их в этом отношении в более или менее разное с другими отраслями положение. Планку госзаказа можно было бы опустить, скажем, до уровня 90% производственных возможностей, чтобы оставшиеся 10% нефтяники могли реализовывать самостоятельно. В абсолютном выражении это составило бы что-то около 60 млн. т (в том числе 40 млн. т для Тюменской области). Продажа этого количества нефти на внешнем рынке при нынешних ценах обеспечила бы валютную выручку порядка 7 млрд. долларов. При введении, ска-

жем, 50-процентных отчислений в бюджет это давало бы нефтяникам ежегодно 3,5 млрд. долларов, или около 2 млрд. инвалютных рублей. Подобные валютные «вливания» в отрасль позволили бы «подтянуть» производственную базу нефтедобывающей промышленности, приступить к осуществлению самых первоочередных мероприятий по спасению природы Западной Сибири, создать более или менее достойные человека условия жизни для населения этого региона.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы через несколько десятков лет после исчерпания нефтяных и газовых ресурсов Западная Сибирь превратилась в «мертвую» территорию. Скорейшее обретение нами чувства хозяина своей земли должно подсказать: пора прекратить бездумное разбазаривание доставшихся от бога богатств. Необходимо принять срочные меры для преодоления монокультурной (нефтегазовой) специализации Тюменской области за счет ускоренного развития отраслей обрабатывающей промышленности, в том числе наукоемких производств. Следует незамедлительно разработать Долгосрочную программу экономического и социального развития Западной Сибири до 2005—2010 года, которая предусматривала бы коренную структурную перестройку хозяйства региона. Западная Сибирь должна вступить в XXI век не сырьевым придатком мировой экономики, а мощным народнохозяйственным комплексом, находящимся на передовых рубежах научно-технического прогресса.

Только в этом случае, как говорил М. Ломоносов, «могущество российское прирастать будет Сибирию».

«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА»

В начале 1987 года Совмин СССР принял постановление о порядке учреждения и деятельности на территории СССР совместных предприятий. По сути дела, речь в постановлении идет о привлечении в страну иностранного капитала. В 1990 году в Советском Союзе насчитывалось уже около двух тысяч зарегистрированных совместных предприятий (СП), причем в подавляющем большинстве случаев нашими партнерами оказываются компании развитых капиталистических стран. По данным Минфина СССР, суммарный капитал зарегистрированных в СССР на 1 сентября 1989 года СП составил 2,4 млрд. рублей, в том числе вклад иностранных участников превысил 1 млрд. рублей (т. е. около 42,5%). Много это или мало? Пока немного, учитывая масштабы советской экономики и в сравнении, например, с КНР. Там в результате проводимой с конца 70-х годов политики «открытой экономики» вложения иностранного капитала уже исчисляются суммой свыше 27 млрд. долларов.

Но нельзя и недооценивать процесс притока иностранного капитала в СССР. За истекшие три года количество создаваемых СП увеличивалось по нарастающей. На подходе заключение сотен и сотен новых соглашений о совместном предпринимательстве, причем среди них есть весьма крупные проекты, оцениваемые в сотни миллионов и даже миллиарды рублей. Наконец, если будет решен вопрос конвертируемости советского рубля в западные валюты и государство возьмет на себя обязательства по защите иностранных инвестиций, то можно ожидать, что процесс притока капитала из-за границы станет лавинообразным.

В условиях проходящей в стране перестройки мно-

гие стороны жизни меняются столь быстро, что наше сознание не в состоянии оперативно «переварить» новые процессы и явления. Наука, к сожалению, не поспевает за практикой. Это в полной мере относится и к вопросам привлечения западного капитала. В нашей стране писались сотни монографий, тысячи статей, защищались кандидатские и докторские диссертации, в которых авторы с пафосом доказывали, что иностранный капитал оказывает пагубное влияние на экономику, политику, духовную жизнь тех государств, которые привлекают этот капитал. И вдруг, о чудо! Те же самые авторы с не меньшей энергией и пафосом стали доказывать, что СП — чуть ли не панацея от тех бед, которые приключились с нашим многострадальным Отечеством. От такой «гибкости» и «оперативности» нашей общественной науки становится не по себе. Опять-таки приходишь к печальному выводу: наука по-прежнему занимается комментаторством той линии, которая определяется властью предрешающими (вот только интересно: кто они сегодня, власть предрешающие?). К сожалению, простые смертные так и не получили от специалистов членораздельных ответов на свои принципиальные вопросы: насколько СП совместимы с нашими представлениями о социализме? Не будут ли СП средством эксплуатации наших сограждан западным капиталом? Не усилят ли они нашу финансовую и технологическую зависимость от Запада? И т. д. и т. п.

В данной главе я не претендую на то, чтобы дать ответ на подобного рода вопросы. Сосредоточусь лишь на одном аспекте проблемы: каковы возможные природно-экологические последствия привлечения иностранного капитала в СССР? Не являются ли СП удобным для Запада средством выкачивания из нашей страны природных богатств? Не усугубит ли деятельность СП и без того катастрофическую экологическую ситуацию в СССР?

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Оснований для подобного рода вопросов более чем достаточно. Так, мы имеем перед своими глазами печальный опыт стран «третьего мира»: привлекая иностранные инвестиции (в том числе и в рамках совместных предприятий) для подъема своих национальных

экономик, они вынуждены были отдавать на расхищение свои природные ресурсы и превращались невольно в объект «экологического колониализма».

Достаточно вспомнить Бразилию. В свое время транснациональные корпорации (ТНК) получили в этой стране 12 концессий на территории почти 40 млн. га для лесоразработок, создания животноводческих хозяйств, добычи полезных ископаемых, строительства дорог. На переданных им землях ТНК в течение многих лет осуществляли хищническое уничтожение амазонских джунглей. Только в пределах административной территории Рондония за последние 15 лет были выжжены лесные массивы, равные по площади Италии («U. S. News and World Report», October, 5, 1987, p. 41). А в общей сложности Амазония потеряла уже 10% своих лесов, являющихся «легкими планеты» («Cambio 16», No. 836, 7 de diciembre, 1987, p. 129). Особенно «отличились» в уничтожении бразильских джунглей такие ТНК, как американские «Людвиг форестри энд рэнчинг компани», «Кинг рэнч», итальянская «Ликвидгаз», западногерманская «Фольксваген ду Бразил».

Многие ТНК («Дель Монте», «Борден», «Свифт», «Фольксваген ду Бразил», «Форд ду Бразил» и др.) создают в Амазонии крупные животноводческие фермы. Хозяйства эти лишены очистных сооружений. Органические отходы сбрасываются прямо в реки. Туда же попадают химические удобрения и пестициды, смываемые с полей ливневыми потоками. ТНК устремляются в глубь Амазонии за ценными видами минерального сырья. После открытия в южной части бассейна Амазонии в районе Большого Каражаса самых крупных в мире запасов железной руды началось активное освоение этих месторождений компаниями «Бетлехем стил», «Бритиш стил» и консорциумом японских фирм. Многочисленные заводы этих ТНК по производству чугуна, как действующие, так и проектируемые, рассчитаны на использование в качестве топлива древесного угля. В одном из исследований Международного банка реконструкции и развития отмечается, что если в Бразилии будут реализованы все запланированные 34 проекта по развитию металлургической промышленности, то в ближайшие десятилетия это приведет к полному уничтожению всех лесных массивов Амазонии («The Economist», 1989, July 15, p. 42).

Очень напряженной является экологическая обста-

новка во многих городах Бразилии, где разместили свои предприятия филиалы ТНК. Так, в Сан-Пауло — 24 тысячи промышленных предприятий, причем большинство из них принадлежат частично или полностью иностранному капиталу. В этом городе сегодня сосредоточено 60% промышленного производства страны («Der Spiegel», 14 August, 1989, S. 141). По нормам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 1987 году в этом городе в течение 266 дней следовало бы объявлять тревогу в связи с образованием густого смога (там же, S. 135). Однако воздух Сан-Пауло можно было бы назвать «свежим» по сравнению с той газовой смесью, которой приходится дышать жителям другого бразильского города — Куботао. Это один из центров сосредоточения принадлежащих иностранному капиталу предприятий черной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, который местные жители называют «городом смерти». Трудно поверить, но средний уровень концентраций загрязнений в атмосфере Куботао в 100 раз выше, чем в Сан-Пауло. По составу воздух этого города сравним с воздухом закрытой химической лаборатории. Здесь отмечается самый высокий в стране процент мертворожденных и умственно отсталых детей («Bohemia», 1982, № 46, p. 90—91). Пример Бразилии показывает, что ТНК несут в государства «третьего мира» не только прогресс и «цивилизацию» (о чем так активно последнее время стали вещать наши средства массовой информации и «перестроившиеся» в одночасье специалисты по развивающимся странам), но и серьезные социально-экономические и экологические проблемы. Присутствие ТНК во многих других странах Латинской Америки, а также в государствах Африки и Азии порождает такие проблемы, как истощение природных ресурсов, нарушение равновесия в экологических системах, загрязнение окружающей среды.

Имеем мы перед глазами и свой собственный опыт не всегда продуманного использования «новейших» форм экономического сотрудничества с Западом. Так, до сих пор не сделан серьезный, объективный анализ такой широко использованной в «застойный период» формы, как «компенсационные сделки» — предтечи совместного предпринимательства. А такой анализ был бы весьма поучителен и позволил бы более трезво взглянуть на нынешний «бум» создания СП. Без тех восторгов, которые сегодня обрушиваются на нас через средства мас-

совой информации. Кстати, такими же восторгами сопровождался начавшийся полтора десятилетия назад «бум» «компенсационных сделок». Идея этих сделок проста: Запад нам — комплектное оборудование и сооружение промышленных объектов; мы Западу — товар, произведенный на этих объектах. «Компенсационные сделки» объявлялись тем средством, с помощью которого нам удастся сделать серьезный рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Каковы же сегодня результаты тогдашнего «бума» «компенсационных сделок»?

Во-первых, предприятия «компенсационного типа» повисли тяжелым грузом на теле нашей экономики: они оказались отнюдь не такими «эффективными и рентабельными», как их представляли нам западные партнеры, заинтересованные советские ведомства и отечественная пресса. Отчасти это объясняется затяжками пускового периода и неполным освоением проектных мощностей. Так, в химической и нефтехимической промышленности из 49 объектов, сооруженных на компенсационной основе, освоены на полную мощность только 10. На целом ряде предприятий эффективность производства начала падать из-за физического старения оборудования, вывода его из строя, отсутствия запасных частей и т. п. Наконец рентабельность многих из них была поставлена под большой вопрос в связи с падением мировых цен на выпускаемую продукцию. Взять хотя бы экспортный газопровод Уренгой — Елец — Ужгород — один из крупнейших компенсационных объектов, сооружавшихся в соответствии со сделкой «газ — трубы», которую наша пресса именвала не иначе, как «контракт века». Как пишет по поводу этой сделки журнал «Коммунист», «по прошествии ряда лет выясняется, что экономическое обоснование многомиллиардного «контракта века» сомнительно, крупные средства истрачены на неработающее оборудование, цены на экспортируемый газ резко упали, с реализацией возникли серьезные затруднения, внутренние затраты на добычу и поставку газа, по данным НИИ цен Госкомцен СССР, примерно на 80 процентов выше, чем предполагалось при обосновании целесообразности контракта, что эффект от сделки, во всяком случае, значительно меньше того, который нам обещали» (1988, № 8, с. 81).

А теперь короткая цитата из совместного письма тогдашних министра финансов СССР Б. Гостева и пред-

седателя правления Промстройбанка СССР М. Зотова в 1989 году министру по производству минеральных удобрений СССР Н. Ольшанскому по поводу результатов деятельности ПО «Тольяттиазот». На нем с помощью оборудования, поставленного американской корпорацией «Оксидентал петролеум» на основе компенсационного соглашения, производится аммиак: «...Объединением не выполняются и заниженные по сравнению с проектными заданиями планы. Вложив в строительство более 600 миллионов рублей, государством за весь период эксплуатации недополучено против годовых планов 2,4 миллиона тонн аммиака на сумму 250 миллионов рублей, а против проектных заданий потери удваиваются и превышают 0,5 миллиарда рублей». Тут же в письме указывается, что одной из основных причин неудовлетворительной работы являются конструктивные недостатки отдельных узлов агрегатов, поставленных из США» («Строительная газета», 23.03.89). Еще один аммиачный завод, также построенный на базе компенсационной сделки в Донецке, в результате изначальных недоделок и дефектов и отсутствия запасных частей через 7 лет вообще остановил свою работу.

Во-вторых, в результате реализации «компенсационных соглашений» наша страна все глубже увязала в сырьевой и околосорьевой специализации, все дальше уходила в сторону от магистральных путей развития научно-технического прогресса. Из 100 предприятий «компенсационного типа», построенных в нашей стране с 1976 по 1986 год, 31 предназначалось для выпуска минеральных удобрений, 49 — для производства другой химической и нефтехимической продукции (крупнотоннажная химия), остальные были сооружены в газовой, угольной, лесоперерабатывающей отраслях промышленности. Нет среди предприятий «компенсационного типа» ни машиностроительных заводов, ни предприятий по производству потребительских товаров и услуг, ни научно-исследовательских и проектных центров. Это и немудрено. Зачем было капиталистам, скажем, налаживать у нас выпуск наукоемкой продукции? Чтобы она стала конкурировать с их собственной продукцией на мировом рынке? Или чтобы усиливать наш научно-технический потенциал? А вот воспользоваться нашим дешевым сырьем, топливом, полуфабрикатами они были отнюдь не прочь. И вот потекли за рубеж реки нашего природного газа (в XI пятилетке на компенсационные

сделки приходилось 100% советского экспорта газа на Запад), аммиака (67%), деловой древесины (40%), метанола (75%), каменного угля (35%) и т. д. Экспортные поставки по компенсационным соглашениям шли по нарастающей: в 1976 году они составляли лишь 0,2 млрд. рублей, в 1985 году — уже 4,0 млрд. рублей. Всего с середины 70-х до середины 80-х годов в счет «компенсации» на Запад было отправлено топлива, сырья, химических товаров на сумму 22,5 млрд. рублей. Ресурсы за границу идут практически за бесценок, так как большинство из них вообще не подвергается обработке: 84% «компенсационных» экспортных поставок приходится на природный газ, уголь и деловую древесину («Внешняя торговля», 1988, № 2, 29 — 31).

В-третьих, большинство предприятий «компенсационного типа» наносят серьезный ущерб природной среде, о чем наша пресса в большинстве случаев до сих пор предпочитает стыдливо умалчивать. Когда, скажем, будет сделан честный и объективный анализ того громадного, порой невосполнимого урона, который был нанесен тундре и тайге, многочисленным озерам и рекам, животному миру в результате «ударной» прокладки экспортного газопровода Уренгой — Елец — Ужгород? А почему у нас стараются до сих пор не замечать, что построенный в рамках «компенсационного соглашения» аммиакопровод Тольятти — Одесса является самой настоящей «экологической бомбой»? Авария на нем могла бы стать экологической катастрофой, сопоставимой по масштабам с Бхопалом, и намного превзойти мощность взрыва, происшедшего на трубопроводе между Уфой и Челябинском летом 1989 года.

Кстати, об аммиачном производстве в целом. Пятнадцать лет назад американская корпорация «Оксидентал петролеум» подписала с нашими ведомствами соглашение о строительстве на территории СССР заводов по производству жидкого аммиака с последующей его поставкой в США и многие другие страны мира. Общая стоимость проекта — 20 млрд. долларов. Вот уж действительно «сделка века»! Во что же она обернулась сегодня? Заводы построены, они буквально залили мировой рынок жидким аммиаком: из 5,6 млн. т этого продукта, обращающегося в международной торговле, на поставки из СССР приходится 3,5 млн. т. Я не знаю ни одного другого товара, по которому мы сумели бы достичь такого «господства» на мировом рынке. Только по-

чему-то вместо гордости у меня возникает чувство досады и обиды. И вот почему. Прежде всего потому, что этот аммиак мы поставляем «Оксидентал петролеум» по дешевке — по ценам примерно вдвое ниже мировых (таковы условия «сделки века»!). За счет этого руководитель корпорации А. Хаммер нажил громадные барыши. Но не только за счет этого. Еженедельник «Неделя» (1988, №38) со ссылкой на американский журнал «Экологджи» дал любопытную классификацию производств, принятую в Соединенных Штатах:

1. Предприятия, которые могут создаваться на территории страны.

2. Предприятия, которые могут быть размещены в пределах морского бассейна.

3. Предприятия, которые должны быть вынесены как можно дальше от границ США, в развивающиеся страны Азии и Африки при сколь угодно дорогой транспортировке.

Итак, мы (вернее — руководители соответствующих ведомств) приравнивали Советский Союз к стране «третьего мира»! Конечно же, обидно. Но может быть, это всего лишь мои эмоции и ничего страшного на самом деле нет? Но вот в газете «Правда» (05.10.88) нахожу информацию о так называемом Припортовом заводе по производству аммиака, построенном в рамках «сделки века» с участием «Оксидентал петролеум». Завод расположен в нескольких километрах от Одессы, на Григорьевском лимане, некогда полном рыбы, известном на всю страну своими лечебными грязями. «Решение о строительстве Припортового завода в трехкилометровой прибрежной зоне, — пишет «Правда», — принималось келейно — десять лет тому назад. С тех пор в порту Южный объявляется повышенная газовая опасность, когда идет погрузка аммиака на судно-газовоз. Приборы регистрируют повышенные концентрации аммиака в воздухе. Продукт этот пользуется неограниченным спросом в высокоразвитых странах, которые остерегаются создавать его производство на собственной территории. Вот и решено расширить одесский завод со скромным названием Припортовый. В 1990 году грядет третья очередь». Сегодня выбросы Припортовым заводом аммиака в два раза выше проектных и в три раза — против гарантии «Оксидентал петролеум». Ежегодно увеличиваются валовые выбросы пыли карбами-

да, они достигают 5 тыс. т ежегодно. В опасной зоне оказалось несколько поселков, жителей одного из них (Новые Беляры) решено переселить в более безопасное место. Остается только добавить, что и ученые, и городские власти, и одесситы были против строительства, но ведомства в те «застойные времена» просто наплевали на все протесты. Сегодня начинается новый раунд борьбы: общественность выступает не только против третьей очереди, но и за закрытие завода вообще. Будем надеяться, что сегодня ведомства наплевать на общественное мнение будет не так-то просто. Свои «грязные» следы «Оксидентал петролеум» оставляет и в других районах нашей страны. Так, после ввода в эксплуатацию в Горловке на производственном объединении «Стирол» импортного оборудования, поступившего от этой корпорации, резко ухудшилась экологическая обстановка. В частности, концентрации аммиака и окислов азота в окружении предприятия превышают предельно допустимые нормы в 3—6 раз.

СОЮЗ ТНК И ВЕДОМСТВ

Итак, эйфория по поводу «компенсационных соглашений» сегодня проходит. На смену ей идет эйфория местного предпринимательства. Но, судя по всему, мы плохо учимся даже на своих собственных ошибках. Многие из них могут сегодня повториться. Прежде всего я имею в виду то, что СП могут еще сильнее загнать нашу страну в угол сырьевой специализации.

Хотя большинство созданных к сегодняшнему дню в нашей стране СП принадлежит к отраслям по производству техники средней сложности, потребительских товаров, услуг, их размеры весьма скромные, а совокупные активы составляют несколько сот миллионов рублей. И на этом фоне цифры совсем другого порядка. Так, в марте 1988 года Миннефтепром СССР подписал протокол о намерениях по созданию СП «Тенгизполимер» с капиталом 6 млрд. долларов. Иностранные партнеры — итальянские корпорации «Эни», «Монтэдисон», американская «Оксидентал петролеум», японская «Марубени». Предусматривается создание на базе богатейшего месторождения углеводородного сырья в Тенгизе самого крупного в Восточном полушарии газохимического комплекса. Он будет производить ежегодно для

поставки как на внутренний, так и внешний рынки 1 млн. т гранулированной серы, 600 тыс. т полиэтилена, 400 тыс. т пропилена, значительное количество других пластмасс.

Еще одна информация: 1 ноября 1988 года Минхимпром СССР и японская фирма «Мицубиси корпорейшн» (от лица международного консорциума других японских и американских фирм) подписали предварительное соглашение о строительстве в рамках совместного предприятия химического комплекса в Нижневартовске на базе местного углеводородного сырья. В течение XIII и XIV пятилеток предполагается возвести 15 заводов по производству конструкционных и рядовых полимерных материалов. Стоимость проекта оценивается в 5 млрд. долларов.

Наконец, в самом конце 1988 года Мингазпром СССР и корпорация «Макдермот интернэшнл» предварительно договорились о создании в Уренгое крупного комплекса по производству полиэтилена. В Тюменской области на базе совместного предпринимательства предполагалось создать еще по крайней мере три нефтегазохимических комбината: в Сургуте, Увате, Тобольске. Решение об этом записано в постановлении Совета Министров СССР «О мерах по созданию нефтехимических комплексов в Тюменской области на базе углеводородного сырья месторождений Западной Сибири с использованием передовых технологических процессов», принятом 2 декабря 1988 года. Только отмеченные шесть совместных проектов могут «запрограммировать» развитие в стране крупномасштабной добычи природных ресурсов на период, далеко выходящий за рамки 2000 года. А сколько еще готовится подобных соглашений? Так, гигантская корпорация «Шеврон», входящая в консорциум американских компаний, прорабатывает с нашими ведомствами разные варианты создания СП по освоению нефтяных богатств Казахстана, Средней Азии и Тюменского края. Скандинавские бизнесмены изучают возможности эксплуатации на базе СП лесных и минеральных ресурсов европейского Севера СССР. Предлагается, в частности, превратить Кольский полуостров в сплошную зону совместного предпринимательства. С нашей стороны выдвигаются проекты привлечения «капитала зарубежных фирм и организаций», а также создания «транснационального фонда» для освоения природных ресурсов БАМа («Правда», 28.12.88).

Япония ведет зондаж по поводу создания СП в Сибири и на Дальнем Востоке (лесозаготовки, добыча угля, калийных солей, добыча нефти на шельфе и т. д.). По предложению ряда японских фирм на Дальнем Востоке планируется создание совместной компании, которая взяла бы в аренду на 60 лет участок площадью в сто квадратных километров на побережье моря (в Посьето-Хасанском районе, на стыке трех границ — СССР, КНР и КНДР). Совместная компания должна построить новый торговый порт, проложить дороги, нефте- и газопроводы, линии связи и т. д., то есть создать инфраструктуру, необходимую для выкачивания природных богатств из внутренних районов нашей страны. Японская сторона не скупится: она готова выложить на проект 4 млрд. долларов.

Западные фирмы совсем не прочь взять в концессию земельные участки и в обжитых районах европейской части нашей страны. Так, с осени 1988 года американская корпорация «С. Итон уорлд трейд» ведет с Ленгорисполкомом переговоры о создании совместного предприятия в виде культурно-развлекательного центра на северном побережье Финского залива (в районе поселка Лисий Нос). Речь идет об ориентировочном вложении 5 млрд. долларов и о долевом участии обеих сторон. Для проекта предусматривается аренда земельного участка сроком на 50 лет. Ленинградская пресса назвала данную сделку «проектом века», не имеющим аналогов ни в одной стране мира.

Интенсивно прорабатываются варианты создания так называемого «открытого сектора» в Новгороде (в его рамках предлагается создать три консорциума с участием западного капитала).

В Крыму англичане предложили местным властям создать советско-английский курортный комплекс в одном из уникальных уголков нашей страны — Голубом Заливе — с арендой территории на 99 лет. (При этом предполагается, что комплекс будет ориентироваться на обслуживание исключительно иностранцев.)

Перечень готовящихся сделок в области совместного предпринимательства можно было бы еще долго продолжать. Но дело не в этом. Дело в том, что крупный капитал не особенно-то рвется создавать масштабные производства компьютеров, роботов, лазерной и иной передовой техники. Логика иностранного капитала достаточно проста: зачем создавать себе в лице СП кон-

курентов на международных рынках наукоемкой продукции?

По официальным данным, на 1 января 1990 года из всех созданных на территории СССР СП на машиностроительный комплекс пришлось лишь 4,9% их общего числа, да и то речь шла в основном о выпуске технически несложной и металлоемкой продукции.

Об истинных целях, преследуемых иностранным капиталом в нашей стране, откровенно заявил директор монополии «Бизнес интернешнл» Джон Скиннер: «Западные фирмы, заинтересованные в создании крупных совместных предприятий, преследуют в основном две цели: проникновение на советский рынок и переработка имеющихся там природных ресурсов с последующим экспортом». Иностранцев привлекает обилие и дешевизна природных ресурсов в СССР; по крайней мере на сегодняшний день цены на сырье и топливо на нашем внутреннем рынке в 2—2,5 раза ниже, чем на мировом (Аганбегян А. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988, с.114). Характерно, что договоренность о СП «Тенгизполимер» была достигнута в условиях, когда конъюнктура на мировом рынке химической продукции запланированного профиля была далеко не самой благоприятной. Что же тем не менее подтолкнуло «Оксидентал петролеум» и другие компании к подписанию протокола о намерениях? Думается, прежде всего расчет на дешевое сырье. При дешевизне сырья никакие превратности мировой конъюнктуры не страшны. На пресс-конференции после заключения соглашения председатель совета директоров «Оксидентал петролеум» А. Хаммер заявил: «Мы не благотворительное общество, а группа транснациональных корпораций. Наша цель — получение прибыли». Такая уверенность и откровенность заставляют, честно говоря, задуматься: а не просчитались ли мы в этой сделке?

Изучение первого опыта деятельности СП на территории СССР показывает, что очень многие из них создаются совсем не для тех целей, которые декларируются в протоколах о намерениях, контрактах и уставах. Так, многие СП, имея привилегированный режим выхода на внешний рынок, начинают выступать в качестве своего рода посредников, участвующих в поставках на внешний рынок лицензируемых товаров. А что у нас в основном подлежит лицензированию? Сырье, полуфабрикаты, стратегические материалы, то есть те товары, кото-

рые, во-первых, прежде всего нам самим нужны, во-вторых, обеспечивают бешеную норму прибыли (из-за низких внутренних цен). Итак, СП (независимо от провозглашенных в уставах целей и задач) становятся важным каналом полулегальной перекачки наших природных ресурсов на внешний рынок. Многие СП стали заниматься скупкой на внутреннем рынке СССР различных товаров и сырья с целью их последующего экспорта также потому, что для них это является единственной возможностью обеспечить свою валютную самоокупаемость в условиях отсутствия конвертируемого рубля.

Что ж, капиталистов в конце концов понять можно. Но вот поведение наших министерств и центральных экономических ведомств (Госплана, Государственной внешнеэкономической комиссии при Совмине СССР и др.), отвечающих за политику в области совместного предпринимательства, просто удивляет. Создается впечатление, что процесс создания СП идет стихийно, причем инициатива принадлежит не Госплану или ГВК, а иностранным компаниям. Советский экономист М. М. Максимова писала недавно по этому поводу (на примере западногерманских монополий): «Нажившие огромные прибыли на сделках «газ — трубы» и других компенсационных проектах крупнейшие металлургические, энергетические и химические концерны ФРГ пытаются «держать в плену» соответствующие советские министерства и ведомства, навязывая им новые и новые дорогостоящие контракты, многие из которых сомнительны с точки зрения народнохозяйственной эффективности».

Создается впечатление, что наши ведомства ленятся шевелиться, проявлять энергию, предприимчивость, стремятся проводить перестройку с помощью капиталистов и за счет нашего национального богатства. Поведение типичных временщиков, действующих по принципу: «после нас хоть трава не расти». После «бума» совместного предпринимательства она может прекратить расти в буквальном смысле слова.

В разговоре с одним из ответственных работников министерства я услышал признание: «Суть совместных предприятий предельно проста: мы им — землю, они нам — железки». После этого разговора мне в голову почему-то пришла невеселая аналогия — первые конкистадоры в Америке проводили захват ее территории без оружия: они приобретали у индейцев большие учас-

тки земель в обмен за бусы и другие блестящие безделушки. Чем вся эта история закончилась, мы хорошо знаем.

Конечно, было бы неверно утверждать, что иностранные фирмы в СССР привлекают только дешевизна земли, других природных ресурсов, большая экологическая емкость наших территорий. Есть и другие важные стимулы и факторы, определяющие повышенный интерес западного капитала к нашей стране: достаточно мощный научно-технический потенциал, наличие большого количества культурных и исторических памятников (что важно для развития туристического бизнеса), дешевизна рабочей силы и т. д. Так, средняя заработная плата советских граждан, работающих на СП, в 1989 году составила 266 рублей в месяц. Если пересчитать ее в доллары по новому курсу рубля для неторговых операций, то окажется, что рабочая сила в СССР в десятки раз дешевле, чем в промышленно развитых странах Запада (и, вероятно, ее цена даже ниже, чем в иных развивающихся странах). Трудом одного «среднестатистического гражданина» нашей страны, работающего на СП, в 1989 г. была обеспечена ежемесячная выручка валюты в размере 6530 инвалютных рублей и еще 16 850 рублей — выручка внутри СССР (суммарно — 23 400 рублей на человека в месяц). Доля средней заработной платы советского гражданина в общей выручке СП составила в среднем 13 процентов. По западным стандартам это чрезвычайно низкая доля. Приходится с горечью констатировать, что на СП происходит достаточно «жесткая» эксплуатация наших сограждан.

Когда речь идет о мелких и средних СП, логика и мотивы участия в них западных фирм достаточно ясны и очевидны. Гораздо сложнее и запутаннее (по крайней мере на первый взгляд) ситуация с крупными совместными проектами, в которых с нашей стороны участвуют не предприятия, а ведомства.

Ряд таких проектов с участием западных фирм на территории СССР настолько сомнителен с коммерческой точки зрения, что у некоторых могут возникнуть вопросы: в своем ли уме иностранные партнеры? Не отказывает ли им в данном случае капиталистическая расчетливость? Да, проекты коммерчески сомнительны, а западные партнеры в своем уме. И никакого противоречия в данном случае нет. Дело в том, что наши сред-

ства массовой информации сознательно или несознательно занимаются дезинформацией общественности: они говорят о СП в Тюменской области и в районе Тенгиза, а это никакие не СП, а банальные «компенсационные сделки». Весь финансовый и коммерческий риск таких предприятий полностью возлагается на советскую сторону. Западные же партнеры, поставляющие оборудование в кредит на эти предприятия, в любом случае внакладе не останутся: они сполна получают свои проценты за кредит (а может быть, еще и неустойки, если мы не будем готовы в срок принять оборудование). Кстати, западные партнеры отнюдь не спешат на крупные вложения своих средств в советскую экономику в виде прямых производственных инвестиций. Они этого и не скрывают. Так, Ганс Граферс, глава представительства западногерманской фирмы «Зальцгиттер» в Москве, заявил откровенно: «Создание совместных предприятий означает в лучшем случае предоставление кредита, но ни в коем случае постоянное вложение иностранного капитала в СССР» («Социалистическая индустрия», 13.06.89).

Привлечение же иностранного капитала в СССР в виде кредитов при отсутствии каких-либо гарантий их быстрой окупаемости (как рублевой, так и валютной) может еще более усугубить финансовое положение Советского Союза.

СП И НАША ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В условиях нарастающего экологического неблагополучия в стране нас не может не волновать вопрос возможного влияния СП на окружающую среду. Тем более что многие капиталистические фирмы проявили интерес к созданию СП в таких экологически опасных отраслях, как химия, нефтехимия, биотехнология. Почему в химии? На этот вопрос отчасти отвечает президент американской консультативной фирмы «Планэкон» Ян Ванос: «Из-за недостаточного знания западными фирмами советского трудового законодательства наиболее перспективными областями для совместных предприятий следует считать капиталоемкие отрасли экономики, не требующие большого количества работников и западного стиля управления производством». То есть бизнесмен не уверен, что западным монополиям позволят в Советском Союзе беззастенчиво и бесконтрольно

эксплуатировать рабочую силу. Поэтому он заключает: «В качестве возможного направления такого сотрудничества я назову химию и нефтехимию» («Экономическая газета», 1988, № 34, с. 23). Указанные производства являются, как выражаются специалисты, чрезвычайно «экологоемкими», и, делая ставку на них, западные фирмы не прочь нажиться за счет принадлежащей нам природной среды. Тем более что у себя дома монополии, имеющие химические производства, последнее время начинают чувствовать себя очень неуютно. В частности, недавнее обследование в ФРГ показало, что 45% опрошенных были настроены резко против химической промышленности, а еще 50% были обеспокоены ее развитием. В начале 90-х годов, по некоторым оценкам, для выполнения жестких экологических стандартов химическим компаниям ФРГ придется направлять на охрану окружающей среды до 50% всех своих капиталовложений («The Economist», 1988, October, p.85). На проходившей в начале 1990 года во Франкфурте-на-Майне конференции по проблемам экономических отношений Восток — Запад ее участники из развитых капиталистических стран назвали три сферы, представляющие наибольший интерес для западного капитала в СССР и странах Восточной Европы: химию, туризм и некоторые виды тяжелого машиностроения. Преимуществами химии (в первую очередь органической), по их мнению, являются простота производства, относительно высокое качество продукции, возможность сбыта ее на твердую валюту, а также «относительно благоприятные экологические условия» в названных странах (см.: «Известия», 30.01.90).

В силу растущей оппозиции со стороны «зеленых» компаниям химической, биотехнологической, других «грязных», экологически опасных отраслей все сложнее и дороже осуществлять строительство новых предприятий. Так, процедура выдачи разрешений на производство и сбыт продуктов биотехнологии занимает в ФРГ от 3 до 6 лет (БИКИ, 3.12.88, с.6). На фоне столь «бюрократической» процедуры порядок создания СП аналогичного профиля в СССР кажется западным фирмам предельно упрощенным. В то же время, предвидя опасения нашей общественности, пусть уже и озабоченной в какой-то мере проблемами экологии, но еще слабо в них разбирающейся, а главное, плохо организованной, химические и им подобные монополии при подготовке

протоколов о намерениях спешат включить туда дежурные фразы о применении на СП «экологически самой чистой технологии». Лично меня они не успокаивают. Равно как и многих моих сограждан. Юридической силы эти заверения не имеют. И особого доверия к честному слову Высоких Договаривающихся Сторон у меня, честно говоря, нет. О том, чего стоят на деле самые пылкие заверения и страстные обещания наших министерств в области охраны окружающей среды (да и в других областях), мы с вами слишком хорошо знаем. Но, может быть, западные партнеры более ответственно относятся к сохранению природной среды? Тем более что от представителей наших министерств мне приходилось не однажды слышать: «Капиталистические фирмы будут заботиться об экологии, потому что они заботятся о своей репутации в мире». Не слишком ли наши товарищи из ведомств доверяют господам капиталистам?

Да что там репутация монополий в мировом масштабе! Они порой забывают о ней даже в своей собственной стране. Когда речь идет о миллионах, которые можно сэкономить на экологии. Так, в прошлом году в США под нарастающим давлением общественности и органов здравоохранения министерство юстиции и Агентство по охране окружающей среды возбуждали судебные иски против более чем ста корпораций, повинных в отравлении атмосферы, водоемов, почвы. Среди обвиняемых — известная компания по производству пестицидов в штате Колорадо (г. Сан-Матео), она в течение тридцати лет осуществляла крупномасштабные загрязнения почвы и воды. В конце концов монополию просто обязали выплатить (беспрецедентный случай!) сумму почти в 2 млрд. долларов для покрытия возникшего ущерба. Корпорации «Тексако» был предъявлен штраф на 750 млн. долларов — за нарушение правил ведения буровых работ на морском дне близ берегов Калифорнии. Крупные штрафы были возложены на известные во всем мире корпорации «Дженерал моторз», «Мобил ойл», «Мартин-Меризтта», «Макдоннел-Дуглас», «Хьюз Эйркрафт» за незаконное создание свалки близ Лос-Анджелеса («Социалистическая индустрия», 11.01.89). Список экологических преступлений на территории США, совершаемых монополиями, в том числе с мировым именем, можно было еще долго продолжать.

И это в стране, которая отличается жесткостью природоохранных стандартов, высокими штрафами за их нарушение, большим размахом экологического движения! А что же говорить о деятельности международных монополий в других, экономически менее развитых странах? Там они проводят самую настоящую политику «экологического колониализма». Важный элемент этой политики — практика так называемых «двойных стандартов»: более дорогая и совершенная с экологической точки зрения технология внедряется на предприятиях международной монополии в развитых капиталистических странах, а более дешевая и «грязная» — в развивающихся. К чему это может приводить, наглядно демонстрирует пример индийского города Бхопал, где по вине американской химической корпорации «Юнион карбайд» в 1984 году произошла экологическая катастрофа, унесшая по меньшей мере 3 тысячи человеческих жизней. Жертвами политики «двойных стандартов» международных монополий в развивающихся странах каждый год становятся тысячи и тысячи людей. Так, американский специалист в области международной экономики Б. Каслмен пришел к выводу, что в результате различий экологических стандартов уровень профессиональных заболеваний на предприятиях транснациональных корпораций в странах «третьего мира» существенно выше, чем в промышленно развитых. Вот вам и забота монополий о своем репуте!

Кстати говоря, даже среди тех западных компаний, которые уже заключили соглашения о создании СП или ведут в настоящее время переговоры по этому вопросу, имеется немало таких, экологическая репутация которых, мягко говоря, далеко не безупречна. Так, 23 ноября 1987 года известная во всем мире швейцарская химическая корпорация «Сандоз» подписала с Минхимпромом СССР соглашение о строительстве совместного предприятия «Таврия» по производству жидких сернистых красителей в поселке Армянск Крымской области. Корпорация прославилась на весь мир не только широким ассортиментом своей продукции (красители, фармацевтика, пестициды), но и тем, что осенью 1986 года отравила Рейн на всем его протяжении. Случилось это в результате пожара на складе компании в Базеле. В результате расследования было выяснено, что помещение склада не было приспособлено для хранения химической продукции, отсутствовало элементарное

противопожарное оборудование и т. д. Неужели товарищей из Минхимпрома, подписавших соглашение, подобные обстоятельства не насторожили?

Не исключено, что «Сандоз», равно как и всякая другая западная фирма, участвующая в СП, будет пытаться проводить в СССР политику двойных стандартов». А надо сказать, почва для этого в нашей стране, по крайней мере на сегодняшний день, имеется: либеральные, практически символические штрафы за нарушение экологических нормативов, отсутствие четкого природоохранного законодательства, относительно более слабое, чем на Западе, экологическое движение и т. д.

Предположим даже, что вопреки нашим сомнениям на СП будет действительно внедрена «экологически самая чистая технология», как предусматривается в протоколах о намерениях. Гарантирует ли это экологически безвредное функционирование СП? Опять-таки сомневаюсь. Ведь постоянно будет существовать большой социальный экономии на текущих природоохранных издержках. А опыт такой «экономии» не мал как у наших министерств и предприятий, так и у западных компаний: отключение очистного оборудования и контрольно-измерительной аппаратуры, «залповые» сбросы вредных веществ в ночное время, закачка сточных вод в подземные пласты, создание нелегальных свалок токсичных отходов и т. д.

Примером того, что новейшее оборудование для охраны окружающей среды не гарантирует ее сильнейшее загрязнение, является Астраханский газовый комплекс (АГК). Для его строительства Мингазпромом СССР было, в частности, закуплено у французской фирмы «Технип» новейшее управляющее электронное оборудование для автоматического контроля и управления режимом работы предприятий. В настоящее время функционирует первая очередь комплекса. Но как? Журнал «Коммунист» писал по этому поводу: «Ни одна технологическая установка не выведена на проектные параметры. На многих из них отключены системы автоматической блокировки и сигнализации, отсутствуют датчики показателей давления, температуры, уровня жидкой фазы и соотношения газа и воздуха. Не задействованы автоматические газоанализаторы содержания сероводорода. Сложнейший комплекс, работающий на опаснейшем сероводородном сырье, управляется, по существу, на глазок» (1988, №8, с.82). Если в 1987

году АГК в атмосферу было выброшено свыше 1 млн. т токсичных химических веществ, то уже за первое полугодие 1988 года выбросы составили 730 тыс. т. Это соответственно в 10 и 14 раз превышает проектные величины выбросов; в районе АГК нередки случаи массового отравления людей, несколько человек уже погибло. Мы еще не успели, как говорится, расхлебаться с АГК, а уже планируем неподалеку создание СП «Тенгизполимер». Вместе с тем специалисты отмечают, что тенгизское месторождение имеет много общего с астраханским: повышенную токсичность газа, аномально высокое давление пласта и т. д. Всякие нарушения в режиме работы оборудования в Тенгизе, по их мнению, могут привести к катастрофе, сопоставимой по масштабам с чернобыльской.

Как можно понять из прессы, Высокие Договаривающиеся Стороны при подписании соглашения о СП типа «Тенгизполимер» думают об экспорте, финансировании, прибылях и т. п. Но думают ли они всерьез о возможном развитии событий в случае возникновения на этих СП критических ситуаций и катастроф? А если они не думают, то думает ли кто-нибудь вообще? Отметим, что СП — юридически независимые лица, за действия которых не отвечают ни наши министерства, ни материнские компании со стороны западных партнеров. А ведь возможный материальный ущерб от экологических катастроф может многократно превышать все активы СП. Кто и как будет его покрывать? Кстати, история с Бхопалом показала, что после утечки токсичных веществ с индийского завода «Юнион карбайд» до сих пор не удается получить сколь-нибудь существенных компенсаций за потерю здоровья, так как монополия отказывается платить по экологическим счетам своей дочерней компании (сумма предъявленного иска — 3,3 млрд. долларов).

В ряде случаев СП могут оказывать резко негативное влияние не только на физическую, но также культурную и социально-психологическую среду обитания людей. Особенно четко эта проблема обозначилась при обсуждении общественностью проекта создания культурно-развлекательного центра в поселке Лисий Нос под Ленинградом. Мало того что при реализации этого гигантского проекта неминуемо пострадают леса, входящие в лесопарковую зону Ленинграда (может, например, погибнуть популяция восковницы — растения,

занесенного в Красную книгу; стоимость популяции — 32 миллиона рублей). Но одновременно будут уничтожены многочисленные могилы защитников Ленинграда. А как же Князь-Владимирская церковь, а памятное место казни революционеров из Петропавловской крепости? А куда денутся многочисленные базы отдыха и пионерские лагеря? Пойдет под топор и Петровская дубрава, представляющая собой не только природный, но и исторический памятник. Не может не волновать и следующий аспект проблемы. Как писала газета «Советская Россия» (25.02.89), в будущем центре «за основу взята американская модель организации культурного отдыха, и все это механически перенесено на нашу почву». По сути дела, речь идет о создании развлекательного центра, широко открывающего двери западной массовой культуре. Думают ли об этом всерьез в Ленгорисполкоме и Ленинградском обкоме партии? Судя по всему, не думают. В то же время даже в Западной Европе далеко не все страны идут на создание подобного рода развлекательных центров с участием американского капитала. Почему? Общественность и власти стараются сдерживать натиск культурного колониализма США и сохранить остатки своей национальной самобытности. Подавляющая часть общественности — как в Ленинграде, так и за его пределами — глубоко возмущена сделкой по Лисьему Носу, представляющей собой спекуляцию родной землей, традициями, народной памятью.

И еще один аспект. Для кого предназначается подобный центр? Для тех, у кого есть валюта. То же самое можно сказать и о проекте курортного центра в Голубом Заливе. Хотя он и является советско-английским предприятием, но предназначен опять-таки для лиц, обладающих твердой валютой. Думал ли кто-нибудь из советских организаторов подобных СП о том, что эти центры могут усиливать социальную напряженность в обществе, а также превратиться в очаги бездумных развлечений, проституции, фарцовки, валютных махинаций?

Как мне сообщали доверительно некоторые работники министерств, даже если какому-то чиновнику будет очевидно и ясно, что совместный проект не выдерживает критики ни с экономической, ни с экологической, ни с нравственной точек зрения, он его критиковать не будет. Бойтся начальства? Не только. Он будет этот проект даже расхваливать, так как тот обеспечивает

ему регулярные и далеко не бесприятные поездки «за кордон». А поездок таких сегодня стало несравненно больше, чем даже в «застойный период», когда бюрократия паразитировала на «нефтедолларах». Так мы, пожалуй, всю дефицитную валюту растраним на одни зарубежные вояжи.

При всей рекламной шумихе вокруг совместного предпринимательства мы знаем крайне мало относительно конкретных проектов, их эффективности, уровня применяемой на них технологии, финансирования и т. д. Так, после того как ленинградцы узнали о «проекте века», готовящемся на территории поселка Лисий Нос, они потребовали предоставления информации о подробностях сделки с компанией «С. Итон уорлд трейд». Однако 17 марта 1989 года на встрече с депутатами в Ленгорисполкоме начальник главного управления капитального строительства А. Алфимов пояснил, что подписанный с заокеанскими партнерами протокол о намерениях «представляет собой коммерческую тайну».

Когда я попытался получить дополнительную информацию по интересующим меня СП, то понял, что это — настоящая «тайна мадридского двора». Так, протоколы о намерениях содержат разделы о конфиденциальности, обязывающие Высокие Договаривающиеся Стороны держать язык за зубами. Для ознакомления с технико-экономическими обоснованиями ряда сомнительных, с моей точки зрения, совместных проектов от меня потребовали писем с обоснованием моего любопытства на уровне не менее как замминистра и — опять-таки — обещания «о неразглашении».

Я, конечно, понимаю, что есть коммерческая тайна. Но поймите и нас, простых граждан! А что, если завтра рядом с моим домом возведут какой-нибудь химический гигант, а я даже знать об этом не буду? Или, положим, узнаю, но слишком поздно, когда предотвратить что-либо будет поздно или чрезвычайно сложно? Но а если узнаю об этом даже рано, смогу ли я что-нибудь предпринять? Сложно, ох как сложно. С такой ситуацией уже столкнулись жители ряда городов. Так, в Ленинграде городские власти в связи с созданием американского культурно-развлекательного центра заявили: если потребуются переселение жителей поселка Лисий Нос, то этот вопрос будет решаться... правлением коммерческого предприятия. Как писала «Советская Россия» (25.02.89), «подобное заявление вызвало шквал

протеста: как же так — жить или не жить тебе на родной земле, будут решать иностранные коммерсанты!»

КАКИЕ СП НАМ НУЖНЫ!

У иного читателя, наверное, возникло впечатление, что автор категорически настроен против СП вообще. Ни в коем случае. Нам следует опираться на все формы хозяйствования, которые способны в кратчайшие сроки насытить наш «голодный рынок» потребительскими товарами и услугами и придать импульс научно-техническому развитию страны.

О тех выгодах, которые нашему обществу могут принести СП, говорилось и писалось уже немало, и я на этом специально останавливаться не буду. Все же хотелось бы предостеречь против излишнего увлечения СП. Опасаюсь, как бы процесс их создания не вылился в еще одну кампанию. Это могло бы привести к забвению других прогрессивных форм развития международных экономических связей и неизбежным отсюда потерям для нашего общества. Среди них я отметил бы прежде всего развитие так называемой «невидимой» торговли (экспорт управленческих, посреднических, транспортных, консультативных и иных услуг, патентов и лицензий и т. д.). Большой потенциал таит в себе развитие прямых производственных (кооперационных) связей наших предприятий с предприятиями, фирмами, организациями других стран. (Эта прогрессивная и получившая на Западе большое распространение форма международного делового сотрудничества у нас, по сути дела, находится в зачаточном состоянии.) Как мне представляется, по-настоящему эффективное совместное предпринимательство может возникнуть только на базе развитого производственного сотрудничества между странами и выступать в качестве его дополнения (а не наоборот, как это может произойти в результате «бума» СП в нашей стране).

Кстати, об этом говорят и некоторые наши западные партнеры по деловому сотрудничеству. Так, Р. де Филтер, председатель Торгово-промышленной палаты Амстердама, заявил корреспонденту газеты «Социалистическая индустрия»: «Я думаю, что создание их (совместных предприятий. — В. К.) в том виде и на тех

началах, что сейчас, не самая надежная основа для активизации деловых связей. Давайте прежде разовьем и углубим обычные торговые отношения, впишем Советский Союз в систему мировых хозяйственных связей, а затем на этой хорошо вспаханной почве СП будут возникать естественным образом и с меньшим риском потерпеть неудачу» («Социалистическая индустрия», 16.05.89).

Итак, я — за развитие СП, но не в виде очередной кампании, а за взвешенное, продуманное, не приводящее к «подавлению» других прогрессивных форм международных экономических связей, не приводящее к нарушению экологического равновесия в стране и не обкрадывающее будущие поколения. Но если не ориентироваться на использование невоспроизводимых и быстро исчерпываемых ресурсов, есть ли у нас шанс привлечь в эти предприятия зарубежных партнеров? Думаю, что есть.

Альтернативой нефти и газу являются, например, рекреационные ресурсы, которые обладают таким важным свойством, как воспроизводимость. Они могли бы использоваться для создания СП в области туризма, спорта, курортного лечения и т. д. и быть устойчивым источником валютных поступлений для нашего государства. Небольшая Испания, территория которой почти в 44 раза меньше нашей, зарабатывает на международном туризме твердой валюты больше, чем Советский Союз от экспорта нефти. Возможности развития рекреационного бизнеса, в том числе на базе СП, в нашей стране поистине неисчерпаемы. Создание и функционирование СП при этом должно осуществляться при соблюдении самых строгих требований по охране и рациональному использованию рекреационных ресурсов (ведь хорошо известно, что многие наши курортные места доведены сегодня до крайней степени экологической деградации). Поэтому, очевидно, не следует «впихивать» СП рекреационного профиля в уже перегруженные курортные зоны (Крым, Черноморское побережье Кавказа, Юрмала и т. п.), а предоставлять им слабо освоенные территории (скажем, морское побережье на Дальнем Востоке). И еще один важный момент: СП в области рекреационного бизнеса не должны превращаться в иностранные вотчины, куда вход советским отдыхающим будет закрыт. Ведь с помощью этих СП мы должны решать задачи не только зарабатывания

валюты, но и удовлетворения насущных потребностей наших граждан в организованном комфортном отдыхе.

Еще одна альтернатива, которую стоит внимательно изучить, — создание СП в трудоемких отраслях и производствах. Такие СП целесообразны в регионах с избыточным трудоспособным населением. Например, в Туркмении доля трудоспособного населения, не занятого в производстве, составила в 1988 году почти 9%, а в ближайшее время эта цифра поднимается еще выше. При этом по крайней мере часть этого населения, как считают руководители республики, могла бы быть задействована в общественном производстве при наличии дополнительных производственных мощностей («Известия», 18.04.89). Учитывая, что сегодня Туркмения перерабатывает только 3% производимого на ее территории хлопка, а остальное по мизерной цене вывозят за пределы республики, можно было бы подумать о создании там совместных текстильных предприятий, ориентированных на местный, общесоюзный и мировой рынки. Предвижу возражения по поводу подобного рода предложений: они означают эксплуатацию иностранным капиталом наших рабочих и служащих. Может быть. В плане теоретическом этот вопрос нуждается в дополнительном осмыслении. Но в плане практическом мы все прекрасно видим, что наши родные ведомства-монополии эксплуатируют наших работников еще более нещадно, чем западные корпорации своих рабочих и служащих. Взять, к примеру, металлургическую промышленность. В капиталистических странах на 1 рубль производственных затрат падает 45 копеек зарплаты, а у нас всего 9 копеек. Как отмечала в связи с этим газета «Социалистическая индустрия» (11.05.89), в дешевой продукции черной металлургии страны на внутреннем и внешнем рынках «суммируются все отрицательные величины: недоплата рабочему, скверные условия труда, невыполнение экологических мероприятий». И такая ситуация складывается во многих отраслях нашей экономики. В некоторых из них стоимость силы, по подсчетам советских экономистов, находится сегодня на уровне стран Латинской Америки или новых индустриальных стран Азиатского региона. Я прекрасно отдаю себе отчет, что ставка на СП в трудоемких отраслях и производствах ни в коей мере не решит нашей стратегической задачи — превратить страну в передовую научно-техническую державу. Но эти СП могут

пригодиться нам для тактического маневра — быстрого преодоления «голода» на нашем рынке потребительских товаров и услуг, наращивания валютных поступлений в страну и т. д. К тому же такой вариант развития совместного предпринимательства менее безнравствен, чем ориентация на использование невозпроизводимых природных ресурсов: он исключает обкрадывание наших детей и внуков.

Основную же ставку, разумеется, следует делать на использование интеллектуальных ресурсов страны. К сожалению, в нашей теории и особенно в практике наблюдается большая их недооценка. Преодолеть ее чрезвычайно сложно из-за яростного сопротивления бюрократии. Она прекрасно понимает, что ориентация на использование творческого потенциала народа неизбежно будет подрывать устои ее власти. В связи с этим вспоминаются слова Чернышевского, который сказал, что нельзя выдрессировать человека таким образом, чтобы он был энергичным на ниве и безответным в приказной избе. Вот и делает бюрократия ставку на извлечение полезных ископаемых из недр земных, вместо того чтобы извлекать энергию и таланты из недр народных. Вот и задействует она прежде всего природный, а не творческий человеческий ресурс. Хотя второй неизмеримо более важен в эпоху НТР, является возобновляемым, а самое главное — совершенствующимся.

Вот что писала «Правда» (18.04.89) по поводу отношения бюрократии к интеллектуальным ресурсам страны: «...Бюрократия не просто не умеет, но не желает превращать интеллектуальные достижения научно-технической сферы в конвертируемую валюту. Более того — она боится каждой такой конкретной возможности. И вот почему: ведь каждый такой факт неизбежно выявит личность, мнение которой уже не удастся проигнорировать, «управлять» которой куда сложнее. К сожалению, это правило, и любой отрадный пример — исключение». Равнодушие и бесхозяйственность министерских чиновников по отношению к интеллектуальным ресурсам общества ведут к тому, что нередко за счет этих ресурсов наживаются капиталистические компании. Западные предприниматели по дешевке покупают лицензии на наши нереализуемые внутри страны изобретения, а затем втридорога продают нам же произведенную на базе этих изобретений продукцию. Известны мне и случаи того, когда отчаявшиеся про-

бить дома свои идеи изобретатели отдают их задаром западным фирмам. Наконец, всем известен случай, когда японский предприниматель стал миллионером за счет бесплатного использования «маленьких хитростей», публикуемых в советских научно-популярных журналах. Таким образом, получается: приоритет за нами, а экономический эффект за океаном. Пора поставить наконец прочный заслон беспрепятственной утечке за рубеж наших идей и изобретений, материализуя их внутри страны. А если трудности с их внедрением будут все-таки возникать, то вносить их в качестве пая в совместные внедренческие фирмы, организуемые как на территории СССР, так и за рубежом. Как показывает опыт развития подобных фирм на Западе, некоторые из них со временем могут вырасти в крупные корпорации с миллионными и даже миллиардными оборотами (например, американская фирма ЭППЛ по производству персональных компьютеров, возникшая в начале 70-х годов на базе личных сбережений нескольких молодых изобретателей и инженеров и сегодня превратившаяся в одну из крупнейших корпораций по производству ЭВМ в США).

Обсуждение проблем развития СП в нашей печати почему-то вращается преимущественно вокруг одного варианта: размещение СП на территории СССР. А может быть, есть смысл подумать над созданием СП на территории других стран? Это касается организации внедренческих фирм с нашим участием в развитых капиталистических странах, где имеется благоприятный экономический климат, а также соответствующая инфраструктура для быстрого доведения наших идей и разработок до стадии готовых технологий и продуктов и их тиражирования. Следует, видимо, подумать и о создании соответствующих производств на территориях развивающихся стран. Кстати, кое-какой опыт в этой области нами уже наработан. Прежде всего я имею в виду строительство нами на компенсационной основе предприятий в развивающихся странах. К настоящему времени СССР реализовал уже более 80 компенсационных объектов в этих странах и ведет там строительство еще 45 таких объектов (в Афганистане, Египте, Иране, Кампучии, Мали, Мозамбике, Турции, Эфиопии и др.).

Мысль о создании СП с нашим участием в других странах была высказана на страницах журнала «Коммунист» заместителем председателя Государствен-

ной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР И. Ивановым: «Дорожает и истощается ресурсная база нашей добывающей промышленности. Поэтому сегодня импорт сырья оказывается сплошь и рядом выгоднее его отечественной добычи. Однако зигзаги конъюнктуры и острота долговой проблемы в странах-производителях порождают нестабильность условий доступа к сырью. Преодолеть ее можно, лишь имея за рубежом собственные производственные мощности. Основанию совместно с СССР смешанных предприятий отдают предпочтение и многие развивающиеся страны» (1988, №12, с.41).

До сих пор, к сожалению, эта мысль не нашла своего практического воплощения. А жаль. В настоящее время, скажем, у нас прорабатываются проекты привлечения иностранного капитала в Курскую магнитную аномалию. А почему бы не проработать альтернативный вариант снабжения нашей экономики железной рудой, который был бы и экономичнее и экологичнее (не привел бы к разрушению почвенного покрова на обширных территориях КМА в результате открытых разработок)? Я имею в виду наше участие в разработке (либо на базе СП, либо компенсационного соглашения) баснословно богатых месторождений железной руды (до 70% содержания металла) в Бразилии. Кстати, сами бразильцы предлагают построить где-нибудь в устье Дуная глубоководный рудный порт с «прицелом» на СССР и другие страны Европы. Имеются и другие идеи совместного использования богатого природного потенциала Бразилии. Сегодня, как известно, мы вырубаем свою тайгу, биологический потенциал которой в лучшем случае возобновляется через 100—130 лет. Между тем в Амазонии существуют огромные массивы тропических лесов с ротацией всего лишь в 5—7 лет, и уже известна технология варки целлюлозы из этого сырья («Правда», 14.05.89). Так почему бы нам не предложить Бразилии на компенсационной и совместной основе построить на ее территории заводы по производству целлюлозы и бумаги? Наверное, это частично сняло бы нагрузку на леса и окружающую среду в нашей стране.

При определенных условиях СП из фактора, усиливающего загрязнение окружающей среды в СССР, могут, наоборот, стать средством ее заметного оздоровления. Я имею в виду прежде всего СП, нацеленные не на создание новых заводов и производств в стране, а

на реконструкцию существующих. Необходимы нам также СП, специализирующиеся на производстве малоотходных технологий, очистного оборудования, контрольно-измерительной аппаратуры и другой «экотехники», которой катастрофически не хватает в стране.

Отдельные примеры благотворного влияния СП на экологическую обстановку в СССР уже имеются или появятся в ближайшее время. Так, недавно по соглашению между Минудобрений СССР и американской компанией «Ханиуэлл» было создано СП СТЕРХ. Данное предприятие планирует строительство в СССР ряда заводов по выпуску систем автоматизированного управления технологическими процессами. Эти системы, которыми со временем будут оборудованы многие советские химические заводы, позволят повысить эффективность производства и одновременно резко уменьшить количество вредных выбросов в атмосферу.

Советско-итальянское предприятие «Синион», созданное в прошлом году, предназначено для разработки мало- и безотходных технологических процессов в нефтехимии и производстве синтетических каучуков.

Еще одно СП — АСЕТКО (советско-английское) — предназначено для реконструкции предприятий полимерной химии в СССР. Первая задача АСЕТКО — перестройка производства полиэтилена ПО «Ставропольполимер». Производство будет модернизировано без останова завода во время, отведенное на капитальный ремонт оборудования. В результате выпуск полиэтилена увеличится с 200 тыс. до 300 тыс. т практически без увеличения расхода сырья (бензина), а производство будет экологически гораздо чище.

К сожалению, подобные примеры экологически целесообразных СП исчисляются единицами. Бюрократия, руководствуясь своими особыми «соображениями», может тормозить создание как раз тех СП, которые могли бы наиболее оперативно оздоравливать экономическую и экологическую ситуацию в стране. Вот конкретный пример. Еще четыре года назад представители фирмы ИБЛ («Испанские биохимические лаборатории») предложили нашим ведомствам свою продукцию: биологические удобрения на основе аминокислот с широким спектром воздействия на почвы (биорган). Позже было предложено создать одно-два, а то и три СП по выпуску биоргана, исходным сырьем для которого был бы торф, а также других биологических сельскохозяйствен-

ных препаратов для растениеводства и животноводства (в Шатуре и в Эстонии). Подобное предложение трудно переоценить, учитывая нашу большую потребность в органических удобрениях и высокую загрязненность почв и сельскохозяйственной продукции химическими удобрениями и ядохимикатами. Уже прошло несколько лет, а воз и ныне там. Вот что говорит по этому поводу О. Фернандес, президент ИБЛ: «Мы просто в отчаянии. Чувствуем себя в тупике, но не хотим и не можем поверить в это. Что-то все время не срабатывает, когда, казалось бы, и причин для этого нет. А ведь мы за эти годы истратили почти миллион долларов на своем искреннем стремлении иметь с вами дело, не заработав ни цента» («Известия», 18.04.89).

Подобные же обиды и жалобы я не раз слышал во время личных бесед с западными фирмачами. Лишний раз убеждаешься в том, что наши чиновники во время переговоров отнюдь не руководствуются общегосударственными интересами. Доминируют интересы ведомственные. А иногда и сугубо личные, имеющие вполне конкретную материальную окраску. И это отнюдь не умозрительное предположение. Компетентные органы время от времени предоставляют конкретные факты. Так, недавно были осуждены замдиректора фирмы «Проммашимпорт» Ефремов и представитель Госкомлегпрома Камухин, которые за взятки помогали голландской фирме «Сток Брабант» заключить контракт с советскими организациями при наличии более выгодных предложений от конкурирующих фирм («Известия», 28.11.89).

Кстати, попавшая в неприятный оборот компания ИБЛ не относится к разряду крупных фирм. А это немаловажный факт. Старая, трудноизлечимая болезнь наших ведомств — гигантомания. В том числе во внешнеэкономической сфере. Они зачастую предпочитают иметь дело с крупными партнерами, а к средним и мелким, которых все-таки большинство на Западе и у которых тоже есть новейшая технология, ведомства относятся с недоверием, а порой и с подозрением: «Не обманут ли, уж больно они несолидные». На практике же чаще всего оказывается, что крупные западные монополии обманывают наши ведомства.

Итак, для того чтобы предприятия с участием иностранного капитала обеспечивали нам максимальную экономическую и социальную эффективность без нару-

шений экологического равновесия, необходим принципиально новый механизм регулирования процесса создания и функционирования СП. Механизм, отрицающий административно-ведомственный подход к управлению народным хозяйством, базирующийся преимущественно на экономических методах. Это не исключает, а, наоборот, предполагает наличие сильного центра, призванного придать процессу привлечения иностранного капитала планомерный целенаправленный характер. Для этого прежде всего необходимо проведение дифференцированной политики в отношении зарубежного капитала. Кстати, такая политика существует сегодня даже в развивающихся странах.

С помощью такой политики можно было бы, скажем, стимулировать приток капитала в наукоемкие и трудоемкие отрасли, районы с низкой степенью освоения рекреационных ресурсов и т. д. и наоборот — ограничить его проникновение в природоёмкие и «грязные» отрасли и производства, экологически неблагоприятные районы. Главным условием того, что государственная политика в области СП будет подчинена интересам действительно всего народа, является участие в ее формировании Верховного Совета СССР. Прежде всего в высшем законодательном органе страны необходимо принятие Закона о совместном предпринимательстве (с обязательным включением в него положений, регламентирующих экологическое поведение СП). Для разработки соответствующего законопроекта полезно изучать опыт и законодательство зарубежных стран. Скажем, в КНР законодательно запрещено создавать СП, если при этом не обеспечивается использование экологически чистых технологий (см.: «Социалистическая индустрия», 31.08.89). Интересен в этом плане и опыт стран Латинской Америки, многие из которых в последнее время приняли новые законы и постановления, регламентирующие деятельность иностранного капитала. Так, в мае 1989 года правительство Мексики утвердило новый порядок осуществления иностранных инвестиций. Хотя в целом доступ зарубежного капитала в страну облегчается (и даже по определенным направлениям стимулируется), более четко и определенно оговариваются условия, обеспечивающие экологическую и экономическую безопасность страны. Так, устанавливаются ограничения для иностранного инвестирования в зонах с высокой концентрацией промышленности и сложной

экономической ситуацией — городах Мехико, Гвадалахаре, Монтеррее. По-прежнему сохраняются ограничения и запреты для иностранного капитала в отраслях, связанных с добычей природных ресурсов (прежде всего нефти), базовой и вторичной нефтехимии, производстве электроэнергии, производстве и эксплуатации радиоактивных материалов.

Определенный интерес представляет и опыт Бразилии, природно-географические условия которой имеют много общего с нашей страной. В Бразилии деятельность иностранного капитала регламентирована конституцией 1988 года, принятыми на ее базе законами. В них четко оговорено, что иностранный капитал может вкладываться во все отрасли экономики за исключением тех, которые связаны со специфическими интересами национальной безопасности. Выше уже отмечалось, что Бразилия имеет печальный опыт хищнической эксплуатации ее природных богатств американским, западногерманским и японским капиталом. Все это по возможности было учтено в новых законах, которые запрещают иностранным компаниям эксплуатацию минеральных и гидроэнергетических ресурсов страны, в том числе разведку и разработку месторождений нефти и природного газа, добычу, обогащение, переработку, промышленное использование и торговлю рудами радиоактивных металлов. Иностранные фирмы, занимающиеся разработкой минеральных ресурсов, обязаны в течение 4 лет с даты принятия конституции продать контрольный пакет акций национальным компаниям. Усиливается также контроль за экологическими аспектами деятельности иностранного капитала в обрабатывающих отраслях промышленности. В частности, при ввозе капитала в форме машин, оборудования, лицензий, «ноу-хау» требуется особое разрешение, удостоверяющее, что ввозимые товары и технологии не являются устаревшими и опасными для окружающей среды и здоровья человека.

Примечательно, что Мексика, Бразилия, некоторые другие страны Латинской Америки ограничивают или даже запрещают деятельность иностранного капитала в сфере добычи и эксплуатации природных ресурсов, а в это же самое время в нашей стране ведомства ведут активные переговоры о создании совместных предприятий по добыче нефти (например, переговоры с американской корпорацией «Шеврон») и другого минерального

сырья, о сдаче природных ресурсов в долгосрочную концессию. Думаю, что нам прежде надо принять добротный закон, регламентирующий деятельность иностранного капитала, а уж потом вести переговоры с иностранными фирмами. Иначе о каком правовом государстве может идти речь, если в такой ответственной и деликатной сфере, как совместное предпринимательство, мы руководствуемся разного рода подзаконными актами, число которых плодится изо дня в день и которые нередко противоречат друг другу? Кстати, для западных добросовестных и честных партнеров такая «правовая неопределенность» также создает большие сложности, сковывает проявление здоровой инициативы. И еще одно соображение: по наиболее крупным совместным проектам, вероятно, необходимо проведение обсуждений (а может быть, и референдумов) на союзном или республиканском уровнях. Короче говоря, разворачивающийся в стране процесс гласности и демократизации должен в полной мере захватить и остающуюся пока на особом положении сферу совместного предпринимательства. Только в этом случае можно предотвратить грозящее нам разбазаривание национальных природных богатств, избежать превращения совместных предприятий в орудие «экологического колониализма» на территории СССР.

Сегодня НТР порождает серьезные сдвиги в международной торговле: меняется ее товарная структура, по-новому складывается география торговых потоков, в межгосударственном обращении появляются новые товары и услуги. Начиная с 70-х годов все более ощутимый вклад в эти сдвиги начинает вносить экологический фактор (т. е. комплекс проблем, порожденных обострением экологической ситуации в мире). Принятие в промышленно наиболее развитых странах мира экологических программ, законов и нормативов вызывает существенные изменения в структуре издержек производства монополий, делая выпуск одних товаров сравнительно более выгодным, а других, наоборот, невыгодным и даже разорительным. Некоторые товары в силу своих антиэкологических характеристик становятся в развитых странах Запада «персонами нон-грата». Другие товары (прежде всего исчезающие виды флоры и фауны), наоборот, запрещаются для вывоза за рубеж. Наконец, еще вчера разнообразные отходы, генерируемые предприятиями, запросто выбрасывались в окружающую среду, и их судьба никого не волновала. Сегодня эти отходы становятся объектом пристального внимания со стороны общественности и одновременно объектом регулирования со стороны правительств. Постепенно они превращаются в своеобразный товар, а точнее, «антитовар», который еще несколько лет назад был совсем неведом мировой экономике. Вот лишь некоторые направления, по которым экология начинает оказывать все более заметное воздействие на международную торговлю. Если мы хотим занять достойное место в мировом хозяйстве, на международных рынках, нам необходимо внимательно следить за подобного рода сдвигами,

заранее предвидя их, и оперативно к ним приспособлять наше хозяйство и внешнеэкономическую политику. Если же мы будем лишь пассивными наблюдателями происходящих под влиянием экологического фактора изменений в международной торговле, нам будет уготована судьба самой настоящей мировой свалки.

«ДАЙ ВАМ, БОЖЕ, ЧТО НАМ НЕГОЖЕ»

В 70-е годы на Западе были приняты многочисленные законы и нормативы, ограничивающие и запрещающие реализацию монополиями на рынках «своих» стран товаров и услуг, представляющих угрозу здоровью и жизни людей, а также природной среде. С каждым годом список товаров, подпадающих под такую регламентацию, растет и насчитывает сегодня сотни и тысячи позиций. Это различные химические товары, самая разнообразная продукция машиностроения (автомобили, самолеты, радиоэлектроника и т. д.), фармацевтические изделия, парфюмерия, пищевые продукты, топливо и т. д. Для того чтобы продлить «жизнь» такой продукции и сохранить таким образом свои многомиллионные и многомиллиардные прибыли, монополии химической, фармацевтической, пищевой и других отраслей промышленности активизировали вывоз «запрещенных» товаров в те страны, где подобного рода запреты отсутствуют или существуют лишь на бумаге. Таковыми оказались прежде всего страны «третьего мира», готовые за полцены покупать всякого рода хлам и отраву. Конечно, экологи на Западе не раз поднимали свой голос против того, чтобы ТНК проводили в «третьем мире» такую преступную, аморальную политику. Неоднократно в конгрессе США, парламентах западноевропейских стран, Европарламенте им удавалось поднимать вопрос о запрете или хотя бы ограничении ядовитого и вредного экспорта. Однако под давлением заинтересованных промышленников соответствующие законопроекты неизменно проваливались.

Точной и полной статистики относительно масштабов вывоза опасной продукции монополий в развивающиеся страны нет, так как они стремятся не рекламировать подобную деятельность и целый ряд операций по экспорту осуществляют нелегально. Тем не менее имеются некоторые расчеты общественных организаций и

оценки экспертов ООН, которые при всей их противоречивости позволяют сделать вывод о поистине громадном размахе ядовитого бизнеса ТНК. В 1981 году американская общественная организация «Паблик эдвокейтс», выступающая в защиту интересов потребителей, опубликовала доклад, где привела конкретные примеры того, как американские ТНК из года в год экспортировали в государства Африки, Азии, Латинской Америки тысячи тонн химических, фармацевтических и сельскохозяйственных товаров, запрещенных к продаже и использованию в самих Соединенных Штатах. В докладе было перечислено 350 наименований такой продукции на сумму в миллиард долларов. Согласно другим оценкам, сделанным экологами и опубликованным в 1984 году в журнале «Африк — Ази» (Париж), американские ТНК в конце 70-х годов ежегодно экспортировали в развивающиеся страны более 150 млн. т ядохимикатов, использование которых на территории США было запрещено. Швейцарский журнал «Эдбо» привел оценку экспертов ООН, согласно которой западные химические фирмы продали в 1980 году «третьему миру» своей ядовитой продукции на 30 млрд. долларов.

Рассмотрим подробнее такое направление ядовитого бизнеса ТНК, как экспорт в развивающиеся страны пестицидов, то есть химических средств борьбы с вредителями сельского хозяйства. Массовое проникновение индустриальных методов ведения сельского хозяйства в развивающиеся страны в послевоенный период намного увеличило их потребности в этих средствах. Как отметил специалист по пестицидам Жозеф Торрадельяс, сотрудник Федеральной высшей политехнической школы в Швейцарии, «этим странам (развивающимся. — В. К.) навязали определенную модель развития, для которой было лишь одно средство — ядохимикаты».

Потребности развивающихся стран в пестицидах в большинстве случаев на 100% обеспечиваются за счет быстро растущего импорта. ТНК наводнили рынки развивающихся стран такими пестицидами, как ДДТ, хлордан, альдрин, дильдрин, 2, 4-Д, 2, 4, 5-Т, кепон, гепта-хлор, мирекс, паракват, хлордибромпропан, линдан, эндрин, мелатпон, метилпаратот и т. д. (многие из которых запрещены для продажи на Западе).

Каковы же последствия экспорта ТНК пестицидов в развивающиеся страны? По данным ВОЗ, в результате распространения ядохимикатов ежегодно отравлениям

подвергается 500 тыс. жителей развивающихся стран (примерно одно отравление каждую минуту). Из них умирает — не менее 5 тысяч. Подобная статистика скорее всего является неполной. Во-первых, фиксируются отравления лишь в случае госпитализации или обращения за медицинской помощью. В силу слабого развития здравоохранения жителям развивающихся стран обращаться бывает зачастую некуда. Во-вторых, негативные последствия для здоровья человека могут проявляться лишь через длительный срок после его контакта с ядохимикатами, и соответствующие заболевания не попадают в статистику отравлений. Таковыми заболеваниями могут быть: бесплодие, образование врожденных дефектов, рак.

Время от времени в странах «третьего мира» происходят массовые отравления, превращающиеся в крупные национальные трагедии. В качестве примера можно назвать Ирак, где в 1971 году среди голодающего населения было распределено зерно, поступившее туда с Запада по программам «помощи». Это были семена пшеницы и ржи, обработанные метиловой ртутью. В результате по меньшей мере 6 тысяч человек умерло, а 100 тысяч человек получили отравление.

Поразительны оценки Управления международного развития США: по его данным, на один случай отравления пестицидами в США приходится 1800 отравлений в странах Центральной Америки. Приведенная выше статистика опровергает формулу, которую ТНК применяют для оправдания ядовитого экспорта: «Если это применимо в промышленно развитых странах, то это будет применимо и в странах «третьего мира».

Так почему же ядохимикаты наносят непропорционально большой ущерб природе и населению развивающихся стран? Одну причину мы назвали в самом начале: эти страны применяют самые опасные пестициды, от которых на Западе уже отказались. Другая причина: социально-экономическая отсталость «третьего мира». Там прежде всего из-за неполноценного питания, нехватки чистой воды, несоблюдения гигиенических норм население более уязвимо к воздействию ядовитых химических продуктов. Неграмотность препятствует разъяснению там способов применения и соблюдению правил безопасности. Почти ничего не делается со стороны правительств многих развивающихся стран в плане проведения профилактики и контроля. Проведенное в нача-

ле 80-х годов Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) обследование показало, что 81 страна не располагала информацией о методах использования ядохимикатов. В результате — почти полное отсутствие ограничений на их применение. Отсутствие спецодежды у крестьян и сельскохозяйственных рабочих, экономия средств на сооружение специальных помещений для хранения пестицидов и некоторые другие факторы еще более повышают риск отравления.

Многие жители развивающихся стран в силу своей неграмотности не в состоянии ознакомиться с инструкцией по использованию приобретаемого ядохимиката. Иной раз это оказывается не под силу даже тем, кто овладел грамотой. И вина в этом не их, а монополий, которые не хотят «рекламировать» опасные свойства ядохимикатов.

Так, в июле 1984 года 10 тысяч бразильцев обнаружили в своих почтовых ящиках пакетик — щедрый дар швейцарской компании «Циба-Гайги» (той самой, которая вскоре после войны изобрела «чудо химии» — пестицид ДДТ, запрещенный впоследствии во всех развитых странах из-за своих канцерогенных свойств). Внутри пакетика находилось пять граммов диазинона — опасного ядохимиката. На одной стороне пакетика были расписаны ценные качества препарата, а на обратной стороне микроскопическими буквами компания рекомендовала пользоваться содержимым пакетика, надев предварительно перчатки, длинные брюки и плотную шляпу. Пустой пакетик рекомендовалось зарыть глубоко в землю. Можно определенно утверждать, что далеко не все, получившие «подарки» компании «Циба-Гайги», ознакомились с этими предупреждениями.

Умалчивают монополии и о других возможных пагубных использованиях массового применения пестицидов. Уже практически доказано, что длительное, крупномасштабное использование ядохимикатов в сельском хозяйстве повышает невосприимчивость к ним вредных насекомых и сорняков. **Во многих развивающихся странах это уже явилось причиной резкого снижения урожайности, таких экспортных культур, как хлопчатник, кофе и бананы.** В качестве примера можно привести Судан. Правительство страны в 1977 году решило расширить производство хлопка в плодородном районе у слияния Голубого и Белого Нила. Компания «Циба-Гайги» добилась контракта и развеяла над Суданом облако ядохи-

микатов. Первые годы были отмечены всеобщим энтузиазмом. Производство стремительно росло. Суданцы предоставили компании для опыления участок в 65 тыс. га. «Циба-Гайги» направила в страну 14 самолетов, 60 экспертов, наняла 300 суданских служащих. «Но постепенно, — рассказывает на страницах «Экбо» Виктор Делюкки, швейцарский преподаватель фитомедицины, изучавший этот проект, — вредители сельского хозяйства стали привыкать к ядохимикатам. Произошла селекция, и стали процветать те вредители, которые выжили. «Циба-Гайги» увеличила сначала периодичность, а затем и дозы опыления. Впоследствии были пущены в ход сильнодействующие препараты и т. д. Это была настоящая катастрофа».

В этот заколдованный круг попали и многие другие развивающиеся государства. В странах Южной и Юго-Восточной Азии, например, посадки риса уничтожались насекомыми, называемыми коричневая циклопочка. Еще в начале 70-х годов она наносила незначительный ущерб урожаю риса. «Но сейчас, — пишет в своей книге «Обостряющаяся проблема: пестициды и бедные страны «третьего мира» Дэвид Булл, — это насекомое стало устойчивым ко многим ядохимикатам и угрожает основному продукту питания миллионов людей».

В результате массированного применения пестицидов происходит заражение ими сельскохозяйственной продукции. Естественно, страны Запада отказываются от такой продукции, и развивающиеся страны несут немалые экспортные потери. Так, США неоднократно отказывались от ввоза зараженных пестицидами томатов. В еще большей степени пестициды влияют на продукцию животноводства: в теле животных, питающихся отравленными кормами, концентрации ядохимикатов оказываются, как минимум, на порядок выше. Введенные в 70-е годы в США запреты на ввоз «отравленного мяса» затронули многие страны Латинской Америки, которые в послевоенное время превратились в «большую ферму» своего североамериканского соседа. Так, только в 1976—1977 годах министерство сельского хозяйства США запретило импорт из Гватемалы 15 партий мяса, содержащего ДДТ. По той же причине в 1981 году из 9895 тонн мяса, поставленного в США Никарагуа, примерно 154 тонн были возвращены назад. Хотя после сандинистской революции 1979 года правительство Никарагуа почти полностью прекратило им-

порт пестицидов на 95%, однако действия тех ядохимикатов, которые завозились в страну ранее, давали о себе знать еще в течение нескольких лет.

Читатель может задать мне вопрос: к чему нам все эти «пестицидные» подробности из жизни развивающихся стран? Я думаю, что они имеют самое непосредственное отношение к нам. Подобно многим странам «третьего мира», СССР может попасть в своеобразную «пестицидную ловушку», расставленную химическими ТНК. А это грозит, во-первых, привязкой нашего сельского хозяйства к заморским химическим «наркотикам»; во-вторых увеличением наших валютных расходов на данную статью импорта (пестициды являются крайне дорогостоящим товаром); в-третьих (и это самое главное), отравлением нашей природы, а также производителей сельскохозяйственной продукции и ее потребителей, то есть нас с вами. Поэтому-то нам так важен учет «негативного» опыта развивающихся стран, ставших незадолго жертвой «пестицидного колониализма».

Химическим монополиям реализовывать свой ядовитый товар на мировом рынке с каждым годом становится все труднее. Все более расширяется круг государств (сегодня в него входят даже некоторые развивающиеся страны), вводящих ограничения на применение пестицидов. Ряд стран (например, Австралия, Индонезия, Пакистан, многие штаты США) вообще отказываются от применения ядохимикатов. В этих условиях такие химические корпорации, как «Монсанто», «Байер», БАСФ, «Доу Кемикал», ИКИ и другие, усиливают «пестицидный прессинг» на Советский Союз. Если в 1960 году мы ввозили из-за рубежа средства химической защиты растений 19,2 тыс. т, то в 1980-м — уже 96,5 тыс., а в 1987 году — 118,0 тыс. т. При наших весьма скудных валютных фондах мы щедро выкладываем в последние годы на закупку ядохимикатов по полмиллиарда инвалютных рублей. Это, например, во много раз превышает наши закупки медикаментов на твердую валюту. Итак, валюта тратится не на то, чтобы лечить людей, а на то, чтобы отравлять их! Даже если речь идет об импортных закупках пестицидов, которые не запрещены на Западе, надо иметь в виду, что у нас нет практически техники, которая бы обеспечивала строго дозированное и целенаправленное распыление ядохимикатов. В результате происходит многократный «перерасход» пестицидов, что оборачивается не только разбазари-

ванием валюты, но и отравлением сельских жителей.

Крайне плохо обстоят у нас дела и с хранением ядохимикатов. Складов и специальных помещений не хватает, и дорогой заморский товар зачастую оказывается под открытым небом. Опять-таки это оборачивается отравлением окружающей среды и людей. Не хватает у нас и специальных средств транспортировки опасных ядохимикатов, респираторов, защитной одежды и многого другого. Специалисты, с которыми мне приходилось разговаривать, неоднократно подчеркивали, что если нам все-таки пока нельзя полностью отказаться от применения импортных ядохимикатов, то тем не менее необходимо строгое выполнение ряда важных требований. Вот некоторые из них. Во-первых, недопустимость импорта тех пестицидов, которые запрещены в других странах. Во-вторых, обязательное проведение экспертизы закупаемых средств химической защиты растений с учетом наших природно-климатических условий, социально-экономических условий (например, следует принимать во внимание наш низкий уровень культуры обращения с ядохимикатами в сельском хозяйстве), экологических нормативов и т. д. В-третьих, необходимость осуществлять закупки пестицидов в комплекте с оборудованием, обеспечивающим их дозированное и целенаправленное распыление.

Наконец, в области импорта пестицидов, равно как и других химикатов, нам необходима полная гласность. Когда я пытался в соответствующих ведомствах получить информацию о том, какие пестициды и в каких количествах мы закупаем, то неизменно получал вежливые отказы в моей просьбе.

Об импорте Советским Союзом экологически опасных химикатов (как и в случае с радиоактивными отходами) мы часто, к сожалению, узнаем из западных источников. Так, летом 1989 года в ФРГ разразился скандал по поводу утечки в устье Эльбы с голландского грузового судна «Оостце» 6000 л токсичных химикатов. На борту судна находилось 850 т эпихлоргидрина, который даже в предельно слабой концентрации губителен для здоровья (вызывает раковые заболевания). Эпихлоргидрин был произведен американской химической корпорацией и направлялся в Советский Союз в адрес Союзхимэкспорта. Примерно в это же время на железнодорожной станции Зеельце под Ганновером была обнаружена утечка из товарного вагона какой-то

едкой жидкости. После вскрытия вагона в нем было обнаружено 23 тонны высокотоксичных инсектицидов, которые из Индии через Роттердам, ФРГ и ГДР направлялись в Советский Союз на адрес все того же Союзхимэкспорта. Указанный скандал в ФРГ привлек внимание не только к проблеме обеспечения надежной транспортировки химических веществ. По мнению западных специалистов, Советскому Союзу вообще не следовало закупать данные химикаты как экологически сомнительные и вышедшие из употребления в цивилизованных странах («Известия», 10.08.89).

В «черные списки» на Западе попадают не только пестициды, но и многие бытовые химикаты. Так, в ФРГ в них занесены некоторые виды крема для обуви, стиральных порошков, клея и т. д. Ряд из них самыми неисповедимыми путями попадает на советский рынок. Так, потребителю в СССР известна популярная замазка для машинописных текстов «Типп-Экс» из ФРГ. Там в настоящее время она поставлена вне закона, так как содержит легко испаряющиеся вещества, ухудшающие зрение (особенно у детей). К тому же испарения входят в класс реагентов, разрушающих озоновый слой («Экономическая газета», 1989, № 34, с. 23).

Даже, казалось бы, такая «безобидная» статья советского импорта, как сырье, может нести потенциальную угрозу природной среде и человеческому здоровью. Так, в мае 1989 года к порту Южный под Одессой подошел сухогруз с сирийскими и марокканскими фосфоритами. Мало того, что они содержали повышенные концентрации бериллия, свинца, кадмия, никеля, других металлов, сырье еще оказалось и... радиоактивным. Рабочие сухогруза разгрузать отказались, после чего судно было выведено на рейд. Впоследствии выяснилось, что соглашения о поставках фосфатного сырья с Сирией и Марокко заключались без предварительной экологической экспертизы («Советская Россия», 9.09.89). В данном случае население оказалось начеку. Но есть ли уверенность, что с сотнями тысяч и миллионами тонн других видов сырья, поступающих в СССР, не ввозятся одновременно опасные для окружающей среды и здоровья людей компоненты? Увы, такой уверенности совсем нет.

Ухудшению экологической ситуации в стране может способствовать импорт высокоотходных технологий и оборудования. Западные машинотехнические фирмы,

вступая в переговоры с нашими ведомствами, организациями и предприятиями, стремятся действовать по принципу: «Дай вам, боже, что нам негоже». Монополии готовы даже идти на определенные коммерческие и финансовые «уступки», лишь бы продать залежалый товар, то есть устаревшее оборудование, которое еще разрабатывалось до принятия на Западе строгих экологических стандартов. Примеры? Пожалуйста. Недавно было закуплено оборудование для завода по производству поликарбонатов в Уфе. Оборудование, увы, оказалось весьма сомнительным с экологической точки зрения. Город буквально восстал против строительства завода. Общественность в конце концов победила, но что теперь делать с оборудованием, за которое было заплачено 300 млн. рублей твердой валютой? Скорее всего химическое ведомство постарается «пристроить» его в той части страны, где экологическое сознание и активность населения еще невысоки («Знания — народу», 1989, № 7, с. 33—34).

Столь же взрывоопасная (в социальном отношении) обстановка сложилась в 1988—1989 году в Выборгском районе Ленинградской области, где Минхимпром СССР вознамерился строить завод муравьиной кислоты. Для завода уже было приобретено оборудование и завезено на строительную площадку. Местный райсовет запретил строительство этого завода, одного из крупнейших в мире, продукция которого предназначалась для экспорта в те страны, которые сами ее производить не хотят. Основание запрета: производство экологически опасное и взрывоопасное («Известия», 10.05.89). Где будет завод, когда будет, будет ли вообще — никто сейчас уверенно не скажет. Но валюта потрачена. Кто заработал эту валюту? Кто и по какому праву распорядился ею? Кто разорится из-за допущенного просчета? Кто понесет ответственность и возместит потери? Увы, эти вопросы повисают в воздухе. Система принятия решений в сфере импортных закупок такова, что даже в Совмине СССР никто не мучается такими вопросами, и ответа на них нет.

Конечно, винить капиталистов в том, что они навязывают нам «грязные» товары, абсурдно. Капиталисты есть капиталисты, и их задача состоит в том, чтобы сбыть товар любой ценой. Но вот стремление наших хозяйственных руководителей экономить при закупках оборудования «на спичках», что в конечном счете приводит

к многомиллионным убыткам, непростительно. Один пример подобной «экономии» привел в своем докладе на I Съезде народных депутатов СССР М. С. Горбачев. По указанию тогдашнего министра Белоусова была произведена закупка оборудования на валюту для производства мебели в Комсомольске-на-Амуре. Оборудование-то закупили, да неполностью: без той его части, которая обеспечивает экологическую чистоту производства. И вот идут в Комсомольске-на-Амуре митинги против пуска в действие завода, хотя потребность в мебели в регионе просто громадная. «Кому нужна такая экономия?» — резонно заметил по поводу всей этой истории М. С. Горбачев («Правда», 31.05.89). Иногда покупаемое на валюту оборудование может действительно быть сравнительно экологически чистым. А общественность все равно протестует. В чем дело? А в том, что основную опасность для окружающей среды и здоровья представляет не технологический процесс, а производимый на этом оборудовании продукт. Так, западногерманская фирма «Лурги» сумела навязать нам сделку на поставку оборудования для производства устаревшего пестицида «базудин». Это высокотоксичный препарат, активно проникающий в организмы растений, нерастворимый в воде и трудноразложимый в почве. Строительство завода по выпуску базудина велось в Волгограде. Под сильнейшим напором общественности пуск завода был предотвращен. Но 70 миллионов валютных рублей были выброшены на ветер («Знания — народу», 1989, № 7, с. 33).

Настораживают не только отдельные сделки по импорту машин и оборудования, но и структура машинотехнического импорта СССР в целом. Подавляющая часть наших закупок за рубежом предназначается отнюдь не для развития передовых (не столько экологичных, сколько наукоемких) отраслей и производств. Они в основном обслуживают дальнейшее наращивание так называемой «индустрии дымовых труб» (т. е. комплекса традиционных отраслей и в первую очередь тяжелой промышленности). Запад всячески навязывает Советскому Союзу такие сделки, которые превращали бы его в сосредоточие материало-, энерго- и экологичных производств, сырьевой придаток мирового капиталистического хозяйства. Только за 1981—1985 годы в народном хозяйстве СССР было введено в эксплуатацию более 850 комплектов импортного оборудования, преж-

де всего в металлургической промышленности, производстве минеральных удобрений, химии и нефтехимии, газопереработке и т. д. Только один норвежский концерн «Нюшк гидро» поставил нам оборудование и технологию для строительства пяти заводов по производству сложных удобрений. Руководители отрасли по выпуску минеральных удобрений обосновывают подобные закупки тем, что стране не хватает, мол, удобрений для сельского хозяйства. Я в данном случае не собираюсь углубляться в дискуссию по поводу того, хватает стране удобрений или нет. Но удивляет тот факт, что в 1987 году мы экспортировали 0,7 млн. т фосфорных удобрений; 5,4 млн. т калийных; 5,8 млн. т азотных (Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 604). Складывается впечатление, что промышленность по производству минеральных удобрений наращивает свои мощности для удовлетворения интересов отнюдь не национальной экономики. К таким же невеселым выводам приходишь, когда анализируешь импортные закупки других видов оборудования: металлургического (1 млрд. руб. в 1987 году), горношахтного (0,4 млрд. руб.), для бурения и эксплуатации скважин (1,0 млрд. руб.) и т. д. (Народное хозяйство СССР в 1987 году. М., 1988, с. 607). Советский машинотехнический импорт удовлетворяет в первую очередь ненасытный аппетит наших природоэксплуатирующих (а одновременно и природоразрушающих) ведомств, которые, в свою очередь (вольно или невольно), обслуживают интересы промышленно развитых капиталистических стран.

Заставляют задумываться, настораживают процессы, связанные с появлением опасных, сомнительных и ненужных импортных товаров не только на внутреннем рынке средств производства. Намечаются некоторые признаки того, что то же самое может произойти и с нашим рынком потребительских товаров. В самое последнее время на этом рынке стали появляться такие заморские товары, которых раньше советский потребитель и в глаза-то не видывал. Например, в 1990 году в Москве открылось первое предприятие общественного питания быстрого обслуживания канадской международной фирмы «Макдональдс». Оно предлагает москвичам и гостям столицы бутерброды «хотдогз» и всякие другие экзотические блюда. Наша пресса вокруг этого предприятия создала невероятную рекламную шумиху, называя его «ласточкой» грядущих перемен в отноше-

ниях с Западом, «важной вехой» в налаживании наших деловых контактов с иносфирмами и т. д. и т. п.

Еще недавно американцы, канадцы, а также жители других стран, где существуют закусочные «Макдональдс», считали, что эти заведения — одно из важных достижений западной цивилизации: кормят там быстро, недорого и досыта. Однако ныне подобные представления не являются уже столь незыблемыми. По мнению ряда американских медиков, специалистов по питанию, меню этих заведений почти целиком состоит из продуктов с чрезмерно высоким уровнем калорийности, холестерина и соли. Регулярное их употребление, считают специалисты, может вызвать болезни сердца, ожирение и диабет, а также увеличивает риск заболевания раком. По их мнению, именно с этим связан повышенный уровень этих недугов среди городской бедноты, которая в США составляет основную массу постоянных клиентов закусочных быстрого обслуживания.

В последнее время в США и ряде других стран прошли бойкоты закусочных «Макдональдс». Власти Нью-Йорка пытаются найти выход из сложившейся ситуации путем обеспечения всех посетителей закусочных исчерпывающей информацией о составе предлагаемых продуктов. Однако компания до сих пор не выполнила данное еще четыре года назад обещание предоставлять такую информацию своим клиентам, не без основания опасаясь потерять многих из них, а стало быть, и многомиллионные прибыли. Скандал вокруг «Макдональдс» тлеет уже несколько лет, а сейчас грозит вспыхнуть ярким пламенем.

Спрашивается, надо было ли нам заключать соглашение с этой фирмой о строительстве серии закусочных в СССР? Или инициаторы подобной сделки не знали о сомнительных свойствах продукции «Макдональдс»? Или они рассчитывают с помощью этой заморской фирмы решить продовольственную проблему в Советском Союзе? Или же они решили выступить таким «благодетельным обществом», призванным спасти компанию с подмоченной репутацией и не очень оптимистическими видами на будущее?

Подобные вопросы возникают и после промелькнувшей в наших газетах информации о заключении между Советским Союзом и американской компанией «Пепсико» генерального соглашения, предусматривающего строительство у нас 26 заводов по производству напитка

«пепси-кола». И это в дополнение к тем 24 заводам, которые были построены после соглашения 1974 года. Как с удовлетворением сказал председатель исполнительного комитета «Пепсико» Д. Кендалл (ранее — президент этой фирмы), «тем самым мы еще глубже проникаем на советский рынок» («Известия», 11.04.90). Стоимость сделки поистине астрономическая — 3 млрд. долларов. Можно подумать, что нам больше нечего строить и производить, все сыты и одеты и у нас не осталось иной заботы, как напоить почти 300 млн. человек заморским напитком. Пепси-кола уже давно прошла апогей своей мировой славы, у нее сегодня появилось много напитков-конкурентов, и, желая продлить «жизнь» пепси, руководители фирмы сумели-таки навязать астрономическую сделку Советскому Союзу. Сделка тем более сомнительна, что, по мнению специалистов, пепси-кола является напитком, нарушающим обмен веществ, разрушающим зубы, предрасполагающим к диабету и т. д. Спрашивается, почему нашим руководителям, принимающим решение о сделке с «Пепсико», не пришла в голову идея напоить русский народ исконно национальным напитком — квасом? Это обошлось бы нам и дешевле и, главное, без вредных последствий для здоровья наших граждан. Кстати, русский квас в США пользуется большим спросом и стоит дороже, чем пепси и многие другие американские безалкогольные напитки.

По мере того как в развитых капиталистических странах под влиянием данных науки, требований общественной ответственности, принимаемых законов и стандартов будут меняться потребности и спрос на западном рынке, со стороны ТНК можно ожидать все новых и новых «заманчивых» предложений нашим ведомствам и внешне-торговым организациям. Так, в последние годы в США и других странах Запада наблюдается снижение потребления табачных изделий. Американцы курят сегодня меньше, чем когда-либо со времен второй мировой войны. К такому выводу пришли специалисты экономической исследовательской службы министерства сельского хозяйства США. По данным службы, в 1989 году в стране было выкурено 533 млрд. сигарет, что на 5 процентов меньше, чем в 1988 году. В то же время экспорт сигарет из США за тот же период резко возрос — на 20%. Зарубежным странам, прежде всего развивающимся, было поставлено 142 млрд. сигарет. Служба прогно-

зирует дальнейшее сокращение потребления табачных изделий в США. В этой связи совсем не удивлюсь, если в один прекрасный день из газет или по телевидению я узнаю о миллиардной табачной сделке между СССР и «Филипп Морис» или еще какой-нибудь сигаретной корпорацией США. И мы опять будем говорить о «важном рубеже», «вехе», «эпохальном событии» в развитии наших контактов с Западом.

Все более серьезное отношение людей на Западе к своему здоровью ведет к вытеснению с рынка развитых стран химической фармацевтики (ее все больше заменяют препараты и лекарства, приготовленные на основе естественных продуктов и веществ), алкогольных напитков (особенно низкокачественных), пищевых продуктов с длительными сроками хранения, некоторых видов детского питания и т. д. Эти товары сегодня мутным и все более широким потоком устремляются в страны «третьего мира». Так, ТНК, специализирующиеся на производстве и продаже продуктов детского питания («Нестле», «Карнейшн», «Борден энд Карнейшн», «Аббат Лэбораториз», «Бристоль Мейерс», «Америкэн хоум продактс» и др.), увеличили за 70—80-е годы сбыт этой продукции в развивающиеся страны в несколько раз. Причем преимущественно за счет товаров, запрещенных на западных рынках. По мнению ряда ученых, медиков, экологов, это стало заметным фактором роста детской смертности в некоторых регионах «третьего мира» (в Индии, Пакистане, Чили и др.).

Существует опасность, как бы после «либерализации» нашей импортной политики мутный поток всех этих сомнительных «плодов» западной «цивилизации» не захлестнул нашу страну и не нанес бы еще один удар по здоровью нации, и без того подорванному неблагоприятной экологической ситуацией, несбалансированным питанием, водкой и т. п.

Вот и получается, что западные фирмы в торговле с нами в самом деле действуют по принципу: «Дай вам, боже, что нам негоже». А вот какими мотивами и принципами руководствуются наши ответственные лица, подписывающие контракты с иносфирмами, остается лишь гадать. Ясно только, что не принципами и соображениями взаимной выгоды, экологической безопасности и сохранения здоровья нации.

ЭКОМАФИЯ: РЕАЛЬНА ЛИ УГРОЗА!

Страницы мировой (в том числе и нашей) печати пестрят сообщениями о преступлениях разных мафий. Сегодня в международных масштабах действуют организованные преступные группы, специализирующиеся на торговле оружием, наркотиками, ураном и даже людьми. Влияние их на ход мировых событий все более заметно. Это влияние базируется на солидной экономической базе. Так, международный подпольный бизнес наркотиками вышел сегодня на ежегодные обороты в 300 млрд. долларов, что превышает уже объем мировой торговли нефтью.

Когда-то мафия была для нас отвлеченным понятием. Сегодня у нас встает на ноги своя доморощенная мафия. Кроме того, провозглашенная в стране политика «открытости» по отношению к внешнему миру создает угрозу того, что щупальца зарубежных преступных синдикатов могут дотянуться и до Советского Союза. Пока что в нашей печати в основном говорится об опасности проникновения в СССР наркомафии. Но со временем удара можно ожидать и от других зарубежных преступных группировок. Например, от так называемой экомафии (экологической мафии).

Пока этот термин известен даже не всем на Западе, лишь в 1985 году в США появилось первое исследование по экомафии — монография А. Блока и Ф. Скорпитти «Прибыль на отравлении. Мафия и токсичные отходы в Америке». Авторы говорят о проникновении в индустрию переработки промышленных отходов преступных синдикатов. Вместо того чтобы обезвреживать отходы и обеспечивать их надежное захоронение, они осуществляют тайные операции по сбросу их в реки, озера, заброшенные свалки и т. п. Выгодно это и промышленным монополиям, не желающим идти на дополнительные расходы по переработке отходов, передающих решение данного вопроса в руки откровенных преступников.

Проблема промышленных отходов встает сегодня перед человечеством в полный рост. Ежегодно в мире образуется около 430 млн. т промышленных отходов, относящихся к категории опасных. Подавляющая их часть (300 млн. т) генерируется в развитых капиталистических странах. В настоящее время в большинстве из них действуют достаточно жесткие законы, требую-

щие от промышленников надежной переработки и захоронения опасных отходов. Промышленность вынуждена нести все большие расходы на обезвреживание опасных отходов. В ряде случаев эти расходы составляют уже 2500 долл./т. В этих условиях и появляются дельцы «теневого экономики», предлагающие за умеренную плату промышленным компаниям «услуги» по избавлению от бремени отходов. В результате незаконной деятельности таких дельцов свалки растут, как грибы после дождя. В настоящее время в США, по официальным данным, насчитывается уже более 20 000 свалок, относящихся к категории «неконтролируемых», то есть, проще говоря, незаконных. 2500 из них нуждаются в срочной очистке от особо ядовитых веществ, на что до конца века потребуются как минимум 23 млрд. долларов. Аналогичная ситуация наблюдается и в других развитых капиталистических странах. В последнее время со стороны государства и общественности на Западе усиливается контроль за тем, чтобы не допускать тайных сбросов отходов в реки и озера, организации незаконных свалок. Кое-где для этого создана даже экологическая полиция. Растет число судебных разбирательств по обвинению в «нелегальном размещении» опасных отходов. В США среди обвиняемых оказались такие компании, как «Даймонд шемрок», «Оук брук» и др.

После того как власти и общественность отдельных капиталистических стран активизировали свою деятельность по пресечению незаконного захоронения опасных отходов в пределах национальных границ, экомafia вышла на международную арену. В качестве примера можно взять Европейское экономическое сообщество, где в 80-е годы параллельно с процессом либерализации межгосударственного движения рабочей силы, капиталов, товаров активировался процесс «обмена» промышленными отходами между странами-участницами. Еще в первой половине 80-х годов за пределы национальных границ западноевропейских стран ежегодно вывозилось более 2 млн. т отходов. По некоторым оценкам, каждый год государственные границы западноевропейских стран пересекает 20—30 тысяч партий опасных отходов. Конечно, часть отходов экспортируется легально, соответствующие государственные службы стран-экспортеров и стран-импортеров контролируют их транспортировку, переработку и захоронение.

Но легальный экспорт отходов — только видимая

часть айсберга. Можно только догадываться, сколько тысяч и миллионов тонн токсичных отходов пересекают границы западноевропейских стран нелегально, по поддельным документам, на основе преступного сговора экомافии с таможенными властями, контрабандным путем и т. д. Внимание к данной проблеме в Западной Европе резко возросло после истории, происшедшей в 1982 году во Франции. Там в сельской местности в одном заброшенном сарае была обнаружена 41 бочка с отходами, содержащими чрезвычайно токсичное соединение диоксин. Анализ содержимого бочек показал, что это были отходы, образовавшиеся после случившейся в 1976 году аварии на военном химическом заводе в итальянском городе Савезо. Властям Франции оставалось только гадать, каким образом смертоносные яды пересекли государственную границу страны.

По мере усиления государственного и общественного контроля над захоронением и переработкой отходов практически во всех развитых капиталистических странах экомafia стала активно «осваивать» развивающиеся страны. «Третий мир» для нее — регион неограниченных возможностей. Странам Азии, Африки, Латинской Америки, попавшим в тиски жесточайшего экономического и финансового кризиса (их внешняя задолженность — 1,3 трлн. долл.), не так трудно навязать сделки по приему опасных отходов за ничтожную плату. Специалисты отмечают, что в Африке, например, захоронение 1 т отходов обходится в среднем в 4—25 раз дешевле, чем в США или Западной Европе.

Сегодня среди получателей опасных грузов с Запада числятся такие страны, как Мексика, Аргентина, Бразилия, Панама, Уругвай, Таяи, Гайана, Марокко, Гвинея, Гвинея-Бисау и другие развивающиеся страны.

По данным международной экологической организации Гринпис, за период 1986—1987 годов из промышленно развитых стран в развивающиеся было вывезено 3,7 млн. т отходов разных категорий, что в среднем за год составляет 1,8—1,9 млн. т. Однако и в развивающихся странах в последнее время растет противодействие со стороны общественности, различных политических партий, отдельных государственных деятелей опасному импорту, ставящему под угрозу здоровье и даже жизнь нации. В результате только за 1986—1987 годы властями развивающихся стран были отвергнуты официальные предложения на поставку с Запада 17,5 млн. т отходов.

Однако дельцов от опасного бизнеса подобные отказы мало смущают. Используя все те же методы подкупа и обмана, торговцы смертью нелегально ввозят в развивающиеся страны тысячи и миллионы тонн токсичных и даже радиоактивных отходов. В полной мере общественность осознала размах подобного подпольного бизнеса в «третьем мире» после серии разоблачений по поводу нелегального ввоза отходов в некоторые африканские страны в 1988 году. В эпицентре скандала оказалась Италия, на территории которой действовало (и, кстати, до сих пор продолжают действовать) несколько посреднических фирм, собирающих опасные отходы от многих европейских компаний и отправляющих их в страны «третьего мира». Существуют подозрения, что к деятельности этих фирм-посредников причастна знаменитая сицилийская мафия.

Вот лишь одна история, попавшая на страницы мировой прессы. В начале 1987 года миланская фирма «Джелли Вэкс» собрала крупную партию токсичных отходов от разных итальянских промышленных компаний для последующей переработки и захоронения. В свою очередь, одна генуэзская компания, возглавляемая неким Амброзини, предложила за приличное вознаграждение переправить эти отходы в Джибути. Опасный груз был помещен на борт судна «Линкс», плавающего под мальтийским флагом. Однако у Амброзини произошла «осечка»: когда судно прибыло в Джибути, бдительные власти порта отказали капитану в разгрузке на том основании, что грузосопровождающие документы были «не в порядке». На данную ситуацию «Джелли Вэкс» отреагировала тем, что подала на Амброзини в суд, требуя назад свои деньги; одновременно компания судорожно искала другие возможности «пристроить» опасный груз в какой-нибудь экзотической стране. Вскоре «Джелли Вэкс» вышла на некую панамскую фирму «Меркантил Лемпорт С. А.», которая обещала пристроить «товар» в Венесуэле. Судно «Линкс» опять отправилось в плавание, на этот раз пункт его назначения — город Пуэрто Кабелью. До сих пор, к сожалению, неясны детали того, что же произошло, когда судно прибыло в порт назначения. Ренато Пент, управляющий «Джелли Вэкс», утверждает, что груз был помещен в таможенный склад, как того требовало законодательство Венесуэлы, на время, пока велись работы по подготовке площадки для окончательного размещения «товара».

Представители же экологической организации «Гринпис» утверждают, что груз был брошен под открытым небом без каких-либо мер предосторожности и провалялся целых полгода, создавая угрозу для местного населения. Как бы то ни было, присутствие подобного ядовитого товара на территории Венесуэлы стало известно широкой общественности страны и вызвало бурю протестов. В конце концов Каракас потребовал от «Джелли Вэкс» забрать свой «подарок» назад.

После этого началась новая серия приключений. «Джелли Вэкс» зафрахтовала сухогруз «Микири» под кипрским флагом для транспортировки отходов из Венесуэлы в сирийский порт Тартус. Выложив сомнительным посредникам хорошую сумму за захоронение отходов в Сирии, руководители «Джелли Вэкс» через некоторое время с удивлением узнали, что ядовитый груз оказался... на борту другого судна — «Занубия», которое направлялось к берегам Италии. Капитан «Занубии» Ахмед Табало решил вытрясти еще несколько миллионов долларов из «Джелли Вэкс», используя обычный шантаж. Он пригрозил, что если фирма не выплатит ему требуемую сумму, то груз вновь окажется на территории Италии. В том же случае, если «Джелли Вэкс» согласится на выплату, то неразборчивый в средствах капитан обещал избавить фирму от груза, просто-напросто сбросив его в море. Поскольку требуемых денег капитан не получил, то в мае 1988 года «Занубия» прибыла в итальянский порт Марина ди Каррара (тогда самый, откуда опасный груз начал свое путешествие за 14 месяцев до этого). В разгрузке судну было отказано. К этому времени «Джелли Вэкс» объявила, что снимает с себя всякую ответственность за груз, настаивая на том, что она не является более его собственником. На этом этапе в дело вмешались наконец власти Италии. Против ряда лиц, включая Ахмеда Табало, было возбуждено судебное дело. Правительство назначило расследование, чтобы распутать весь клубок событий. «Занубии» было дано указание встать в порту Генуи. Но прошло еще немало месяцев, прежде чем бастовавшие рабочие порта согласились наконец разгрузить судно. Опасный груз закончил свою одиссею на нескольких заводах по переработке промышленных отходов.

Не меньший резонанс в мире вызвал другой скандал, в котором оказались замешанными итальянские фирмы от экоматрии. В июне 1988 года Нигерия обнаружила

на своей территории (близ порта Коко) более 2000 т крайне опасных отходов, которые нелегально были доставлены туда из Италии (предварительно эти отходы были собраны за хорошую плату несколькими полулегальными фирмами-посредниками у промышленных компаний ряда европейских стран). Дело едва не дошло до разрыва дипломатических отношений между Лагосом и Римом. Правительство Италии вынуждено было в срочном порядке направить к берегам Нигерии судно «Карин Би» для того, чтобы забрать опасный груз. «Карин Би» пришлось долго скитаться из одного порта в другой вокруг всей Европы, так как власти и общественность категорически выступали против выгрузки у себя опасного груза. Так, мэр итальянского города Равенна заявил: «Равенна не может быть помойкой для всего мира». В конце концов многострадальному судну «Карин Би» удалось остановиться в порту Ливорно; после выгрузки токсичные отходы были направлены для переработки в четыре города страны.

На начало 1989 года вдоль берегов Апеннинского полуострова скиталось по крайней мере еще 6 судов с токсичными отходами итальянского происхождения, которые не удалось «пристроить» в развивающихся странах.

«Все это любопытно, — скажет иной скептический читатель, — но какое отношение истории об итальянской или американской экомафии имеют к нам?» Хотя бы некоторое отношение, я думаю, имеют. Прежде всего ряд средств массовой информации на Западе время от времени подхватывает версию о причастности Советского Союза к экспорту опасных отходов в развивающиеся страны. Так, летом 1988 года стали активно циркулировать слухи, что СССР осуществлял захоронение радиоактивных материалов в Бенине. Эти слухи воспроизвели в своих официальных публикациях и некоторые международные организации. На брифинге в пресс-центре МИД СССР заместитель начальника Управления информации МИД СССР В. Перфильев официально заявил по этому поводу: «Подобные утверждения — типичный пример дезинформации» («Известия», 12. 08. 88). Примерно в то же время на пресс-конференции заместитель министра иностранных дел СССР В. Петровский сказал, что СССР «никогда не вывозил и не намерен вывозить

радиоактивные отходы, образующиеся на территории нашей страны: они подлежат захоронению у нас» («Аргументы и факты», 1988, № 35, с. 5). Не успела рассеяться одна дезинформация, как тут же появилась другая. В сентябре 1988 года в печати Нигерии появились утверждения, подхваченные мировыми информационными агентствами, будто СССР проводит захоронение радиоактивных отходов на территории металлургического комбината в Аджаокуте. Сообщения были явной провокацией, о чем и заявило советское посольство. Через некоторое время последовало и официальное подтверждение нигерийских властей, опровергающее нелепые домыслы («Правда», 23. 11. 88).

Думаю, что эти и другие подобные «утки» необходимы Западу для того, чтобы прикрывать собственную «грязную» деятельность в развивающихся странах.

Не исключено, что объектом преступного бизнеса торговцев отходами может стать (если уже не стал) Советский Союз. О том, что СССР, равно как и другие социалистические страны, не застрахован от разного рода ядовитых и радиоактивных «подарков», убеждаешься, знакомясь с зарубежной прессой и беседуя с вездесущими активистами «зеленого» движения за рубежом.

Уже несколько лет назад до нас стали доходить слухи о предложениях капиталистических фирм некоторым социалистическим странам принимать у себя опасные отходы с Запада. Так, имели место переговоры нескольких западноевропейских фирм с Китаем о размещении на его территории крупной партии радиоактивных материалов за «компенсацию» в несколько миллиардов долларов. Совсем недавно одна из фирм Западной Германии предложила Чехословакии захоронить на ее территории вредоносные осадки Эльбы, содержащие ДДТ. Фирма предлагала вознаграждение в четыре марки за тонну. Чехословацкая сторона уже готова была согласиться на «выгодную» сделку, когда выяснилось, что уничтожение 1 т осадков стоит 4000 марок!

Сегодня уже ни для кого не представляет секрет, что некоторые страны Восточной Европы принимают с Запада токсичные отходы. По крайней мере для некоторых стран Запада социалистические страны Восточной Европы не менее привлекательны как свалки отходов, чем государства «третьего мира». Об этом, в частности, пишет английский журнал «Экономист». «ЕЭС производит

30 млн. т промышленных отходов в год, и общественность не допустит дальнейших их захоронений у себя дома без надежной переработки, являющейся дорогостоящим процессом. В результате резко возрастает торговля отходами со странами, желающими их принять. Таковыми преимущественно оказываются страны Восточной Европы, ищущие источники твердой валюты, или обремененные долгом развивающиеся страны, преимущественно в Африке».

По сообщению авторитетного журнала «Нью Сайентист», крупные партии промышленных отходов поступали из ФРГ в ГДР. В данном случае трансграничная транспортировка отходов осуществлялась официально, с согласия властей ГДР. Но не все восточно-европейские страны добровольно превращались в свалки Запада. И тут в силу могли вступать такие методы нелегального провоза токсичных грузов, как подкуп должностных лиц или обман (например, провоз отходов по подложным документам). Так, в 1988 году громкий скандал разразился в Румынии. Совершенно случайно обнаружилось, что румынскими внешнеторговыми организациями в нарушение национальных законов был заключен контракт с фирмой «Кемикл-Лихтенштейн». В соответствии с этим контрактом в порту Сулин было выгружено 4000 т химических и нефтехимических отходов, поставленных фирмой из Лихтенштейна (вероятно, посреднической), что создало реальную угрозу для здоровья и жизни местного населения, а также населения приграничных районов СССР.

Учитывая сложное экономическое и финансовое положение СССР (внешний долг в 1988 году составил 34 млрд. руб. в твердой валюте), западные торговцы отходами рассчитывают на «покладистость» и «понимание» со стороны соответствующих советских организаций и ведомств. При этом обе стороны, вступающие в переговоры о возможном захоронении отходов на территории СССР, предпочитают соблюдать режим стражайшей секретности, прекрасно понимая, какое возмущение это может вызвать со стороны общественности. Однако вездесущие журналисты и «зеленые» на Западе иногда узнают все-таки о таких контактах и делают их достоянием гласности.

Дело доходит до того, что наши ведомства и организации сами начинают «набиваться» западным фирмам. По сообщению австрийской газеты «Нойе Цюрихер цай-

тунг», внешнеторговое объединение Техснабэкспорт еще в 1985 году предложило принимать отработанное топливо с австрийской АЭС в Цвентедорфе, причем по цене на 15—20% ниже той, которую запросил за аналогичную услугу Китай. К нашему счастью, до практических шагов дело не дошло, так как в 1986 году правительство Австрии приняло решение о демонтаже так и не пущенной в строй АЭС. Уже в самый разгар перестройки в СССР в западной прессе были опубликованы предложения председателя Госатома СССР А. Проценко о захоронении у нас в стране радиоактивных отходов Запада. Наконец, в июне 1988 года в Москву прибыла делегация федеральной земли Гессен для переговоров о сотрудничестве в области ядерной энергетики; в ходе переговоров советская сторона предложила принимать отработанное ядерное топливо из ФРГ.

Шила в мешке утаить не удалось. На пресс-конференции в августе 1988 года в пресс-центре МИД СССР заместителю директора Института атомной энергии имени Курчатова академику Н. Н. Пономареву-Степному, что называется, в лоб был задан вопрос о переговорах с Западом по поводу радиоактивных отходов. Академику некуда было деваться, и он вынужден был признать: «Со стороны ряда стран в адрес Советского Союза поступали обращения с просьбой принять на захоронение отходы, образующиеся в атомной энергетике». Правда, он добавил, что каких-либо конкретных соглашений о принятии нами радиоактивных отходов из-за рубежа пока не подписано. Подобное заявление столь авторитетного лица в области ядерной энергетики является, мягко выражаясь, дезинформацией нашей общественности. Хорошо известно, что мы поставляем ядерное топливо на АЭС в страны СЭВ и в Финляндию, принимая от них назад радиоактивные отходы. До недавнего времени об этом можно было прочесть лишь в специальной (как правило, «для служебного пользования») литературе.

Но вот 11 ноября 1988 года на страницах «Правды» генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс прямо всемирно признал: «...Все ядерное топливо, которое СССР продает другим странам, он забирает после использования его на АЭС». Кстати, там же Х. Бликс заявил, что СССР подписал контракт с фирмами ФРГ о создании нового высокотемпературного реактора с гелиевым охлаждением (ВТРГ). Контракт предусматривает, что

советская сторона возьмет на себя поставку советского ядерного топлива в ФРГ и возвращение отработанного топлива на переработку и захоронение в СССР. Несмотря на проходящую в стране перестройку и провозглашение политики гласности, связи с Западом Госатома СССР и других имеющих отношение к ядерной энергетике ведомств по-прежнему скрыты под плотной завесой тайны. Так, на проходившей в сентябре 1989 года в Москве встрече «зеленых» ФРГ и ЦК КПСС западно-германская сторона представила неопровержимые доказательства того, что Советский Союз в нарушение международных соглашений по ЮАР осуществляет обогащение урана из Намибии. Этот и многие другие примеры доказывают, что атомные ведомства у нас, по сути дела, являются «государством в государстве», не подотчетным ни Верховному Совету СССР, ни народу. Отсюда нет никакой уверенности в том, что «сотрудничество» в захоронении радиоактивных отходов с Запада на территории СССР не перешло уже в практическую плоскость.

Существует реальная опасность того, что перестройка внешнеэкономической сферы в нашей стране сделает массовый ввоз опасных отходов с Запада реальностью. Так, сейчас в нашей стране начался «бум» создания совместных предприятий с участием иностранного капитала. От капиталистических корпораций в связи с этим поступает немало предложений об организации на территории СССР совместных предприятий по переработке промышленных и бытовых отходов, в том числе не только советских, но и... западных. Пока, насколько мне известно, ни одно из таких предложений до стадии практической реализации не дошло, но где гарантия, что советские партнеры не соблазняются подобными предложениями Запада?

Перестройка внешнеэкономических связей СССР проявляется и в децентрализации внешнеторговых операций, в получении тысячами предприятий и кооперативов права свободного выхода на внешний рынок. Конечно, в определенных аспектах этот процесс прогрессивен, но он содержит в себе и потенциальные минусы. Увеличивается, в частности, возможность заключения нашими предприятиями и кооперативами сомнительных сделок о ввозе в Советский Союз с Запада опасных отходов. Хотя центральные ведомства формально сохраняют за собой функции контроля за всеми внешнеторговыми операциями, но фактически они не в состоянии

эффективно проследить за тысячами и тысячами сделок. Для провоза отходов через советскую границу могут использоваться подложные документы; ядовитый товар может маскироваться под стройматериалы, химическое сырье и т. п., не исключаются и такие преступные методы, как подкуп работников таможенных служб и даже контрабанда.

ОТВЕСТИ УГРОЗУ

Не думаю, что угроза превращения СССР в мировую свалку в ближайшие годы уменьшится. Прежде всего потому, что процесс интеграции СССР в мировое хозяйство только начинается. В настоящее время Советский Союз стучится в дверь ряда международных экономических организаций, в которых ключевые позиции занимают промышленно развитые государства Запада. Последние требуют от нас в качестве условия вступления ряда уступок, которые, в частности, могут облегчить превращение страны в экологическую колонию. Так, наше вступление в ГАТТ обуславливается требованием дальнейшей «либерализации» советского импорта, снятием всяческих нетарифных ограничений для проникновения западных фирм на советский рынок. Где гарантия, что этой «либерализацией» не воспользуется ТНК, производящие «грязную» продукцию?

Многочисленные прогнозы развития западной экономики показывают, что, несмотря на возросшие масштабы внедрения в производство в промышленно развитых странах материал- и энергосберегающих технологий, увеличение абсолютных объемов отходов (включая особо опасные) до 2000 года остановить не удастся. Наивно надеяться, что антиэкологическая сущность ТНК исчезнет, что у них пропадет соблазн избавляться от опасных отходов за счет их незаконного захоронения, в том числе на территориях других стран.

Прогнозы показывают, что, судя по всему, на Западе будет происходить дальнейшее ускорение темпов научно-технического прогресса. Это будет, помимо всего прочего, вести к сокращению жизненных циклов самых разных видов промышленной продукции, увеличивая массы морально устаревших товаров. Опять-таки ТНК будут стремиться сбыть эти постоянно растущие груды хлама в экономически менее развитые страны.

Наконец, в США, Японии, странах Западной Европы просматривается тенденция к дальнейшему ужесточению требований и стандартов, определяющих экологические, санитарные и медико-биологические характеристики товаров. Сомнительные и опасные виды продукции будут наверняка по-прежнему вытесняться за пределы национальных границ промышленно развитых государств.

В этих условиях нам надо быть готовыми к усилению «экологического (точнее — антиэкологического) прессинга» со стороны правительств и ТНК западных стран. Для этого, в частности, требуются следующие защитные меры. **Во-первых**, необходимо срочно создать специальную службу, которая бы занималась экологической экспертизой закупаемых в других странах товаров — продовольствия, химикатов, машин и оборудования, технологий и т. д. Хотя в конце 1988 года в стране было создано Всесоюзное хозрасчетное внешнеэкономическое объединение «Союзэкспертиза» при Торгово-промышленной палате СССР, устав этой организации не предусматривает проверку экологических характеристик импортируемых товаров. В этом плане функции экологической экспертизы ввозимых в страну товаров было бы целесообразно передать Госкомприроде СССР и соответствующим ведомствам союзных республик, которые располагают необходимым опытом и штатом для проведения подобного рода работ. **Во-вторых**, следует активизировать работу наших торгпредств за рубежом. Принятый в 1989 году Закон о торговых представительствах СССР за границей прямо предусматривает, что они «контролируют соблюдение экологических требований при разработке условий закупки» («Известия», 12. 08. 89). Пока что торгпредства необходимыми специалистами для выполнения поставленной задачи не располагают. Их подготовку можно было бы наладить на базе специального учебного центра, занятия в котором проводили бы ведущие специалисты Госкомприроды СССР. В наиболее «ответственные» страны, имеющие большие объемы торговли с СССР, можно бы командировать сотрудников Госкомприроды СССР. В нашем загранаппарате (торгпредства, посольства и др.) нужны квалифицированные эксперты по вопросам окружающей среды. В его штатах было бы целесообразно иметь постоянных советников и (или) атташе по вопросам экологии (некоторые страны, например США, таковых уже имеют). **В-третьих**, настоятельно требуется укрепление наших

таможенных служб необходимым штатом сотрудников и техникой для предотвращения случаев экологической контрабанды (прежде всего провоза токсичных и радиоактивных веществ). **В-четвертых**, нормой должна стать гласность в сфере внешнеэкономических связей, что немаловажно осложнит возможность заинтересованными ведомствами, организациями, лицами заключать всякого рода сомнительные сделки по импорту, идущие вразрез с интересами общества. **В-пятых**, необходимо ввести строгую юридическую ответственность для тех лиц, предприятий, организаций, которые так или иначе оказываются причастными к ввозу в страну сомнительных и тем более опасных товаров. В других странах, например, импорт токсичных и радиоактивных отходов рассматривается как серьезное преступление. Так, в Нигерии государственные чиновники, замешанные в ввозе опасных химикатов из Италии в 1988 году, были приговорены к смертной казни. В Румынии после уже упоминавшегося скандала с выгрузкой токсичных отходов в порту Сулин к разным видам административной и партийной ответственности были привлечены многие чиновники таможенного управления; освобождены от должностей министр внешней торговли и председатель государственного планового комитета; ряду министров, двум замам премьер-министра и самому премьер-министру Румынии были вынесены общественные порицания. **В-шестых**, необходима координация сил общественности и правительств всех без исключения стран мира для предотвращения использования международной торговли в качестве канала «экологического колониализма». СССР как по линии ООН, так и международных неправительственных организаций должен предпринимать практические шаги по выявлению и предотвращению планов транспортировки ТНК опасных товаров и промышленных отходов за границы стран своего базирования.

Главное же, что необходимо сделать для снижения негативного влияния импорта на экологическую обстановку в стране, — кардинальным образом изменить его структуру. Импорт надо заставить «работать» не на расширение материало- и энергоемких, а также «грязных» производств, а на всемерное развитие наукоемкого сектора экономики, непродуцированной сферы (в первую очередь услуг), в конечном счете — на человека.

Сегодня наша экономика вступает в полосу тяжелых испытаний. Ныне у всех на языке и на слуху такие темы, как инфляция, социальная незащищенность, имущественное расслоение, безработица и т. п. Отнюдь не хочу умалить серьезность и остроту этих проблем, непосредственно затрагивающих благосостояние и социально-психологическое самочувствие каждого из нас. Но в то же время ощущаю непроходящую тревогу по поводу того, как бы наше общество в сегодняшней перестроенной суеде не забыло о самом главном. Как бы нахлынувшие на нас повседневные житейские заботы о хлебе насущном не отодвинули на второй, а может быть, и десятый план самую главную проблему — физического выживания человека. Видимо, в силу каких-то законов человеческой психики до сознания многих еще не доходит в полной мере та простая истина, что в любой момент времени может стать бессмысленной вся наша перестройка. Потеряют всякий смысл жаркие политические страсти и споры о социальной справедливости и равенстве, ибо в одночасье может наступить самое страшное равенство — равенство всех перед смертью. В данном случае я имею в виду не опасность ракетно-ядерной войны — в последнее время обозначились некоторые позитивные процессы, дающие нам надежду на снижение этой угрозы. Не беру в расчет и «чуму XX века» — СПИД, надеясь, что медики в ближайшее время все-таки найдут исцеление от этой страшной болезни.

Тревожит другое. Выше уже неоднократно подчеркивалось, что наша экономика продолжает двигаться по наезженной колее затратного, экстенсивного развития, все сильнее загоняя себя в тупики сырьевой специализации. Сегодня, кажется, любому школьнику ясно, что такое движение — бессмысленный бег на месте, ни на

йоту не приближающий нас к черте, определяющей минимальный уровень душевого потребления товаров и услуг в стране, которая считает себя развитой. И в то же время, к сожалению, далеко не все осознают, что такое развитие неумолимо подталкивает нас к пропасти физического самоуничтожения. И речь идет не только об угрозе, связанной с растущим загрязнением окружающей среды. С каждым годом растет вероятность уничтожения общества в результате технологических катастроф. Впрочем, можно сказать, что технологические катастрофы — разновидность экологических бед в квадрате — человек теряет жизнь и здоровье не постепенно, а в одно мгновение. Немалый вклад в создание взрывоопасной (в буквальном смысле слова) обстановки в стране вносят наши внешнеэкономические связи.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

События последних лет напомнили человечеству, что научно-технический прогресс не только способствует повышению производительности труда и улучшению его условий, росту материального благосостояния и интеллектуального потенциала общества, но и таит немало опасностей, возникающих при использовании сложных инженерных систем. Насыщение производства и сферы услуг современной техникой, повышение ее энерговооруженности резко повышает цену брака, технической неполадки и человеческой ошибки. Прежде всего возрастает риск аварий больших технических систем в результате увеличения сложности и единичной мощности агрегатов на промышленных и энергетических объектах. Как показывает опыт, даже при оснащении оборудования системами многократного дублирования и иными средствами обеспечения безопасности аварии все-таки могут происходить. Вызывают большую тревогу тенденции развития техносферы в XX веке. По далеко не полным данным, охватывающим только крупнейшие промышленные катастрофы, за период 1900—1988 годов более половины из них произошло в 70—80-е годы, в том числе 1/3 только в 80-е годы. Одновременно увеличивается их разрушительный эффект: на 1980—1988 годы приходится 47% погибших и более 2/5 раненных во время промышленных катастроф в XX веке. Вот лишь не-

сколько примеров из истории «катастроф века». Авария 1973 года в Чикаго, когда в результате взрывов и пожаров на заводе по производству типографской краски предприятие было полностью разрушено, персонал погиб. Авария 1976 года на химическом заводе в итальянском городе Савезо: из-за выброса диоксида была заражена огромная территория, тысячи людей были отравлены и госпитализированы, многие стали инвалидами на всю жизнь. Или более близкое событие — авария на хранилище сжиженного газа в Мехико в 1984 году. От взрывов и пожаров тогда погибло более 500 человек, 7 тысяч получили ранения («Правда», 15. 11. 89).

С вступлением человечества в эпоху НТР частота и масштабы ущерба от технологических катастроф стали сопоставимы с аналогичными показателями стихийных бедствий. За последние 40 лет в среднем за год в мире регистрировалось 4—5 землетрясений и ураганов, 8 наводнений (каждое из которых уносило более 10 жизней). В то же время за последние 25 лет число технологических катастроф аналогичной разрушительной силы составило: на промышленных и энергетических объектах (взрывы) — 13, на транспорте — от 9 (железная дорога) до 23 (авиация).

В США, по некоторым оценкам, совокупные прямые издержки общества, связанные с технологическими причинами (авариями и катастрофами, заболеланиями в результате техногенного загрязнения окружающей среды), составляют ныне 4—6% валового национального продукта (ВНП). 15—25% преждевременной смертности среди американцев также обусловлены этими причинами. В то же время на счет стихийных бедствий приходится 3—5% преждевременных смертей, а материальный ущерб не превышает 1% ВНП.

Так что в конце XX века технологические катастрофы и бедствия можно сравнивать разве что с войнами и вооруженными операциями. Так, совокупная численность убитых и раненных в результате атомной бомбардировки Нагасаки в 1945 году составила около 140 тыс. человек, а вследствие утечки ядовитого газа на химическом предприятии американской компании «Юнион карбайд» в индийском городе Бхопале в 1984 году — свыше 220 тысяч.

Разрушительный потенциал крупных технологических катастроф, по мнению советского исследователя Б. Пор-

фирьева, сопоставим сегодня с потенциалом военных arsenалов. Только в сфере энергетики добывается, хранится и перерабатывается во всем мире около 10 млрд. т условного топлива. Эта масса, способная гореть и взрываться, сравнима с арсеналом ядерного оружия, накопленного в мире за всю историю его существования. Опасные химические компоненты (мышьяк, фосген, аммиак и т. д.) хранятся и перевозятся в количествах, измеряемых от сотен миллиардов до триллионов летальных доз (что даже больше на один-два порядка, чем суммарные летальные дозы накопленных радиоактивных веществ).

Потенциально наиболее опасное для жизни людей (в том числе будущих поколений) и разрушительное для экономики воздействие характерно для технологических катастроф на **энергетических объектах, прежде всего АЭС**. Менее чем за полувековую историю развития ядерной энергетики произошли три крупные аварии, вызвавшие тяжелые последствия. Во время катастрофы на АЭС в Уиндскейле (Великобритания) в 1957 году погибло 13 человек, общая площадь зараженной территории составила около 500 тыс. кв. км. В 1979 году произошла авария на втором блоке АЭС «Три Майл Айленд» (США), прямой ущерб составил 1 млрд. долларов. Еще несколько миллиардов долларов было выплачено в качестве компенсации пострадавшим. Наконец, в 1986 году произошла авария на Чернобыльской АЭС, о чем специально будет сказано ниже.

При сохранении такой частоты катастроф до 2000 года, когда в мире будет, видимо, насчитываться более 500 АЭС, по оценкам Б. Порфирьева, возникнут еще три чрезвычайные ситуации, связанные с расплавлением активной зоны реактора.

К разряду «рисковых» и потенциально особо опасных относятся и такие отрасли экономики, как **химическая промышленность, нефтепереработка, транспорт**. За последние 30—35 лет мощность и объем выпуска продукции химических предприятий во всем мире выросли в 10 раз. Вместе с тем число катастроф на указанных предприятиях также десятикратно увеличилось: с 3—4 в среднем в год в 1940—1970 годах до 15 в 1970—1975 годах и достигло примерно 30 в 1975—1985 годах. В нефтеперерабатывающей промышленности мира ежегодно происходит примерно 60 катастроф. При этом только в США с 1950 по 1980 год число аварийных ситуаций

увеличилось в 2,6 раза, почти в 6 раз возросло количество жертв и в 11 раз материальный ущерб.

О тенденции нарастания риска для жизни и здоровья человека сложных технологических систем неоднократно предупреждал покойный академик В. Легасов. Он, в частности, писал: «Для сегодняшнего мира характерна тенденция: при уменьшении вероятности каждого отдельно взятого события (будь то авиационная, железнодорожная или морская катастрофа, разрушение плотины, химического производства либо ядерного объекта) масштабы последствий, если оно все же случается, как правило, возрастают».

Подобные классификации, делящие причины аварий и катастроф на «человеческие» и «нечеловеческие», достаточно условны. Дело в том, что за конструкционными недостатками оборудования, производственными и строительными дефектами в конечном счете также стоят человеческие ошибки — ученых, инженеров, конструкторов, технологов, рабочих, строителей и т. д. Можно смело утверждать, что с вступлением человечества в эпоху НТР стала наблюдаться опасная тенденция опережающего роста мощностей и сложности техники по сравнению с развитием «человеческого фактора», под которым в данном случае прежде всего понимается уровень знаний, квалификации, ответственности и дисциплины тех, кто создает и эксплуатирует эту технику.

Среди конкретных причин возникновения разного рода аварий и технологических катастроф, следует назвать такие, как просчеты и ошибки обслуживающего персонала, конструкционные недостатки оборудования, производственные и строительные дефекты и т. д. По некоторым оценкам, человеческие ошибки обуславливают 45% экстремальных ситуаций на АЭС, 60% авиакатастроф и 80% катастроф на море. Еще выше этот показатель для автодорожных катастроф, в том числе при перевозке опасных грузов. Советский исследователь Ю. Ковалевский к главным причинам взрывов агрегатов, в которых процессы протекают при высоких температурах или под большим давлением, также относит просчеты обслуживающего персонала (45%), а кроме этого, неудовлетворительную работу оборудования (23%) и прочие причины (32%). По мнению академика В. Легасова, свыше 60% аварий происходит из-за ошибок персонала рискованных объектов.

В современную эпоху интернационализации хозяй-

ственной жизни техника постепенно расползается по всему миру, достигая даже тех стран, которые имеют достаточно низкий уровень экономического развития и находятся на обочине научно-технического прогресса. А в силу недоразвитости «человеческого фактора» в экономически отсталых странах вероятность технологических катастроф там может быть даже выше, чем в промышленно развитых государствах. Не будет большим преувеличением утверждение, что **сегодня технологические катастрофы относятся к разряду глобальных проблем**, то есть в той или иной мере дамоклов меч таких катастроф висит над всеми странами мира. Вместе с тем есть основания полагать, что наша страна относится к разряду тех, где угроза рукотворных катастроф особенно высока, а их последствия могут иметь поистине планетарные масштабы.

НА «ПОРОХОВОЙ БОЧКЕ»

До недавнего времени считалось, что аварии на предприятиях и технологические катастрофы могут происходить только «у них» — в странах «загнивающего капитализма» или государствах «третьего мира». У нас же в лучшем случае могут иметь место «отдельные недостатки». Начавшаяся в стране перестройка начала разрушать подобное однобокое и опасное восприятие действительности. Выяснилось, что взрывы, пожары, крушения случаются и у нас (об этом раньше могли знать только те, кто слушал «голоса» или имел доступ к «запрещенным» журналам и газетам). Многие ли из нас знают, например, о взрыве на складах в Североморске? Или о взрыве в тоннеле Саланг в Афганистане в 1979 году, когда погибли сотни афганцев и советских военнослужащих? Ничего мы практически не слышали и о пожаре на Белоярской АЭС, который случился под Новый, 1978 год. Еще одно «темное пятно» — пожар на Запорожской АЭС, который начался 27 января 1984 года и нанес ущерб в полтора миллиона рублей. Ходили в свое время слухи и о пожаре на Армянской АЭС. Сегодня стало известно, что он действительно имел место — 15 октября 1982 года. Общий ущерб — около 1 млн. рублей. Лишь недавно стало нам известно о трагедии в маленьком уральском городе Кыштым в 1957 году, когда произошел взрыв на хранилище радио-

активных отходов и зараженными оказались обширные территории.

Хоть и медленно, но плотная завеса секретности начинает подниматься; это позволяет постепенно воссоздать картину реальных масштабов и последствий катастроф и аварий в нашем народном хозяйстве.

Конечно, «катастрофы века» типа той, что произошла в Мехико в 1984 году, случаются у нас не каждый день. По некоторым оценкам, такого масштаба катастрофы в разное время произошли на 15 предприятиях страны. Кроме того, за последние 18 лет случилось более 150 тяжелых аварий, каждая из которых в результате цепного развития могла приобрести катастрофические масштабы («Правда», 15. 11. 89).

Наконец-то стала публиковаться хоть какая-то годовая статистическая информация об авариях, травматизме, ущербах и т. д. Так, по данным недавно созданной Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям, в 1988 году в промышленности случилось 790 крупных аварий. Ежегодно в стране происходит около миллиона случаев группового травматизма. От несчастных случаев, отравлений и травм погибает примерно 250—260 тысяч в год («Советская Россия», 26. 07. 89). Сегодня уже и на официальном уровне признается, что по аварийности на транспорте и в промышленности мы опережаем многие страны мира. В этой связи можно привести высказывание заместителя Председателя Совмина СССР В. Х. Догужиева: «Если сравнивать наши отечественные показатели по всевозможным ЧП с зарубежными данными, причин для гордости... не обнаружишь. Скажем, в горнодобывающей промышленности травм у нас в 7 раз больше, чем в других странах» («Советская Россия», 2. 07. 89). Постепенно воссоздается общая картина, позволяющая определить те сферы и отрасли нашей экономики, в которых наиболее высока вероятность технологических катастроф и особенно велики экономические и людские потери. К ним относится, например, **транспорт, особенно железнодорожный**. В 1988 году мы были потрясены крупными железнодорожными катастрофами в Арзамасе и Свердловске. Погибло около 100 человек, примерно 300 госпитализированы, медицинская помощь оказана сотням людей. Ущерб, нанесенный только одной арзамасской аварией, превысил 100 млн. рублей. Не меньшую опасность для здоровья и жизни людей

представляют предприятия химической промышленности. Скажем, в марте 1989 года в литовском городе Ионава произошла авария на производственном объединении «Азот». Взорвалось хранилище жидкого аммиака. В воздухе оказались тысячи тонн ядовитого вещества, образовав облако около 10 квадратных километров и высотой порядка 80 метров. Это была уже третья авария на предприятии. Предыдущие обошлись без жертв. А эта унесла восемь человеческих жизней. Десятки людей были госпитализированы. В безопасные зоны срочно были эвакуированы более 40 тысяч человек. Кстати, потери могли оказаться в сотни раз большими, подуй ветер в сторону города.

Все чаще звучат взрывы на **трубопроводах**, перекачивающих нефть, газ, легкие углеводороды, продукты нефтепереработки. По подсчетам ГипроиниГаз, в 1987 году только на газопроводах в пределах РСФСР произошло более 300 аварий, при этом пострадали 200 человек, погибли — 85 («Советская Россия», 26. 11. 89). Но всерьез внимание общественности и правительства к проблеме аварийности на трубопроводах было привлечено лишь после того, как с 3 на 4 июня 1989 года прогремел взрыв под Уфой на продуктопроводе Западная Сибирь — Урал — Поволжье. Почти в эпицентре взрыва оказались 2 поезда с 1128 пассажирами. В адском огне заживо сгорели более тысячи человек. Лишь после этой катастрофы стало известно, что продуктопровод подавал тревожные сигналы бедствия. Более сорока аварий, правда, меньшей силы уже сотрясали его. Правда, никто на эти «звоночки» не прореагировал («Комсомольская правда», 21. 11. 89). Кстати, уже начались какие-то зловещие совпадения, наводящие на серьезные размышления. В ту же ночь, когда рвануло в Башкирии, громыхнул взрыв в Молдавии, в нескольких сотнях метров от железной дороги. Это случилось на газопроводе Тюмень — Измаил. Только по счастливой случайности никто не погиб. Было уничтожено около 50 метров газопровода и образовалась громадная воронка.

Кстати, недавние аварии и ЧП на трубопроводном транспорте наглядно показали, что даже отдельные технологические катастрофы могут привести всю страну к частичному или даже полному экономическому параличу. Скажем, после трагедии под Уфой из строя вышла артерия, переправлявшая из Западной Сибири 13,5 ты-

сочи тонн сжиженного газа (из 17 тыс. т суточного производства). Так или иначе пострадало 641 предприятие нефтехимического комплекса: некоторые вообще остановились, другие стали работать вполсилы мощности. Только в третьем квартале 1989 года поставки сжиженного газа промышленности были сокращены на 25%, население — на 6%, а экспортные — на 60%. В 1989 году потери от сокращения экспорта составили 8 млн. инвалютных рублей («Известия», 8. 07. 89). С трудом можно себе представить, что произойдет с нашей экономикой, если одновременно, скажем, окажутся перерезанными несколько трубопроводных артерий.

Угрозу для здоровья и жизни человека, экономики страны представляют не только химзаводы и трубопроводы, но и некоторые на первый взгляд «безобидные» хозяйственные объекты. Кто, например, знает о том, что плодоовощные базы, мясокомбинаты и хладокомбинаты, на которых делают мороженое, — чрезвычайно опасные учреждения? Ведь холодильные установки работают на аммиаке. Скажем, на территории только одного Таганского района в Москве расположены мясокомбинат, хладокомбинат, районное плодоовощное объединение, Мосжиркомбинат. И каждый из них числится в районном штабе гражданской обороны «химически опасным объектом», так как их ежедневный запас аммиака составляет соответственно 25, 10, 6, 4 и 7,5 тонны. Периодически в Москве происходят утечки аммиака с этих, казалось бы, «мирных» объектов, что создает угрозу для жизни и здоровья москвичей.

Помимо «громких» (в прямом и переносном смысле) катастроф, в нашем Отечестве изо дня в день, из года в год происходят тысячи и тысячи так называемых «тихий» катастроф. Прежде всего они порождены выбросами в атмосферу и водоемы различных вредных веществ — отходов химических производств, нефтепродуктов, выхлопных газов, радиоактивными и электромагнитными излучениями и т. д. При этом допустимые нормы выбросов и излучений могут превышать в десятки и сотни раз. В качестве примера можно привести Астраханский газовый комплекс. В 1987 году основные технологические установки из-за недоделок и дефектов оборудования, низкого качества монтажных работ останавливались 210 раз; 28 раз из-за аварийных ситуаций завод полностью прекращал работу. И тем не менее в атмосферу было выброшено около 1 млн. т

высокотоксичного сернистого ангидрида — в десятки раз больше, чем предусмотрено проектом. Загрязнение волжских вод достигло критических величин. Зафиксировано множество случаев отравления людей, несколько человек погибло. На другом газовом предприятии — Оренбургском ГПЗ — регистрировались неполадки в компрессорном оборудовании и вследствие этого сбросы газа на факел (что привело в марте 1988 года к чрезвычайной ситуации — отравлению 42 жителей близлежащего населенного пункта и к остановке завода). Подобные примеры сравнительно «тихий» технологических и экологических катастроф можно было бы продолжать до бесконечности. С каждым годом растет кумулятивный эффект этих катастроф, которые налагаются друг на друга и вызывают постепенное, но неотвратимое умерщвление природы и людей.

Результатом многих десятилетий нашего «победоносного шествия к коммунизму» и всяческого самообмана явилась утрата обществом элементарных инстинктов самосохранения. Оно не слышало ни тонких «звоночков», ни громких «звонков», предупреждавших о грядущей беде. Но вот 26 апреля 1986 года ударил набатный колокол Чернобыля, тревожный и всепроникающий гул которого начал доходить до самых отдаленных городов и всей нашей необъятной страны. И вдруг очнулись от, казалось, вечного оцепенения и протрации и с ужасом начали осознавать, что фактически уже одной ногой переступили роковую черту. Несмотря на преступное поведение заинтересованных ведомств, всячески препятствовавших распространению правды о Чернобыле, мы постепенно начинаем постигать подлинные масштабы этой поистине вселенской катастрофы. Вот лишь некоторые данные на сегодняшний день о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС. На Украине радиоактивному заражению в разной степени подверглись 32 района Киевской, Житомирской, Ровенской, Черниговской и Черкасской областей.

Еще хуже ситуация в Белоруссии. На территории республики, где радиоактивная загрязненность превышает один кюри на квадратный километр, живет 2 миллиона 200 тысяч человек, то есть пятая часть всего населения Белоруссии. По мнению специалистов республики, все эти люди имеют повышенный риск заболеваемости верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, психических расстройств, нарушений

беременности, более вероятны врожденные уродства и т. д. В зоне жесткого контроля, где уровень загрязненности превышает 15 кюри на квадратный километр, находится 498 населенных пунктов с населением 102 тысячи человек, из них более 30 тысяч — дети. Наконец, на территории в 624 квадратных километра с уровнем радиации свыше 40 кюри живет 12 тысяч человек, обреченных, по мнению специалистов, на смерть.

До сих пор мы имеем весьма смутное представление о последствиях аварии для России. Считалось первоначально, что радиоактивные выбросы с ЧАЭС в РСФСР затронули лишь некоторые районы на территории Брянской области. Сегодня стало известно, что зона загрязнения распространяется также на Калужскую, Орловскую, Тульскую и некоторые другие области. А вот лишь некоторые обобщенные данные о последствиях Чернобыля по всем трем республикам: 120 тысяч переселенных (а впереди новые переселения); 600 тысяч человек, участвовавших в ликвидации последствий аварии (так называемых «ликвидаторов»), получивших те или иные «дозы»; 3 миллиона проживающих ныне на загрязненных радиацией территориях, из них более 700 тысяч — дети.

Если ущербы и потери от аварий на железных дорогах, трубопроводах, химических предприятиях и иных ядерных промышленных объектах более или менее поддаются учету и оценкам, то этого, к сожалению, нельзя сказать в отношении крупных аварий на АЭС. Прежде всего потому, что последствия крупных ядерных аварий могут сильно «растягиваться», «расползаться» как во времени, так и в пространстве. Лишь сегодня, кажется, мы начинаем понимать, что авария на ЧАЭС прямо или косвенно (скажем, через миграции радиоактивных веществ в окружающей среде, через сельскохозяйственные продукты, зараженные радионуклидами, и т. д.) рано или поздно может «достать» каждого из нас. А уж если не нас, то наших детей и внуков наверняка. Вот что писала, в частности, газета «Известия» от 26 марта 1990 года: «Припять практически загублена, а вместе с тем и весь Припятский бассейн в 122 тысячи квадратных километров — его можно использовать лишь как экологический заповедник. Сегодня воды Припяти и Сожа, протоков Несвич, Ипуть, Бесядь, Брагинка, Коллинта, Покоть несут в Днепр радиоактивный ил. Киевское водохранилище постепенно превращается в «бомбу

замедленного действия». Вода чиста, а весь ил «светится», и его уже 60 миллионов тонн. Под большой угрозой оказался весь каскад электростанций на Днепре, до самого Черного моря. А в этом регионе живут сорок миллионов человек!»

Почти через четыре года после взрыва реактора на ЧАЭС завершилась экспертиза в Госплане СССР «Государственных программ РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС имени Владимира Ильича Ленина». Наконец-то откровенно было сказано, что катастрофа не «произошла», а **продолжается**, ибо продолжается распад радионуклидов в почве, растениях, в нас с вами. Впервые в экспертном заключении Чернобыль был назван не аварией, а **национальной катастрофой**. Знакомая с результатами проведенной экспертизы, я нашел неопровержимые доказательства и факты, свидетельствующие о том, что Чернобыль внес заметные изменения в состояние биосферы на всей планете. Поэтому Чернобыль было бы правильнее даже назвать не национальной, а **общечеловеческой катастрофой**. Говоря об особенностях ядерных аварий, следует иметь в виду следующее обстоятельство: некоторые их последствия могут иметь **необратимый характер**. Скажем, возможны необратимые генетические изменения среди населения определенного района страны или даже планеты в целом. Наконец, надо честно признать, что речь может идти не о «ликвидации» последствий чернобыльской катастрофы. Ученые пришли к однозначному выводу: **такая «ликвидация» невозможна никогда**. Речь может идти лишь о приспособлении (адаптации) природных систем и человека к новому, постчернобыльскому периоду в развитии земной и человеческой истории. Речь может идти лишь об ассимиляции результатов чернобыльской катастрофы.

Для того чтобы нам планировать нашу дальнейшую жизнь в постчернобыльский период, необходимы стоимостные оценки ущерба и потерь от аварий на ЧАЭС. Целый ряд таких оценок уже имеется. Но все они достаточно условны и ограничены, так как не в состоянии учесть в рублях многие последствия — скажем, генетические, психические, физиологические и т. д. Вместе с тем выглядит смехотворной и просто неприличной официальная оценка ущерба от аварии на ЧАЭС в размере 8 млрд. рублей. Только стоимость земель, выведенных

из сельскохозяйственного оборота, исчисленная по минимальным, чисто символическим ценам, намного превышает указанную сумму. В этом плане вызывает большее доверие оценка, сделанная доктором экономических наук Ю. Корякиным: 170—215 млрд. рублей. Причем он оговаривается, что она учитывает самые непосредственные последствия, не принимая во внимание более отдаленные.

Нужно ли говорить о том, что, если произойдет еще одна-две ядерные катастрофы, равные по «калибру» чернобыльской, мы потеряем большую часть своей территории (по крайней мере в европейской части страны) и соответственно лишимся большей части национального богатства? Не приходится уже говорить о том, что подавляющая часть населения будет обречена на медленное и мучительное умирание.

ЗАКЛАДКА «МИН» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После Чернобыля начинаешь по-новому смотреть на наше экономическое развитие. Нас долго приучали радоваться тому, что от года к году, от пятилетки к пятилетке мы «саженьными шагами» наращиваем свои производительные силы, укрепляем «материально-техническую базу коммунизма». По масштабам капиталовложений в народное хозяйство мы уже давно «впереди планеты всей». В результате — внушительное приращение основных производственных фондов. Только за 1970—1988 годы они выросли (в сопоставимых ценах) с 531 млрд. до 1808 млрд. рублей, в том числе в промышленности — с 255 до 883, в сельском хозяйстве — со 106 до 354, транспорта и связи — со 117 до 378 млрд. рублей. Только сегодня эти цифры уже не радуют. Хотя бы потому, что «автоматического роста счастья», выражаясь словами одного героя А. Платонова, не происходит. При этом наши экономисты обращают внимание преимущественно на один аспект проблемы: неумолимое падение фондоотдачи. Другим же аспектом является то, что экстенсивное, затратное развитие экономики ведет к неконтролируемому, гипертрофированному расширению техносферы. А это, в свою очередь, чревато «автоматическим ростом несчастья». На ограниченных пространствах происходит все большее накопление, концентрация энергетических мощностей, токсичных ве-

ществ, радиоактивных материалов, электромагнитных излучений и иных потенциальных источников технологических катастроф.

О росте энергонасыщенности территорий свидетельствуют, в частности, следующие данные. За 1970—1988 годы мощность электростанций в стране выросла со 166 млн. до 339 млн. кВт, в том числе атомных — с 0,9 млн. до 35,4 млн., гидравлических — с 31,4 млн. до 63,8 млн. кВт и т. д. Протяженность линий электропередачи за тот же период увеличилась с 445,4 тыс. км до 1000,4 тыс. км. Длина трубопроводов за 1970—1988 годы выросла со 104,9 тыс. км до 293,7 тыс. км.

Впечатляющий рост основных производственных фондов в народном хозяйстве (как в стоимостном, так и физическом выражении) происходит на фоне прогрессирующего, морального и, что особенно опасно, физического старения этих фондов. По данным Госкомстата МССР, износ основных фондов в советской промышленности возрос с 26% в 1970 году до 30% в 1975-м, 36% в 1980 году и 46% в 1988-м.

Среди факторов, ухудшающих физическое состояние основных фондов, можно назвать низкое качество строительно-монтажных работ и крайне невысокую надежность машин и оборудования. Нередки случаи, когда уже через год-другой после пуска предприятие начинает барахлить, а то и вовсе останавливается из-за многочисленных неполадок. Ситуация зачастую усугубляется указаниями «сверху» использовать производственные мощности в форсированном режиме, халатностью и низкой квалификацией обслуживающего персонала, доламывающего технику, отсутствием запчастей, финансовых средств, материалов для ремонта и т. д. В нефтехимии почти треть всего оборудования имеет 100-процентный износ, в автомобильной промышленности этот показатель равняется одной пятой, в химическом машиностроении и приборостроении — примерно 15%. Таким образом, значительная часть производственных фондов в нашем народном хозяйстве, будучи полностью самортизированной, продолжает функционировать, выражаясь словами К. Маркса, как «даровая сила природы». Но такая «даровая сила природы» обладает повышенной склонностью к тому, чтобы ломаться и даже взрываться, нанося ущерб окружающей среде и здоровью человека.

Есть подозрения полагать, что данные Госкомстата СССР о степени «износа» производственных фондов при-

украшивают реальное положение дел. Возьмем, к примеру, трубопроводный транспорт. Предполагается, что трубопроводы должны служить в среднем 30 лет. Те же пленочные покрытия, которые мы используем для изоляции труб, гарантируют их защиту от коррозии на срок лишь в 10 лет («Известия», 25.01.90). Но даже этих пленочных покрытий (далеко не самых совершенных по сравнению с западными методами защиты труб) не хватает для всех наших трубопроводов. В некоторых случаях из-за природно-климатических условий региона или специфических свойств перекачиваемых продуктов (скажем, повышенного содержания серы в нефти) срок «жизни» трубопроводов оказывается особо коротким. Так, в Средней Азии высокая температура и засоленность почвы приводят к тому, что стальные трубы выходят из строя уже через 6—7 лет («Известия», 12.06.89).

После уфимской трагедии началось достаточно тщательное обследование продуктопровода Западная Сибирь — Урал — Поволжье. Каждый третий шурф выявил признаки коррозии магистрали. Выяснилось, что на протяжении почти 1,5 тыс. км продуктопровод непригоден для перекачки легких углеводородов. Даже если его использовать в дальнейшем для перекачки малосернистой нефти, надо заменить изоляцию на протяжении почти 1000 км и вывести из опасных зон 300 км магистралей («Правда», 25.10.89). Если исходить из того, что на других трубопроводах ситуация не лучше и не хуже, чем на продуктопроводе Западная Сибирь — Урал — Поволжье, то в аварийном состоянии находятся не менее 100 тыс. км магистралей.

Несмотря ни на что, процесс инвестиционной экспансии продолжается. Невероятную активность проявляют ведомства топливно-энергетического комплекса. В частности, запланировано сооружение 93 крупных ГЭС на равнинных реках. Уже ведутся подготовительные работы по строительству Катунской ГЭС на Алтае. Разворачивается монтаж атомных энергетических реакторов на 30 площадках. Не отстают от них и ведомства нефтехимического профиля. «Проталкиваются» проекты нефтегазохимических комплексов в Тюменской области, в Тенгизе (Гурьевская область), химических заводов в Приамурье, вторая и последующие очереди Астраханского газоконденсатного комплекса, предприятий по выпуску поливинилхлорида в Калусе (УССР) и т. д.

Многие энергетические и промышленные объекты начинают сооружаться без проведения серьезной социально-экономической и экологической экспертизы проектов. Даже самое предварительное ознакомление с этими проектами показывает сомнительность многих из них с точки зрения наших насущных социально-экономических потребностей. Поражает практически полное игнорирование возможных экологических последствий будущих объектов, недостаточность мер по обеспечению технологической безопасности, непродуманность вопросов размещения.

Посмотрим с этой точки зрения на нынешние проекты в области атомной энергетики. Все они базируются на использовании реакторов, надежность которых вызывает большие сомнения. Проекты практически не предусматривают решения проблемы радиоактивных отходов и демонтажа АЭС. Не проработаны должным образом вопросы квалифицированной и безопасной эксплуатации ядерно-энергетических объектов, постоянного экологического мониторинга, надежной медицинской помощи в случае возникновения разного рода ЧП и т. д. и т. п.

Особо хотелось бы остановиться на вопросах размещения ядерно-энергетических объектов. Создается такое впечатление, что наши ядерные ведомства специально задались целью «заминировать» жизненно важные районы нашей страны. Действующие и строящиеся АЭС расположены вблизи крупных городов, в истоках рек, добрая половина из них находится в бассейне Волги. Имеющиеся данные показывают, что за редким исключением наши АЭС, особенно Южно-Украинская, Запорожская, Белоярская, Костромская, Калининская, Южно-Уральская, Воронежская атомные станции теплоснабжения, расположены в непосредственной близости от тектонических разломов, по краям тектонических блоков.

Большую тревогу вызывает строительство исключительно дорогих атомных станций теплоснабжения (АСТ) в Архангельске, Горьком, Воронеже. Эти станции находятся в непосредственной близости от городов. В случае катастрофы на Горьковской АСТ в тридцатикилометровую зону попадает весь огромный промышленный город, что на деле будет означать сокрушительный удар по экономике страны в целом. Авария же в Воронеже лишит нас, помимо промышленных предприятий, еще и прекрасных черноземов.

В ряде случаев совершенно не учитывается то об-

стоятельство, что АЭС нельзя строить вблизи ТЭС, предприятий химической промышленности и т. д. Так, драматическая ситуация сложилась в Балакове (Саратовская область). В 8—9 км от города с населением 200 тысяч человек размещена АЭС (буквально в сотне метров от Волги). В городе же действуют крупные химические производства (заводы по производству фосфоритов, резинотехнических изделий и т. д.), которые невозможно остановить в случае аварии на АЭС. Строительство Балаковской АЭС было осуществлено с грубым нарушением нормативов размещения ядерно-энергетических объектов.

Впрочем, чему удивляться? У нас, как выясняется, **ядерно-энергетические объекты могут сооружаться не только без социально-экономической и экологической экспертизы, но даже без утвержденных проектов.** Взять, к примеру, Татарскую АЭС. На ее сооружение уже затрачено более полумиллиарда рублей, а утвержденного проекта нет. Вместе с тем выявляются все новые и новые «подводные камни», которые заставляют задуматься: а нужна ли вообще Татарская АЭС и не станет ли она еще одним Чернобылем? Судите сами: площадку будущей станции пересекает активный тектонический разлом, а недавно в регионе, считавшемся сейсмически благополучным, разразилось 6-балльное землетрясение. Ученые и специалисты отмечают, что в роли ядерных заложников могут оказаться жители густонаселенного промышленного района Татарии; тут же расположены два огромных автозавода, около 80 предприятий «большой» химии, Нижнекамская ТЭС и прочее и прочее. Интересно, что перед началом строительства АЭС прорабатывалось 26 вариантов площадки, но в конце концов был выбран чуть ли не самый опасный, на месте бывшей деревни Белякча. И несмотря на серьезнейшие аргументы специалистов о неверном выборе площадки, выводы вневедомственной комиссии АН СССР о проведении экологической экспертизы, строительство станции продолжается теми же темпами («Комсомольская правда», 18.08.89).

Чем больше знакомишься с фактами, результатами многочисленных экологических экспертиз, заключениями отдельных ученых и специалистов по различным проектам и стройкам, тем больше приходишь к выводу: происходит самое настоящее минирование страны. В связи с этим неизбежно задаешься разными вопросами: явля-

ется ли процесс закладки «мин» под страну результатом нашей беспечности, недальновидности, бесхозяйственности? Или же он порожден волей «злого рока», посылающего проклятие на нашу страну? Или же мы имеем дело с целенаправленной, сознательной политикой, имеющей своих невидимых дирижеров и исполнителей? То есть не становимся ли мы объектом чьих-то диверсий? Думаю, что на последний вопрос должны уже отвечать не ученые, а сотрудники компетентных органов. Конечно, и им на него непросто ответить, так как для вскрытия диверсии нужно доказать умысел, а человеческая душа, как известно, потемки, и всякого рода «мины» нетрудно списать по статье «халатность», «недоработка», «некомпетентность» и т. п.

Короче говоря, вопросы, вопросы... Увы, большинство из них повисает в воздухе, либо до них никому нет дела. Либо их боятся задавать и еще больше на них отвечать.

А пока же наши средства массовой информации предпочитают направлять всю свою энергию и пафос на критику ведомств и административного аппарата «вообще», им же разоблачать покойников и «бывших». А большинство организаторов и конкретных исполнителей происходящих и грядущих катастроф (даже если они не диверсанты) почему-то продолжают оставаться на свободе и даже благоденствовать. На дворе уже седьмой год перестройки торжественно провозглашены идеалы правового государства, а мы по-прежнему продолжаем жить в системе всеобщей безответственности и прочной круговой поруки. Без слома этой системы минирования страны, какими бы конкретными причинами оно ни объяснялось, нам не остановить.

Развитие событий в стране в последнее время, к сожалению, не дает ни малейшего повода для оптимизма. Наоборот, на душе становится все тревожнее. В частности, **в связи с переводом нашей экономики на рыночные начала, а предприятий на хозрасчет вероятность возникновения технологических катастроф в ближайшее время может существенно увеличиться.**

Во-первых, может сложиться такая ситуация, когда тяжела промышленность, транспорт и некоторые другие отрасли экономики, характеризующиеся низкой скоростью оборачиваемости фондов, невысокой рентабельностью и даже убыточностью, лишатся материальных, людских, финансовых ресурсов, которые будут прежде всего устремляться в сферы экономики с высокой при-

быльностью (скажем, торговлю). Тяжелая промышленность, транспорт и другие капиталоемкие отрасли, будучи одновременно и наиболее энергонасыщенными отраслями, рискуют оказаться бесхозными или полубесхозными, а это значит, что с каждым годом они будут все более «перевыполнять» планы по авариям и катастрофам. Сегодня все более типичной становится следующая ситуация. Скажем, построили мы предприятие. Пусть даже оно соответствует мировым стандартам. Все там блестит, техника импортная. А вот оклад обслуживающего персонала где-то около 200 рублей. При нынешнем расцвете совместных предприятий, кооперативов и других «хлебных» организаций, действующих в основном в сфере торговли и посреднических операций, даже на самое современное химическое предприятие за такие деньги никого силой не затащишь. Вот что говорит по этому поводу главный инженер управления по надзору в химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности Госгортехнадзора СССР М. Бесчастнов: «Основной контингент в отрасли (химической. — В. К.) — люди с низкой квалификацией, не обладающие достаточными знаниями для того, чтобы обслуживать современную технику» («Правда», 15.11.89). А завтра обеспеченность кадрами в химической и других отраслях с повышенным риском технологических катастроф может быть еще хуже.

Во-вторых, для повышения своей рентабельности предприятия всех без исключения отраслей экономики будут стремиться всячески экономить на капитальных и эксплуатационных затратах, даже если это будет создавать дополнительный риск для здоровья и жизни людей. Уже на этапе проектирования начинаются недопустимые отступления от стандартов. Вспомним взрыв на аммиачном предприятии в Ионаве. Послеаварийная экспертиза показала, что несущая железобетонная плита под резервуаром имела толщину всего 400 мм, хотя по нормативам она должна была быть не менее 700 мм. Заключение экспертизы: не будь этого отступления от стандартов, катастрофа (по крайней мере таких масштабов) не произошла бы. Тот же М. Бесчастнов отмечает: «Я бы лично упразднил такое понятие — рационализатор, во всяком случае, в химической промышленности. Сделал что-то толковое, полезное для предприятия — получи премию. А то ведь возникла целая армия «умников», которые только и думают, где бы что урезать и укоро-

тить — вразрез с технологией, вопреки здравому смыслу» («Правда», 15.11.89).

В связи с начавшейся погоней предприятий за прибылью все больший размах приобретает также недопустимая экономия на фондах оплаты труда. Характерный пример — железнодорожный транспорт (включая перевозку опасных грузов). Стремление иметь меньшую численность путейцев без достаточной их вооруженности, выжать предельный срок эксплуатации пути и в то же время постоянно снимать максимальное число тонно-километров вызывает на наших глазах развал всего путевого хозяйства. Осмотр пути, обслуживание технических средств — все, что связано с надежностью и безопасностью, отошло на второй план, и это повело к росту аварийности. Только за три года (1986—1988 гг.), по данным Госкомстата СССР, значительно возросло число крушений и аварий на железных дорогах страны, в том числе при перевозке особо опасных грузов.

У читателя может возникнуть законный вопрос: **а какое отношение угроза технологических катастроф имеет к нашим внешнеэкономическим делам? Самое непосредственное.** Внешняя торговля и другие формы международных хозяйственных связей все сильнее разворачивают корабль нашей экономики на курс сырьевой и энергетической специализации. Вместе с тем, даже по западным классификациям, все отрасли и производства топливно-энергетического и сырьевого профиля характеризуются повышенным риском технологических аварий, особой опасностью для окружающей среды, высокими показателями производственного травматизма. Подобные же характеристики присущи и многим химическим производствам, навязываемым Советскому Союзу Западом. Свой «вклад» в рост аварийности отечественного производства осуществляет также непродуманная импортная политика. Вот лишь один пример. Так сказать, повод для размышления. В 1974 году в городе Фликсборо, в Англии, на заводе фирмы «Нипро» в результате аварийного выброса произошел взрыв парового облака циклогексана. В итоге — человеческие жертвы, разрушение и повреждение тысяч домов в радиусе до 5 километров от предприятия. Эта авария прогремела тогда на весь мир и была занесена в разряд «катастроф века». Но вот что интересно. В том же году был подписан договор с англичанами, и те же самые агрегаты с помощью инофирм были установлены на целом ряде оте-

чественных предприятий! Результат не замедлил сказаться. В 1978 году при схожих обстоятельствах взорвался агрегат в производственном объединении Куйбышевазот, вызвав близкие по масштабам разрушения. Сегодня в опасных условиях эксплуатируются аналогичные технологические блоки на других заводах. Вот что по поводу подобной ситуации говорит главный инженер Госгортехнадзора М. Бесчастнов: «У нас вообще довольно странные взаимоотношения с западными партнерами. С одной стороны, мы претендуем на равноправные деловые отношения, серьезное научное сотрудничество, в частности, в сфере безопасности труда на предприятиях. С другой — ведем себя, как тот мужик, мол, «я и сам с усам»... К сожалению, при осуществлении подобных решений (об импортных закупках технологического оборудования. — В. К.) мнение специалистов довольно часто игнорируется, уходит на второй план. А первостепенное значение приобретает сакраментальная валюта, которой, как известно, всегда мало. Логика примерно такая: как бы исхитриться, чтобы взять побольше, а заплатить поменьше» («Правда», 15.11.89).

Экономия, образно выражаясь, валютные копейки, мы теряем тысячи и тысячи рублей и человеческие жизни. Вот лишь один пример. При Международной организации труда уже давно существует международная ассоциация общественной безопасности. Она активно обсуждает современные проблемы обеспечения технологической безопасности на производстве, проводит многочисленные семинары, конференции, симпозиумы. Членам ассоциации предоставляется самая полная и современная информация о технике безопасности, рекомендации по предотвращению аварий и травматизма в самых разных отраслях и производствах. К сожалению, Советский Союз в указанной ассоциации не представлен. Объяснение стандартное — нет валюты. Люди, наделенные правом принимать решения, по мнению специалистов в области технологической безопасности, явно недооценивают значение подобного международного сотрудничества.

ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО

Уже несколько десятилетий назад человечество пришло к осознанию той опасности, которую таит в себе ракетно-ядерное оружие, а также другие виды оружия

массового поражения. Сегодня все прекрасно понимают, что не только массированное, но даже ограниченное применение современных средств ведения войны самоубийственно. Уже мало кто верит, что США или СССР, имеющие военно-стратегический паритет, могут сознательно решиться на первый ракетно-ядерный удар. Ныне на первый план выходит угроза так называемого «несанкционированного» удара. Иначе говоря, несмотря на все меры предосторожности, существует риск того, что оружие может «выстрелить» по ошибке, допущенной компьютером, оператором, или по какой-либо другой непредвиденной причине. Сегодня это одно из важнейших обстоятельств, заставивших СССР и США, страны ОВД и НАТО сесть за стол переговоров и добиваться взаимного снижения уровней военного противостояния.

Вместе с тем мы все еще никак не можем осознать, что нашей стране угрожают не только американские «Миджитмены» и «Трайденты», но также находящиеся в нашем собственном тылу «мины замедленного действия» в виде АЭС, химических заводов, трубопроводов, других объектов с повышенным риском экологических и технологических катастроф.

Возникает вопрос: каков смысл всяческих разоружений, если любая страна мира или даже узкая группа людей, видящая в нас врага и желающая нашего уничтожения, может реализовать в отношении СССР свои коварные планы, не объявляя войны и даже не предпринимая против нас никаких видимых враждебных шагов? Достаточно серии хорошо спланированных террористических акций или диверсионных операций против наших АЭС, промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, чтобы мы перестали вообще существовать.

Обеспечение истинной безопасности нашего государства должно обязательно учитывать это обстоятельство. Пора наконец прекратить наращивание арсеналов «гражданского» оружия, нацеленного на собственную страну и собственный народ. Я бы вообще предложил ввести мораторий (по крайней мере на несколько ближайших лет) в отношении строительства новых «рисковых» объектов — АЭС, химических заводов и т. д. Готов предложить и другой, более компромиссный вариант: сооружение подобных объектов может осуществляться лишь после референдумов (общесоюзных, ре-

спубликанских) или после одобрения соответствующих проектов Верховным Советом СССР. В любом случае проекты должны проходить самую тщательную социально-экономическую, экологическую и технологическую экспертизу, осуществляемую коллективами независимых компетентных специалистов. Считаю, что выводы и предложения экспертных комиссий по проектам, относящимся к категории повышенного экологического и технологического риска, должны носить не рекомендательный характер и быть обязательными для исполнения соответствующими ведомствами и предприятиями.

Наконец, для того чтобы иметь хоть какой-то шанс выжить и не взлететь на воздух, мы должны незамедлительно и достаточно круто повернуть штурвал инвестиционной политики. Чтобы корабль нашей экономики сошел с опасного курса ресурсной и энергетической специализации в океане мирового хозяйства.

Говоря о наших экономических диспропорциях и дефицитах на II Съезде народных депутатов СССР, Н. И. Рыжков особое внимание депутатов обратил на дефицит валютного баланса, то есть превышение валютных расходов над валютными доходами: «...Это дефицит особый, самый опасный и разрушительный из всех балансовых дефицитов». Действительно, высокая валютная задолженность крайне опасна для нашего государства, ибо связана с выплатой больших процентов по займам, усилением инфляционных процессов, угрозой для экономической и политической независимости страны. В конце 1989 года внешняя задолженность СССР оценивалась уже в 56 млрд. долларов, и на ее погашение, по западным данным, шло 25—30 процентов всех наших валютных поступлений.

Не оспаривая всей серьезности проблемы внешнего долга, хотел бы обратить внимание на еще один вид задолженности. Порождена она экстенсивным, затратным развитием экономики, хаотичным и бесконтрольным использованием плодов научно-технического прогресса, усилившейся в последнее время безответственностью и безнравственностью тех, кто принимал и, к сожалению, продолжает принимать решения в области народного хозяйства, науки, техники. Эта задолженность не учитывается, к сожалению, ни Совмином, ни Госпланом, ни Госкомстатом страны. Общество ее как бы не замечает, поэтому я назвал бы ее «невидимой». Не буду вас интриговать. Речь идет о том, что нам на-

до незамедлительно осуществить крупные инвестиции, без которых под вопросом будет уже не только материальное и душевное благополучие, но и само существование нашего общества.

Многие годы и десятилетия некое подобие нашего благополучия строилось на том, что мы, как беспечные наследники, пропивали и проедали доставшееся нам от предков состояние (природные богатства, производственный и жилищный фонды и т. д.). Более того, не до конца растраниженное наследство служило своего рода залогом, под который и мы умудрялись набирать заморские доллары. Фактически забиралось общество и в карман будущих поколений, обрекая еще не родившихся детей и внуков на нищету, болезни и трагические смерти. С еще большим размахом это мародерство развернулось после 1985 года, когда под шумок «перестроечной» фразеологии были отброшены последние нравственные и юридические ограничения. Сегодня общество накопило громадный «невидимый» долг перед природой, своими детьми и внуками, а также теми миллионными ныне живущими, кто пал жертвами экологических и технологических катастроф и кого общество жестоко от себя отторгло. На наших глазах вершится одно из страшнейших в истории Отечества злодеяний, которое может затмить даже те, которые происходили во времена сталинизма.

Я не берусь сейчас обсуждать политические и нравственные аспекты проблемы наших долгов перед предками, ныне живущими и будущими поколениями. Как экономисту, мне прежде всего надлежит выяснить, сколь велика «невидимая» задолженность нашего общества. По самым грубым прикидкам, она сопоставима с суммой нашего государственного долга, составляющей 400 млрд. рублей.

Что конкретно входит в эту задолженность? Прежде всего она включает затраты на приведение в божеский вид производственных фондов нашего народного хозяйства, доведенных до крайней степени деградации и взрывоопасности. Сегодня затраты на капитальный ремонт этих фондов в промышленности составляют примерно 20 млрд. рублей в год. Для того чтобы остановить дальнейшее старение и «проедание» фондов, эти затраты, по нашим подсчетам, надо увеличить по крайней мере в 2,5—3 раза.

Для того чтобы привести наши предприятия в со-

ответствие с элементарными нормами технологической безопасности, многим из них, к сожалению, не поможет даже капитальный ремонт. Нужна коренная реконструкция, включающая оснащение производств необходимой контрольно-диагностической аппаратурой и системами автоматического управления. А это новые десятки миллиардов рублей в год. Необходимо также приведение производственных процессов в соответствие с требованиями экологии. Для этого требуется массовое внедрение мало- и безотходных технологий, очистного оборудования, средств экологического мониторинга. В 1989 году первый заместитель председателя Госкомприроды СССР П. Полетаев заявил, что для сокращения вдвое промышленных выбросов в атмосферу и прекращения сброса загрязненных сточных вод до 2005 года потребуется 400 млрд. рублей, в том числе более 140 млрд. рублей в виде капитальных вложений. Это примерно в 4 раза больше, чем за предыдущие 15 лет.

Эти суммы не учитывают тех затрат, которые неизбежно в самое ближайшее время потребуются для разблокировки сложнейших проблем, порожденных развитием ядерной энергетики. Срок жизни АЭС составляет 25—30 лет. После чего встает сложнейшая задача ее демонтажа и надежного захоронения компонентов и узлов станции. Стоимость этих операций равняется 50—100% затрат на сооружение АЭС. Уже несколько АЭС заканчивают свой «жизненный путь», и на их «похороны» потребуются суммы, исчисляемые многими миллиардами.

Сегодня все более острой становится проблема захоронения радиоактивных отходов, вырабатываемых АЭС и другими ядерными установками. Решение этой проблемы откладывается у нас из года в год. Радиоактивные отходы складываются у нас на территориях АЭС, различных временных площадках, совершенно не приспособленных для надежного и сколь-нибудь длительного хранения отработанного ядерного топлива. Поскольку все эти временные хранилища уже переполнены, резко повышается риск радиоактивных утечек, взрывов и т. д.; поэтому во весь рост встает задача создания более солидных и надежных инженерных сооружений. А это новые миллиарды рублей...

Наконец, надо нам незамедлительно расплачиваться за последствия тех технологических и экологических катастроф, которые уже произошли. Прежде всего речь

идет о чернобыльской катастрофе. Ликвидация (а точнее, нейтрализация и смягчение) последствий чернобыльской трагедии требует таких расходов, которые соизмеримы с затратами на решение всего комплекса «традиционных» экологических проблем. Только в Белоруссии эти потребности, по оценкам республиканского правительства, оцениваются в 17 млрд. рублей, причем подчеркивается, что эта цифра не окончательная. По оценкам Ю. Корякина, по РСФСР, СССР и БССР прямые затраты на защиту населения от последствий аварии на ЧАЭС должны составить до 2000 года как минимум 35—45 млрд. рублей, при этом соответствующие мероприятия необходимо осуществить в течение ближайших нескольких лет.

Итак, в ближайшее десятилетие (далее я не рискую заглядывать) нам надо ежегодно выплачивать по векселям «невидимой» задолженности как минимум 70—80 млрд. рублей. Задача архисложная, учитывая, что нам трудно даже выкроить лишний миллиард для увеличения пенсий старикам. Я не готов ответить на вопрос, где взять всю сумму целиком. Но крупные резервы имеются. Достаточно напомнить, что в 1988 году капитальные вложения в наше народное хозяйство составили 218,2 млрд. рублей. Часть этой суммы можно было бы направить на погашение указанной задолженности. Какую часть? Прежде всего ту, которая предназначена для наращивания новых мощностей, то бишь закладки новых «мин» на нашей территории. В 1988 году на новое строительство из государственной казны было выделено 36,8 млрд. рублей. Еще 19,4 млрд. рублей было ассигновано на расширение действующих предприятий. Кстати, в совокупности указанные суммы до сих пор заметно превышают государственные расходы на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий.

Коль скоро речь идет о долгах, закономерен вопрос: каковы возможные последствия их неуплаты для должников? Вспомним, что, если речь идет о государстве, отказывающемся выполнять свои внешние финансовые обязательства, против него возможны следующие действия: внешнеторговые санкции (вплоть до торговой блокады), аресты валютных вкладов в зарубежных банках, разрыв дипломатических отношений, осуждение международным сообществом и т. п.

Одним словом, для государства-должника экономи-

ческие и политические издержки от неуплаты могут быть весьма серьезными. И вместе с тем они все-таки не смертельны (судя по тем государствам, которые в последние годы в условиях обострения мирового кредитного кризиса полностью или частично прекратили выплаты процентов по внешним долгам). А каковы последствия подобного отказа для частного лица? Его вызовут в суд, имущество арестуют и распродадут с молотка, самого должника могут посадить в тюрьму или долговую яму. Конечно, все это неприятно, печально, позорно, наконец. Но тоже, как правило, не смертельно (по крайней мере в цивилизованных странах).

Теперь обратимся к нашему случаю. Что будет с нынешним обществом, если оно все-таки откажется погасить тот «невидимый» долг, о котором шла речь? На первый взгляд ничего страшного. Учитывая общее состояние нравственности в нашем обществе, можно догадываться, что со стыда оно не собирается умирать. Оставим в стороне также обсуждение вероятности божьего суда. Но даже без него расплата неизбежна. Это надо твердо уяснить и тем государственным и хозяйственным руководителям, кто предполагает задержаться в этом мире хотя бы еще на десяток лет. И их, и всех нас независимо от возраста, пола, образования, политических взглядов, вероисповедания, национальности ожидает самый суровый, неумолимый и неподкупный суд. Вершиться он будет по самым жестким земным законам — законам экономики и природы. Ни слезы, ни взятки, ни адвокаты помочь уже не смогут. Решение суда ни отмене, ни пересмотру подлежать уже не будет.

Приговор чаще всего будет приводиться в исполнение в самый неожиданный для человека момент жизни. Одних ожидают длительные и невыносимые мучения. Другие, попадая в жернова индустриально-технологического молоха, могут лишаться благосостояния, здоровья и жизни в течение долей секунды. Одни будут погибать поодиночке, другие партиями — в десятки, сотни, тысячи человек. Пока еще не поздно, нам надо остановить и уничтожить созданную нашими собственными головами и руками набирающую все большие обороты машину индустриально-технологических репрессий.

И последнее замечание. **В прекращении дальнейшего минирования территории СССР в конечном счете**

должно быть заинтересовано не только наше общество, но и все человечество. Многие технологические катастрофы могут создавать последствия, распространяющиеся за тысячи километров от эпицентра, затрагивать соседние страны и даже распространяться по всей планете. Достаточно вспомнить Чернобыль, который привел к выпадению радиоактивных осадков на территории Польши, Финляндии, ФРГ, Швеции, Великобритании и других стран. Чернобыль дал импульс подготовке и подписанию ряда международных соглашений по вопросам оперативного оповещения об авариях на ядерно-энергетических объектах, оказания помощи в деле ликвидации последствий этих аварий и т. д. В этих соглашениях участвует СССР и ряд других промышленно развитых стран. Но это лишь первый шаг в направлении создания международной системы технологической безопасности. В идеале необходимо стремиться к подписанию такой международной конвенции, которая распространялась бы на все категории «рисковых» объектов, регулировала бы все аспекты технологической безопасности и охватывала бы все страны мира.

Есть одна сфера международной деятельности нашего государства, которая и сегодня, на шестом году перестройки, находится в значительной степени за пределами гласности. Это наши поставки оружия за рубеж. Мы можем лишь догадываться, что они занимают отнюдь не второстепенное место во внешней политике СССР, определяют в немалой степени наши международные позиции, оказывают определенное влияние на советскую экономику. В последнее время вокруг наших поставок оружия за рубеж в прессе ведется много разговоров, справедливо критикуется излишняя закрытость данной темы (даже для народных депутатов СССР), что мешает правильно оценивать все плюсы и минусы советского военного экспорта. Вместе с тем тональность большинства выступлений явно не в его пользу. Против экспорта оружия, например, на II Съезде народных депутатов СССР резко высказался академик Г. Арбатов. В более «мягких», «интеллигентных» тонах эту же мысль высказала в «Известиях» кандидат экономических наук Е. Арефьева: «Наверное, все согласятся, что экспорт вооружения — не самое нравственное занятие и что такая «коммерция» полностью противоречит принятому нашей страной курсу на разблокирование региональных конфликтов» («Известия», 9.01.90). Конечно, с этим можно было бы согласиться, но на уровне абстрактной идеи. Если же трезво учитывать все реалии сегодняшнего дня — как международные, так и внутренние, то подход к советскому военному экспорту должен быть всесторонне взвешенным и очень осторожным. Всякого рода идеологические мифы в данной области чреватy серьезным ущербом для Советского государства.

Если мы откроем статистический сборник «Внешняя торговля СССР», то при всем желании не сможем найти там даже намека на поставки Советским Союзом оружия за рубеж. Приходится обращаться к западным источникам — публикациям Стокгольмского института по исследованию проблем мира (СИПРИ), Лондонского института стратегических исследований и т. д.

Из них мы узнаем, что мировой рынок вооружений — один из крупнейших и ежегодные объемы продаж на нем не опускались ниже 30 млрд. долларов. Хотя удельный вес СССР в мировом экспорте не достигает и 5 процентов, его участие в мировых поставках оружия гораздо более представительно. В последние 15—20 лет, в связи с ускорением процессов милитаризации развивающихся стран, основным рынком сбыта для производителей оружия стал «третий мир». В 80-е годы на Советский Союз приходилось от трети до половины всего оружия, поступающего в развивающиеся государства. Для сравнения отметим, что доля США в этих поставках составляла в среднем 20—25 процентов. Пожалуй, ни по одной товарной группе СССР не добился такого доминирования на мировом рынке, как по военной технике и снаряжению.

Хотя приоритетное место в поставках нашего оружия занимали страны Варшавского пакта, в абсолютном выражении (стоимостном и физическом) основная часть советской военной техники и снаряжения (по западным оценкам, примерно 3/4) направлялась в 80-е годы в страны «третьего мира». Среди них можно назвать такие, как Ангола (в 1982—1986 годы мы поставили туда оружия, по данным СИПРИ, на 5 млрд. долларов), Эфиопия (3,8 млрд. долларов), Мозамбик (1,3 млрд. долларов) и т. д.

Получатели советского оружия в «третьем мире» — достаточно устойчивая группа, включающая примерно 20 стран. В ней выделяется еще более узкая группа: Ангола, Индия, Иран, Ливия, Сирия. За период 1984—1988 годов на них пришлось 75% всех военных поставок СССР в развивающиеся государства.

В 1982—1986 годах Советский Союз направил в развивающиеся государства 4345 танков, что составило более трети всех поставок этой техники странам «третьего мира»; 1545 боевых самолетов (более поло-

вины), свыше 900 вертолетов (более половины) и т. д.

Как правило, поставкам советской военной техники сопутствует оказание разного рода услуг. Специалисты, инструкторы, советники, эксперты занимаются подготовкой кадров для эксплуатации поставленной техники, ее обслуживанием и ремонтом.

Несмотря на обострение наших экономических проблем и наметившееся ослабление позиций СССР в мировом хозяйстве, советские поставки оружия за рубеж продолжают оставаться на стабильно высоком уровне (лишь в самом конце 80-х годов начало наблюдаться некоторое снижение удельного веса СССР в мировой торговле оружием).

За 1984—1988 годы советский военный экспорт, по западным оценкам, составил 45,9 млрд. долларов. В стоимостном выражении это сопоставимо с экспортными поставками советской нефти. К сожалению, это не означает, что военный бизнес является, как думают некоторые, крупным источником валютных доходов СССР. Совсем нет. Лишь некоторые получатели советского оружия (среди них можно назвать богатые нефтедобывающие государства) расплачиваются с Советским Союзом звонкой и полновесной монетой. Зачастую советское оружие поставляется развивающимся странам на льготных условиях — в кредит, под небольшие проценты, с длительной рассрочкой платежей. Или же бесплатно, в виде военной помощи. Общий объем задолженности развивающихся стран Советскому Союзу на конец 1989 года, по данным Министерства финансов СССР, составил 42 млрд. рублей. Подавляющая часть этой задолженности — за военные поставки. По данным СИПРИ, только долг Сирии за поставленное ей нашей страной оружие достигает 12 млрд. долларов. Трудно рассчитывать, что задолженность развивающихся стран по нашим военным поставкам будет погашена в ближайшие годы. Особую озабоченность вызывают долги таких стран, как Сирия, Эфиопия, Мозамбик, Ангола, Южный Йемен, Никарагуа и т. д. Вероятно, некоторые из долгов вообще придется списать. Судя по всему, торговля оружием пока не только не приносит нам многомиллиардных барышей, но просто-напросто убыточна.

Сегодня, когда начался процесс активной перестройки внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Советского государства, необходима выработ-

ка новых подходов к нашим военным поставкам в развивающиеся страны. Даже самый предварительный анализ этих поставок показывает, что с их помощью далеко не всегда удавалось (а некоторые считают, что почти никогда не удавалось) достигать желаемых внешнеполитических целей (вспомним хотя бы Египет, Сомали, Гану, где произошла реставрация так называемого «капиталистического пути развития»). То есть следует признать, что военные поставки — далеко не самый эффективный инструмент внешней политики. Вряд ли стоит подходить к ним вообще как к инструменту внешней политики сегодня, когда мы отказываемся от насильственного насаждения социализма и так называемой «социалистической ориентации» в странах «третьего мира». В то же время мы можем и должны подходить к военным поставкам за рубеж как к важнейшему направлению внешнеэкономической деятельности нашего государства. В кратчайшие сроки нам следует перевести поставки военной техники и снаряжения на коммерческую основу, то есть начать их продажу за наличные или в кредит под нормальные проценты с расчетами преимущественно в твердой валюте. В этом случае мы могли бы реально добиться превращения военного экспорта во вторую после нефти статью поступлений валюты. Это особенно важно сегодня, когда происходит снижение наших нефтедолларовых доходов в результате падения мировых цен на энергоносители и удорожания добычи нефти.

«СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ»

Заранее слышу возражения: надо, мол, думать не о коммерциализации военных поставок за рубеж, а об их сокращении и полном прекращении. Этого, мол, требует новое мышление, провозглашенная Советским Союзом концепция международной безопасности. Никто не спорит, что военные поставки способствуют усилению процессов милитаризации в «третьем мире» (сегодня страны с низким доходом уже тратят на военные нужды чудовищную сумму в 200 млрд. долларов), создают риск обострения региональных конфликтов, что оружие может использоваться в полицейских и репрессивных целях, для подавления национально-освободительного движения и т. д. Международное сообщество (включая

Советский Союз) давно уже осознало все возможные пагубные последствия военной коммерции.

Еще в 1978 году на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению все государства единодушно высказались за проведение переговоров по ограничению международной торговли оружием. Но прошло уже столько лет, а соответствующее международное соглашение так и не подписано. Слишком велики препятствия. Прежде всего против ограничений выступает ряд развивающихся стран. Они ссылаются при этом на индивидуальную и коллективную самооборону. Это право, по их мнению, не может быть обеспечено без возможности свободной покупки оружия на мировом рынке. О том, что против таких ограничений выступают военно-промышленные монополии Запада, тем более не приходится говорить. Стокгольмский институт по исследованию проблем мира выделил 100 крупнейших компаний и концернов (кроме СССР и КНР), производящих оружие. В этом списке — 48 фирм США, 12 — Великобритании, 10 — Франции, 9 — ФРГ, 5 — Японии, 3 — Италии, 1 — Нидерландов, 1 — Испании, 4 — Швеции, 1 — Швейцарии, 2 — Израиля, 1 — Южной Кореи, 1 — ЮАР, 1 — Бразилии, 1 — Индии. При этом американские компании поставляют 2/3 объема военной продукции, выпускаемой указанными фирмами. На британские, французские и западногерманские приходится соответственно 10,0; 8,5; 5,5% военного производства указанной сотни.

Некоторые монополии и даже целые отрасли военной промышленности развитых капиталистических стран вообще работают преимущественно на внешний рынок и без него существовать не могут.

Так, чрезвычайно сильно «завязана» на внешний рынок военная промышленность Франции. Например, 40% военной продукции ее авиакосмической промышленности направляется в страны «третьего мира». Франция вообще являет образец страны, активно осуществляющей военно-экономическую экспансию за рубежом. За 1970—1986 годы французский экспорт основных видов оружия в развивающиеся страны увеличился в 10,7 раза и составил в 1987 году 3,2 млрд. долларов. Среди крупнейших французских поставщиков военной техники в развивающиеся страны следует выделить авиаракетные монополии «Аэропасиаль», СНЕКМА, «Дассо-Брегэ» и «Тюрбомека», машиностроительный концерн

«Шнейдер», электротехнические и электронные корпорации КЖЭ, «Томсон», «Матра», автомобильные фирмы «Рено», «Пежо» и ДЖИАТ. Основные статьи военного экспорта Франции — авиационная техника и ракеты (2/3 экспорта), а также танки, бронетранспортеры, торпедные катера. В 80-е годы главными покупателями французского вооружения являлись Ирак, Саудовская Аравия, Индия, Аргентина, Египет. В 1984 году Франции удалось добиться одного из крупнейших в истории мировой торговли оружием контракта — на поставку Саудовской Аравии противозенитной ракетной системы стоимостью 4,5 млрд. долларов.

В мире в последнее время разворачиваются активные процессы военно-экономической интеграции в рамках региональных группировок государств, что дает импульс дальнейшему развитию и расширению международного рынка оружия. Так, в 1988 году по инициативе Франции в ЕЭС была принята программа «Евклид», предусматривающая сотрудничество стран Западной Европы в области военных исследований и разработок. Эта программа, по мнению правящих кругов ряда стран, позволит укрепить военную промышленность «общего рынка», создать в рамках этой интеграционной группировки общий рынок оружия, успешно противостоять конкуренции военных фирм США.

Если в 70-е годы число стран-экспортеров оружия составляло 5—10 (СССР, США, Франция, Великобритания, ФРГ и некоторые другие), то сегодня клуб экспортеров оружия насчитывает по крайней мере 40 государств. Среди них такие, как Испания, Италия, Бельгия, Швеция и другие развитые капиталистические страны. Самый настоящий «оборонный бум» в настоящее время переживает Япония, которая активно переносит достижения отечественной технологии в развитие военной промышленности. Некоторое количество оружия продают Польша и Чехословакия. В клуб ведущих экспортеров вошел Китай. По объему военных поставок в развивающиеся страны Китай в 1988 году вышел на третье место после СССР и США, опередив Францию. Наконец на мировом рынке оружия появился целый ряд развивающихся государств — Бразилия, Южная Корея, Египет, Чили, Индонезия, Иордания и т. д.

Из всего этого можно сделать вывод, что конкуренция на мировом рынке вооружений с каждым годом становится все более острой. Добровольный уход Совет-

ского Союза с этого рынка не привел бы к уменьшению масштабов международного военного бизнеса, ослаблению процессов милитаризации в мире: его место немедленно будет занято другими экспортерами оружия. Так должны ли мы в этих условиях уйти с мирового рынка вооружений? На этот вопрос четко отвечал министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе на брифинге, проходившем 5 марта 1990 г. в МИД СССР: «...Пока не урегулирован процесс продажи оружия в мировом масштабе, Советский Союз будет продолжать торговать оружием. Такова реальность».

Сегодня у всех на устах модное слово «конверсия». Удельный вес затрат на оборону в национальном доходе к 1995 году должен снизиться в полтора раза. За 1990—1991 годы 14 процентов производства оборонного комплекса предполагается переключить на выпуск гражданской продукции. Исходя из нашей новой оборонной доктрины, директивные органы поспешили принять решение о сокращении в тринадцатой пятилетке производства танков, стратегических ракет, военных самолетов, боевых машин пехоты, реактивных систем залпового огня и т. д. При этом активно внушается мысль, что сокращение военного производства позволит «развязать» нам узкие места нашей экономики. Немалую эйфорию в обществе вызвало сделанное летом 1989 года заявление зампреда Совета Министров СССР тов. П. С. Белоусова, что оборонный потенциал будет подключен, как он выразился, к лечению десяти болевых точек (сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, экология и т. д.). Возникло уже в который раз вера в «чудо». Но сегодня становится все более очевидным, что так называемая «конверсия» — это еще одна непродуманная кампания, очень папахивающая волюнтаризмом застойных времен. Н. Михайлов, доктор экономических наук, председатель Союза государственных научных и производственных предприятий Москвы, генеральный директор ЦНПО «Вымпел», выразился следующим образом по данному поводу: «Нынешняя «госзаказовская», а по сути дела, стихийная конверсия рано или поздно заведет нас в никуда» («Рабочая трибуна», 16.03.90). Достаточно сказать, что конверсия потребует достаточно серьезной реконструкции многих оборонных предприятий, для чего в XIII пятилетке запланированы капитальные вложения в размере нескольких миллиардов рублей. Однако реальная отдача от этих

инвестиций в лучшем случае будет иметь место за пределами следующей пятилетки. По оценкам Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР, конверсия в ближайшие годы снизит темпы роста национального дохода страны на полпроцентных пунктах. Так стоит ли нам идти в момент крайнего обострения наших социально-экономических болезней (а именно так оценивают ситуацию в стране многие специалисты) на их еще большее обострение?

Надо иметь в виду и то, что непродуманный поспешный перевод предприятий «оборонки» с производства сложной наукоемкой продукции на выпуск примитивного ширпотреба может резко снизить «планку» требований как к научным исследованиям и разработкам, так и к качеству производимой продукции. При всей изолированности нашей экономики от мирового хозяйства оборонная промышленность страны постоянно чувствовала «дыхание» конкуренции Запада: мы не могли иметь военный потенциал ниже, чем у стран НАТО. Ощущалась конкуренция и в результате постоянного присутствия нашей «оборонки» на мировом рынке вооружений; между прочим, она в отличие от многих других отраслей намного сильнее оказалась «завязанной» на международный рынок. По данным СИПРИ, в 1986 году на экспорт шло 17,5% всей продукции советского оборонного комплекса (между тем в США, например, аналогичный показатель составил лишь 5,9%). Пусть и дорогой ценой, но нам удавалось создавать системы вооружений, не уступающие лучшим западным образцам и даже превосходящие их. Переход «оборонки» на выпуск потребительских товаров, когда ни предложи, поставит ее в условия бесконкурентности и вызовет, выражаясь словами В. И. Ленина, «технический застой и загнивание».

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в военно-промышленном комплексе страны за послевоенные десятилетия сформировалась своеобразная «элита» ученых, инженеров, техников, квалифицированных рабочих. В последнее время персонал военных предприятий фактически лишился материальных и социальных преимуществ по сравнению с «гражданкой», что грозит развалом сложившегося интеллектуального и творческого потенциала «оборонки». Вступают в действие негативные факторы и морального порядка. Люди, еще вчера гордившиеся, что находятся на переднем крае научно-

технического прогресса, сегодня, когда им предлагают производить детские коляски, стиральные машины и даже кастрюли, начинают чувствовать себя «не в своей тарелке». Потихоньку специалисты разбредаются по кооперативам, наиболее «удачливые» устраиваются в совместные предприятия, иные начинают подумывать о заграничном «рае». На глазах распадаются способные решать сложнейшие задачи коллективы, а значит, происходит развал национального научно-технического потенциала.

Одним словом, нынешняя кампания конверсии напоминает «классическую» ситуацию (вспомним кукурузу, борьбу с пьянством и т. п.), когда мы спешим отрезать, не отмерив даже одного раза.

Не стоит ли все-таки просчитать альтернативные варианты? Если в свете новых политических реалий действительно возникает потребность сократить поставки военной техники нашим Вооруженным Силам, может, есть смысл ставшую излишней продукцию «оборонки» направить на внешний рынок? Таким образом мы смогли бы заработать дополнительное количество валюты и закупить за рубежом столь необходимый ширпотреб.

Такой вариант решения проблемы диктуется не только чисто экономическими, но и военно-стратегическими соображениями. Разрядка разрядкой, разоружение разоружением, но нельзя и бдительность терять. Если хотите, между СССР и США необходим не только военно-стратегический паритет, но и паритет бдительности. А в этом вопросе США и другие страны НАТО сегодня явно нас опережают. Что я имею в виду? Военная промышленность Запада всегда имела и продолжает иметь значительные резервы свободных мощностей и законсервированных предприятий, которые могут быть задействованы в любой чрезвычайный момент. Наша же «оборонка» всегда работала на пределе возможного (и даже невозможного). Нам следует придерживаться паритета с Западом не только в области вооружений и вооруженных сил, но и военно-экономических потенциалов. Следовательно, нам нельзя уничтожать высвобождающиеся мощности «оборонки», перепрофилируя их на производство кастрюль. А чтобы они не простаивали, работали на нас с вами, им надо придать экспортную ориентацию.

Пересмотр советской оборонной доктрины ведет не только к сокращению закупок военной техники, но и достаточно внезапному появлению в наших Вооруженных

Силах больших излишков разнообразного оружия и другого имущества.

Еще в декабре 1988 года М. С. Горбачев на сессии Генеральной Ассамблеи ООН объявил о сокращении численности наших Вооруженных Сил и вооружений. В частности, число наших танков сокращается на 10 тысяч, артиллерийских систем — на 8,5 тысячи, самолетов — на 800. Выводятся наши войска и военная техника из стран Восточной Европы. Часть из возникших излишков военного имущества — товары так называемого «двойного назначения» (автомобили, средства связи, навигационная аппаратура и т. д.). В настоящее время организуются ярмарки, аукционы и распродажи подобного имущества для советских государственных предприятий и кооперативов. Думаю, что на них могли бы пригласить и иностранных покупателей и попытаться получить от подобных распродаж не только рубли, но и иностранную валюту.

А как быть с техникой чисто военного назначения? Насколько известно, ее пытаются максимально «раздеть» (снять с нее все, что «пригодится в хозяйстве»), а оставшееся «железо» идет в переплавку или под пресс. Думаю, что такую технику намного рациональнее было бы продавать развивающимся странам — даже за полцены. Интересно, что такой вариант решения проблемы излишнего советского оружия уже «просчитывают» на Западе. Так, Рональд Леман, глава Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению, выражает опасения, что сокращаемые в массовом порядке вооружения Советского Союза и Варшавского блока в конечном счете могут оказаться не под прессами и в переплавке, а на мировом рынке. Думаю, что ничего предосудительного в продаже излишней военной техники — если только она не ограничивается или запрещается международными соглашениями — нет. Кстати, США и некоторые другие страны НАТО еще с времен окончания второй мировой войны широко практикуют продажу за рубеж снимаемой с вооружения боевой техники и другого военного имущества.

«ОБОРОНКА» ДОЛЖНА ЗАРАБАТЫВАТЬ ВАЛЮТУ

Задача сохранения, а тем более расширения присутствия на международном рынке вооружений весьма непростая. Если раньше конкуренция на рынке воору-

жений была в основном ценовой и нам благодаря низким (нередко откровенно демпинговым) ценам и выгодным для покупателей условиям расчетов удавалось занимать на нем ведущие позиции, то сегодня ситуация заметно изменилась. Даже иные развивающиеся страны хотят иметь ныне самое технически совершенное вооружение. Сегодня реактивные боевые самолеты в «третьем мире» уже не роскошь. Увеличивается спрос на ракетную технику. Сможем ли мы удовлетворять возросшие потребности мирового рынка? Думаю, что да. Учитывая сохраняющийся пока еще высокий научно-технический уровень многих отечественных военных производств. Так, еще в 1963 году мы смогли создать лучший в мире и совершенно оригинальный ПТУРС «Малютка». И до сего дня, по мнению конструктора военной техники члена-корреспондента АН СССР С. П. Непобедимого, никому не удалось превзойти советские противотанковые системы. За счет поставок систем «Малютка» и других ПТУРСов мы получали и продолжаем получать ощутимые валютные поступления. А вот мнение председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности В. Л. Лапыгина: «В определенных видах вооружений мы выступали с ними (американцами. — В. К.) на равных, а в чем-то даже и превосходили, если говорить о некоторых видах обычных вооружений и тяжелых межконтинентальных баллистических ракетах» («Советская Россия», 6.03.90).

Советский Союз до последнего времени, к сожалению, проявлял медлительность и неповоротливость при принятии решений о продажах новых видов оружия. Таковые до недавнего времени могли направляться лишь в страны, входящие в организацию Варшавского Договора, а также в некоторые другие социалистические государства. Так, во второй половине 80-х годов в КНДР для укрепления противовоздушной обороны были поставлены истребители МИГ-29, СУ-25, ракеты «земля — воздух», «воздух — воздух», мобильные зенитные установки и т. д. Лишь недавно сравнительно новое оружие стало поставляться в некоторые развивающиеся страны. Так, Индии, Ираку, Сирии были проданы истребители МИГ-29. Но это произошло уже после того, как на мировом рынке стали продаваться самолеты с аналогичными или даже более высокими тактико-техническими характеристиками американского и фран-

цузского производства. Более того, как отмечалось в одной из публикаций СИПРИ, в 1988 году «этот самолет представляет собой исключение в советском экспорте оружия».

Укреплению наших позиций на мировом рынке должен способствовать лишь сейчас начавшийся процесс рассекретивания техники, сложных видов продукции нашей «оборонки» и снятия запретов и ограничений на продажу этой продукции за рубеж. Возьмем к примеру производство авиационных двигателей. Выпуск этой технически сложной продукции налажен всего в четырех странах — США, Англии, Франции и СССР, и спрос на нее на мировом рынке чрезвычайно велик. В марте 1990 года в Москве проходила выставка «Авиадвигателестроение-90», которую вполне можно было бы назвать «Секрет-90». Впервые НИИ, КБ, заводы, прежде наглухо закрытые от посторонних глаз, демонстрировали широкой публике, в том числе иностранной, свой научно-технический потенциал в области создания авиационных двигателей. На выставке экспонировался авиадвигатель Д-18Т от самых крупных советских самолетов «Руслан» и «Мрия», экономичный и малозумный ПС-90 от перспективных лайнеров Ил-96-300 и Ту-204. Была и техника чисто военного назначения, скажем, двигатель АЛ-31Ф от лучшего в мире истребителя СУ-27 и т. д. На выставке завязались контакты с иностранными фирмами, которые в дальнейшем могут привести к крупным коммерческим сделкам. А эффект их может быть чрезвычайно высоким. Так, внешнеторговая цена двигателя Д-18Т, производимого запорожским ПО «Мотостроитель», — 5 млн. долларов. Реализация 200 таких двигателей дала бы нашей стране 1 млрд. долларов, на которые можно приобрести товаров народного потребления на сумму как минимум в 10 млрд. рублей (во внутренних розничных ценах).

С большим успехом в последнее время прошло участие СССР в ряде международных выставок военной техники за рубежом: скажем, в выставке «Оборона Азии — 90», которая состоялась в Малайзии в начале 1990 года. Ряд образцов новейшей боевой техники в малайзийской столице был выставлен нами для всеобщего обозрения впервые. В их числе — дальнобойные реактивные системы залпового огня «Ураган» и «Смерч», стрелковое оружие калибра 5,45 мм, танковый управляемый снаряд, двухзвенный транспортер ДТ-30П. Второй

раз после выставки в Париже был продемонстрирован боевой вертолет МИ-28. Помимо предложений от ряда зарубежных фирм и организаций о приобретении военной техники, демонстрировавшейся нами в Куала-Лумпуре, были также предложения о создании совместных производств для конверсии вооружений в гражданскую технику. Одна из западных фирм интересовалась, в частности, возможностью переоборудования для пассажирских перевозок советских военных вертолетов. Немалый интерес в странах Юго-Восточной Азии вызвал транспортер ДТ-30П, который может с грузом в 30 тонн преодолевать непроходимые болота и реки. После незначительных изменений в конструкции он мог бы быть использован для перевозок в тропических джунглях.

Изыскивая дополнительные резервы военного экспорта, повышая валютную отдачу нашего военно-технического потенциала, важно не впасть в крайность. Я имею в виду, что существуют определенные пределы раскрытия наших научно-технических секретов в военной области, нельзя допустить за счет продаж нашей техники усиления военного потенциала США и стран НАТО и т. д. А опасность возникновения таких крайностей, потери с нашей стороны чувства реальности, к сожалению, существует. О той ненормальной ситуации, которая начала складываться у нас в последнее время в оборонном комплексе, достаточно исчерпывающе сказал член-корреспондент АН СССР С. П. Непобедимый: «Мы сейчас просто упиваемся свободой слова и самовыражения, открывая и раскрывая все, что только возможно, а в США идет обратный процесс. Военно-промышленный комплекс максимально закрывает доступ к новейшим технологическим разработкам, режим секретности на оборонных предприятиях усиливается, особенно там, где ведутся поисковые работы новейших средств ведения войны» («Советская Россия», 2.03.90). Думаю, что и в условиях перестройки и расширения инициативы предприятий и НИИ всякого рода «оборонки» по-настоящему самостоятельные решения «оборонки» о выходе на внешний рынок недопустимы. Вопрос о возможности продажи той или иной продукции и тем более перспективных разработок за рубеж каждый раз должен тщательно взвешиваться и согласовываться с военно-промышленной комиссией Совета Министров СССР.

Необходимость эффективного контроля над военными поставками за рубеж тем более стала очевидной пос-

ле получившей широкий резонанс «танковой аферы». Напомним, что в прошлом году государственно-кооперативный концерн АНТ пытался «протолкнуть» за границу через Новороссийский порт 12 новейших танков Т-72 с полным боевым вооружением. Поставка буквально сорвалась благодаря бдительности наших чекистов. Предварительное расследование показало, что предприимчивые дельцы планировали сбыть через Новороссийский порт около 2000 единиц боевой техники на ходу! Руководитель концерна В. Ряшенцев признался также, что они намеревались продавать за рубеж самолеты МИГ-29. Каким образом возникла ситуация, когда танки, впервые в истории нашей оборонной промышленности, были вывезены за ворота военного завода неизвестно куда? Эта история до сих пор окончательно не выяснена и не получила должной оценки ни Верховным Советом страны, ни Прокуратурой СССР, ни другими компетентными органами. Советским людям совершенно безразлично, в чьих руках окажется наше оружие и против кого оно может быть направлено. Определенная обеспокоенность возникла и за рубежом: там совсем не хотят, чтобы сокращаемая или «сверхплановая» советская военная техника оказалась в руках сомнительных дельцов, готовых продавать ее куда угодно и кому угодно. Согласно оценкам СИПРИ сегодня нелегальный бизнес (так называемый «черный» и «серый» рынки) составляет от 5 до 10% общего объема мировой торговли оружием. Существуют небезосновательные опасения, как бы нелегальный международный военный бизнес не увеличился за счет бесконтрольного экспорта оружия из СССР.

К сожалению, вопросы советского военного экспорта и военной помощи ни на съездах народных депутатов, ни на сессиях Верховного Совета до сих пор специально не обсуждались. Вместе с тем существует настоятельная потребность в скорейшей разработке закона, регламентирующего поставки оружия за рубеж. До сих пор, к сожалению, эти поставки находятся во власти заинтересованных ведомств. Министру обороны СССР Д. Т. Язову был задан вопрос: «Кто контролирует продажу оружия за рубеж? Не должен ли это делать Верховный Совет?» Ответ был следующий: «Продажей оружия за рубеж занимается МВЭС по соглашению с Министерством обороны и МИД». Думаю, что крупные сделки и межгосударственные соглашения о военных по-

ставках в обязательном порядке должны обсуждаться в Комитете Верховного Совета СССР по обороне и государственной безопасности и выноситься на окончательное обсуждение всех народных депутатов СССР. При этом безусловно должны учитываться все факторы и обстоятельства: коммерческие, политические, военно-стратегические, научно-технические (балансы сил в тех или иных регионах, политическая и социальная обстановка в стране-получательнице, ее платежеспособность, наличие или отсутствие эмбарго со стороны ООН и других международных организаций, уровень технической новизны продаваемого оружия и т. д.).

И еще одно важное замечание. Судя по высказываниям советских и западных специалистов, экспорт оружия способен с лихвой обеспечить нашей оборонной промышленности полную валютную самокупаемость. Однако, сколько бы наши оборонные предприятия ни зарабатывали валюты, она в виде «разверстки» попадает в централизованные государственные фонды. В условиях провозглашения конверсии «оборонки» такая ситуация становится просто нетерпимой. На февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС министр оборонной промышленности Б. М. Белоусов поставил вопрос о сохранении за военными предприятиями хотя бы части зарабатываемой ими валюты. Без этого конверсия военного производства, требующая крупных закупок по импорту оборудования и материалов, останется не более чем лозунгом. Без этого, полагаю, невозможна и конверсия военного экспорта (которая, безусловно, должна предусматриваться в долгосрочной перспективе нашего социально-экономического развития).

Осознание нами экономической и политической пагубности сырьевой специализации в мировом хозяйстве подтолкнуло нас во второй половине 80-х годов к принятию **Программы развития экспортной базы страны**. Основной ее замысел — приоритетное развитие отечественного машиностроения, выведение его на передовые научно-технические рубежи. Сама по себе идея верная. Но надо иметь в виду, что с момента принятия программы до реальной отдачи от нее даже при самом благоприятном стечении обстоятельств — дистанция совсем немалого размера. Достаточно отметить, что нормативный срок окупаемости капитальных вложений в машиностроении составляет в среднем 8—9 лет (а фактически он до сих пор оказывался вдвое большим). Так что при самом оптимистическом раскладе пожинать валютные плоды от принятой Программы развития экспортной базы СССР мы сможем, наверное, в следующем веке.

Мы принимаем программы, а жизнь тем временем не стоит на месте. Внешнеэкономическое положение страны с каждым месяцем продолжает все более ухудшаться. На фоне значительного роста мировой торговли в 1989 году экспортные доходы СССР, по данным ГАТТ, снизились на 2% («Известия», 22.03.90). Валютная задолженность страны сохраняет тенденцию к росту. На конец 1989 года она достигла 56 млрд. долларов. Валюты не хватает для затыкания даже самых опасных «дыр» в нашей разбалансированной экономике, для заличивания самых кровоточащих социальных проблем. Наконец, для уплаты долгов и процентов по ним, на это сегодня уходит уже 25—30% экспортной выручки. «Где взять валюту?» — этот вопрос не раз звучал с трибуны

II Съезда народных депутатов СССР, проходившего в декабре 1989 года. Выступая на этом съезде, Н. И. Рыжков, в частности, сказал: «Ключевой задачей оздоровления валютного положения страны является преодоление сырьевой направленности экспорта. Необходимо резко активизировать работу по широкому внедрению новых технологических процессов, глубокой переработке сырья и полуфабрикатов в топливных, металлургических и лесодобывающих отраслях, и прежде всего в таких перспективных для этой работы регионах, как Западная Сибирь, Западный Казахстан и Дальний Восток». В принципе, со всем сказанным можно было бы согласиться, если бы это не было названо одной из мер по оздоровлению экономики в... 1990—1992 годах. Думаю, что указанные меры, если они будут приняты в полном объеме, способны в ближайшие два года не поставить экономику на ноги, а окончательно загнать ее в гроб. Ведь что конкретно понимается под «работой по глубокой переработке сырья и полуфабрикатов»? Прежде всего строительство множества химических заводов, комплексов по переработке углеводородного сырья в Тюменской области, о которых шла речь выше и т. д., на что потребуются десятки, а может быть, сотни миллиардов рублей, в том числе часть в валюте.

Громадные инвестиции запланированы и в других отраслях экономики. Несмотря на самую острую критику, Минводхоз (ныне Минводстрой) по-прежнему планирует зарывать в землю миллиарды народных денег. Прошло уже четыре съезда народных депутатов СССР, принята масса многообещающих законов, а в стране по-прежнему бросаются миллиарды рублей на «укрепление» экспортной базы в топливно-энергетическом комплексе и добыче сырья. А вот последний пример нашей инвестиционной расточительности. Только что разработана «Схема развития и размещения черной металлургии на период до 2000 года». Эта и подобные «схемы», по сути дела, перечеркивают принятую программу экономического и валютного оздоровления страны на ближайшие годы. Судите сами. И сегодня мы почти вдвое больше производим металла, чем США, а на девятые годы в черной металлургии предполагается выделять в виде капиталовложений ежегодно почти по 7 млрд. рублей в год — больше, чем в текущей пятилетке («Правда», 2. 04.90). Напомню, что в 1985—1988 годах для отрасли было закуплено импортного оборудования на 3,2 млрд.

инвалютных рублей. Можно предполагать, что для финансирования капиталовложений в черной металлургии в следующей пятилетке без валюты тоже никак не обойтись и потребности в ней будут измеряться не одним миллиардом.

Итак, с повестки дня не снимается, а, наоборот, все острее встает задача радикальной структурной перестройки экономики, причем такой, которая смогла бы развязать тугой узел наших валютно-финансовых дефицитов. Иначе говоря, структурная перестройка должна ориентироваться на внешние рынки. При этом она должна отвечать ряду критериев и требований. Прежде всего следующих:

а) ориентация на перспективные рынки и сектора мирового хозяйства, то есть те, которые в ближайшие годы и десятилетия обещают повышенный спрос, благоприятную конъюнктуру;

б) быстрая валютная окупаемость инвестиций в экспортные производства (по крайней мере на нынешнем этапе нашего экономического развития, отличающемся особой остротой валютно-финансовых проблем);

в) минимальная потребность в валютных затратах на развитие экспортной базы (минимум «пусковых» затрат в свободно конвертируемой валюте);

г) недопустимость возникновения технологической и иной форм зависимости нашей экономики от Запада;

д) обеспечение сохранности наших природных ресурсов, недопустимость возникновения угрозы для окружающей среды и здоровья людей.

Этим требованиям, а стало быть, и интересам СССР, в той или иной мере удовлетворяет ряд форм и направлений внешнеэкономической деятельности. В том числе такая форма, как международный туризм. Рассмотрим подробнее этот вариант развязывания наших тугих валютно-финансовых узлов.

«ЗОЛОТОЕ ДНО»

Международный туризм — одна из форм «невидимой» торговли (т. е. торговли услугами) между государствами. Сегодня это чрезвычайно динамичный сектор мирового хозяйства. Доля туризма в мировой торговле услугами (составляющей ныне более одного триллиона долларов) достигает 30%. Международный туризм вышел уже на третье место в мировой торговле — после

нефти и автомобилей. Согласно прогнозам, темпы прироста международной торговли туристскими услугами в ближайшее десятилетие будут составлять 4% в год, и к 2000 году туризм выйдет на первое место среди всех товаров и услуг, обращающихся на мировом рынке. Здравый смысл подсказывает, что ставку в нашей экспортной стратегии следует сделать не на какой-нибудь полипропилен с его неопределенным будущим и тем более не на нефть (спрос на которую может даже абсолютно упасть ввиду структурной и технологической перестройки западных экономик), а на туристические услуги, которые в обозримой перспективе будут в хорошей цене.

Важный аргумент в пользу развития международного туризма — высокие темпы оборачиваемости капитала, быстрая (как правило, в течение 2—4 лет) окупаемость первоначальных инвестиций в туристический бизнес. Именно поэтому многие страны, находившиеся или находящиеся в тяжелом валютно-финансовом положении, делали и делают ставку на туризм как то звено экономики, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь экономических проблем. Сегодня становится особенно очевидной несостоятельность наших прежних «рецептов» развивающимся странам обязательно начинать свое «экономическое возрождение» с индустриализации, причем непременно с тяжелой промышленности. Следование таким «рецептам» «замораживало» и без того ограниченные ресурсы развивающихся стран в долгосрочных «индустриальных гигантов» и делало еще более бедственным их экономическое положение.

Материально-техническая база развития туристского бизнеса — гостиницы, рестораны, магазины, транспортные средства, культурные и развлекательные центры и т. д. Конечно, в туристском бизнесе могут применяться и последние достижения техники — различные электронные системы управления гостиничным хозяйством, оргтехника, телефаксная связь и т. д. Но в целом не они определяют лицо туристского бизнеса, а отрасль даже с натяжками нельзя отнести к разряду наукоемких. Это обстоятельство особенно важно для многих освободившихся стран, которые лишены доступа к передовым технологиям или не имеют финансовых и иных ресурсов для их приобретения. Развитие туризма практически исключает также возможность усиления зависимости освободившейся страны от Запада по линии «тех-

нологического колониализма». В этой связи уместно вспомнить Кубу: после победы революции в этой стране, несмотря на все экономические санкции США, гостиничное хозяйство, созданное еще во времена Батисты, продолжало функционировать и приносить немалые валютные доходы. Итак, еще одним аргументом в пользу ускоренного развития туристского бизнеса в нашей стране является то, что эта форма мирохозяйственных связей отвечает критериям экономической безопасности государства.

Целый ряд стран проводит целенаправленную структурную политику, перераспределяя средства в пользу ускоренного развития туристского бизнеса и сворачивая «традиционные» отрасли экономики. Соотношение мировых цен таково, что выгоднее зарабатывать валюту на туристических услугах и импортировать недостающие товары. На доход в валюте от приема одного туриста сегодня можно купить в среднем полторы тонны высококачественной пшеницы, или три тонны нефти, или персональный компьютер.

Мало того, что туристский бизнес улучшает финансовое и валютное положение страны, он стимулирует развитие смежных отраслей экономики (строительство, дорожное хозяйство, торговля и т. д.), увеличивает общую занятость и т. д. Так, в Мексике туризму своей занятостью обязан каждый двенадцатый работающий. Благоприятное влияние туризма на занятость объясняется достаточно высокой трудоемкостью предоставляемых услуг. Это, кстати, надо иметь в виду и нам, поскольку, по данным Госкомтруда СССР, у нас уже сегодня насчитывается около 4 млн. «скрытых» безработных («Аргументы и факты», 1990, № 13).

Отмеченные выше и некоторые другие достоинства индустрии туристских услуг предопределили, что сегодня эта отрасль заняла доминирующие позиции в экономике многих стран — как развивающихся, так и промышленно развитых. По опубликованным недавно данным, в 1995 году иностранный туризм принесет странам ЕЭС 380 млрд. долларов. В Португалии доходы от туризма составляют 8,2% валового национального продукта, в Испании — 8,6% («Рабочая трибуна», 31.03.90). Только за один 1988 год Испания заработала на туристском бизнесе 17 млрд. долларов — больше, чем Советский Союз от экспорта нефти (в 1988 году СССР вывез за рубеж 144 млн. т сырой нефти). Канада получает

от туризма больший доход, чем от экспорта пшеницы, Франция — чем от экспорта автомобилей. В таких странах АСЕАН, как Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, туризм занимает первое место среди источников валюты. Мальта за счет туризма имеет 40% поступающей в страну валюты, Китай — 25% и т. д.

Как же на фоне других стран выглядит развитие международного туризма в СССР? Ответить на этот вопрос не так-то просто, поскольку в статистических сборниках «Народное хозяйство СССР», «Внешнеэкономические связи СССР» никакой информации на этот счет не содержится. Мои обращения к работникам Госкоминтуриста ни к чему не привели: статистика наших валютных поступлений от туризма засекречена не меньше, чем данные по экспорту оружия или золота. И лишь по отдельным обрывочным данным, встречающимся в отечественной и зарубежной прессе, можно составить приблизительное представление о роли и месте международного туризма во внешнеэкономической деятельности СССР. Так, в еженедельнике «Аргументы и факты» (№ 4, 1990 г.) народные депутаты СССР Н. Энгвер и В. Булатов отмечают, что доходы Интуриста с 1985 по 1989 год выросли в 1,5 раза и за это время они составили 2343 млн. долларов. В расчете на год это равняется в среднем примерно 0,5 млрд. долларов. Для сравнения отмечу, что в 1989 году, по данным ГАТТ (организации Генеральное соглашение по тарифам и торговле), товарный экспорт СССР составил 108,3 млрд. долларов («Известия», 22.03.90). Только золота Советский Союз, по западным источникам, продает ежегодно на 2,5—3,5 миллиарда долларов («Известия», 24.10.89). Одним словом, удельный вес доходов от иностранного туризма во всех валютных поступлениях СССР исчисляется жалкими долями процента.

Сравнение СССР с другими странами по показателям развития международного туризма может вызывать разве что удивление, обиду и стыд. А между тем у нас имеются все предпосылки для того, чтобы иметь титул «великой туристской державы», стать своего рода местом паломничества для любителей впечатлений и путешествий со всего мира. Этому способствует и начавшаяся в стране перестройка, которая резко повысила интерес мировой общественности к Советскому Союзу. Все большее число иностранцев изъявляет желание соб-

ственными глазами увидеть нашу страну: их число сегодня оценивается уже в 200 млн. человек.

Помимо политических, имеются благоприятные историко-культурные и природные предпосылки для развития международного туризма в СССР. Исторические памятники древнерусских городов, Самарканда и Бухары, Эрмитаж и Русский музей приобретают все большую ценность в глазах мировой общественности.

Надо учитывать и то, что страна располагает громадным потенциалом рекреационных ресурсов. Территории, которые могут быть использованы для рекреационных (т. е. восстановительно-оздоровительных) целей, составляют, по оценкам советских ученых, треть площади страны. В то же время на начало 80-х годов было освоено только 0,25% рекреационных площадей, или 0,08% территории страны. Среди видов рекреационных ресурсов особое значение принадлежит лечебно-рекреационным, оказывающим наибольший оздоровительный эффект на человека. Уже разведано свыше 6 тысяч источников минеральных вод, около 700 месторождений лечебных грязей и более 500 местностей с благоприятными условиями для лечения и отдыха населения. Однако из суммарных запасов разведанных месторождений лечебных минеральных вод и грязей используется менее 8%.

Часто говорят, что Советский Союз плохо реализует свой экономический потенциал на внешнем рынке. Действительно, при доле СССР в мировом промышленном производстве, равном 20% (наши официальные данные), его удельный вес в мировом товарном экспорте составляет всего 3,5% (данные ГАТТ). Но еще в меньшей степени Советский Союз реализует свои возможности на мировом рынке туристских услуг: здесь его присутствие можно увидеть разве что в микроскоп, так как оно измеряется десятками и сотыми долями процента.

Советский Союз, занимающий одну шестую территории Земли, имеет сегодня доходы от иностранного туризма примерно вдвое меньше, чем крошечный Сингапур, который и не на всякой-то карте разглядишь. Парадокс. Неужели мы настолько ленивы и глупы, что не можем взять валюту, которая буквально находится у нас под ногами? От таких парадоксов надо избавляться как можно быстрее.

ТУРИЗМ НА ВЕСАХ ЭКОЛОГИИ

Один из главных аргументов в пользу развития туризма — то, что во всем мире он признан экологически чистой отраслью экономики. Принято говорить, что иностранцы ввозят в страну валюту, а вывозят впечатления, и в отличие от экспорта нефти или газа туризм является неиссякаемым источником валюты. Действительно, туристский бизнес базируется на использовании воспроизводимых ресурсов — водных, воздушных, лесных, биологических, не предполагающих, как правило, сколь-нибудь крупных их изъятий из естественного оборота.

Вместе с тем существует и иная точка зрения: туристский бизнес может навредить природной среде. В некоторых районах страны «зеленые» выступают против реализации предлагаемых туристских проектов. Будучи сам по убеждению «зеленым», считаю, что подобные выступления неконструктивны. Полагаю, что нашим экономистам всю свою энергию надо направлять против реализации природоразрушающих промышленных или энергетических проектов, предлагая в качестве альтернативы как раз развитие туризма. Скажем, ни в коем случае нельзя допустить строительство на Алтае Катунской ГРЭС, которое уничтожит уникальнейший по флоре, фауне, климату уголок природы. Тот самый островок неповторимой природы, который мог бы быть использован для развития национального и международного туризма, строительства лечебных курортов, организованной охоты и т. д.

Конечно, я не утверждаю, что развитие туризма само по себе гарантирует сохранение природы. Конечно же, не гарантирует. Достаточно вспомнить хотя бы те удручающие следы варварства и вандализма, которые оставляют после себя организованные и неорганизованные туристы в лесах, на пляжах, в зонах отдыха.

Все зависит от того, как поставить дело. Возьмем в качестве примера хотя бы ту же Испанию. Ее территория в десятки раз меньше, чем у Советского Союза. В то же время при населении 40 млн. человек она умудрилась в 1988 году принять 53 млн. иностранных туристов. Можно представить, какая высокая нагрузка туристического бизнеса в этой пиренейской стране в расчете на единицу площади. И тем не менее экологическая ситуация в Испании по крайней мере не хуже, чем в

СССР. Более того, если морские курорты в Испании работают бесперебойно, то у нас в последние годы из-за сильного загрязнения прибрежных вод все чаще закрываются для купания пляжи на Кавказе, в Крыму, Юрмале, на Азовском море. Кстати, недавно французский еженедельник «Пуэн» провел анкетирование с целью выяснения одного вопроса: в каких городах Европы живет лучше? В список 50 «лучших» городов вошли такие испанские города, как Барселона, Сарагоса, Мадрид, Валенсия. К сожалению, ни одного советского города в этом перечне не оказалось.

Достаточно очевидно, что степень и характер влияния туристического бизнеса на природную среду прежде всего зависит от приоритета экологических целей и программ в социально-экономическом развитии общества. Туристическая деятельность может осуществляться в гармонии с окружающей природой лишь при высокой общей экологической культуре, достаточной развитости экологического законодательства и природоохранного дела в стране. О том, что у нас «не все в порядке» в этой области, свидетельствует хотя бы то, что, по данным Госкомприроды СССР, в 1988 году в 68 городах СССР загрязненность атмосферного воздуха в несколько раз превышала предельно допустимые концентрации. В 1988 году СССР расходовал на охрану окружающей среды 10 млрд. рублей, в то время как США — 80 млрд. долларов.

Помимо поднятия общего уровня природоохранного дела в стране, следует учесть ряд специфических моментов, имеющих непосредственное отношение к туризму.

Во-первых, все проекты туристско-курортного бизнеса должны в обязательном порядке проходить вневедомственную экологическую экспертизу. У нас же до сих пор даже не все крупные промышленные объекты подвергаются такой экспертизе, а если она все-таки осуществляется, то зачастую бывает формальной, ее выводы подгоняются под желаемые ведомствам результаты. Развитие туризма влечет за собой создание таких объектов инфраструктуры, как дороги, аэропорты, вокзалы и т. д. Они также должны самым тщательным образом оцениваться с точки зрения их влияния на среду.

Во-вторых, при планировании туристского бизнеса его центры следует более или менее равномерно рассредоточивать по всей стране. Необходимо ограничить (а может быть, полностью запретить) строительство новых

курортов (допуская только реконструкцию существующих) в «традиционных» центрах туризма — таких, как, скажем, южный Крым. Новые мощности туристского бизнеса создавать прежде всего в слабо освоенных регионах — на севере европейской части СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке и т. д.

В-третьих, нам надо незамедлительно начать отвод территорий под национальные парки. Во многих странах мира они являются самой распространенной формой охраны природы, учитывающей интересы местного населения и развитие туризма. Обеспечивая целостность природных систем, национальные парки в то же время обеспечивают важную статью доходов от туризма в экономике как развитых, так и развивающихся стран. Взять, к примеру, Латинскую Америку. В 17 государствах этого региона они занимают свыше 185 тысяч кв. км. В некоторых из этих стран они составляют до 10% территории. Еще более развита система национальных парков в Европе и Северной Америке. Вспомним хотя бы знаменитый Йелстоунский национальный парк в США. И только Советскому Союзу, занимающему $\frac{1}{6}$ территории Земли, национальные парки мало известны. Их у нас по числу и площади меньше, чем в одной только Норвегии, где под национальные парки отведено 6% территории страны.

В-четвертых, до сих пор основная часть доходов от туристической деятельности изымается в бюджеты Союза и республик. Скажем, из валютных поступлений Интуриста 50% идет в госбюджет, 10% — республикам. Было бы справедливее и рациональнее отдавать основную часть денег не «на верх», а в бюджет конкретного города, туристского центра, то есть тем, кто их своим трудом зарабатывает. У городских властей туристских центров появятся финансовые средства, которые они, помимо всего прочего, могли бы тратить на природоохранные и природовосстановительные мероприятия.

В целом же можно сказать, что скорее не туристский бизнес может стать препятствием для стабилизации и улучшения экологической ситуации в стране, сколько, наоборот, продолжающаяся деградация природной среды может серьезно осложнить перспективы развития туризма (в том числе иностранного) в нашей стране. Продолжающееся, несмотря на все партийно-правительственные заклинания, экстенсивное развитие экономики ведет к втягиванию в хозяйственный оборот все боль-

ших количеств природных ресурсов, все большим нарушением экологического равновесия, все большим загрязнением водных ресурсов, почв, атмосферы. Взять, к примеру, моря, на базе которых у нас развивается основная часть курортного хозяйства. Только в районе Батуми вследствие залповых сбросов нефтепродуктов из переполненных отстойников нефтеперерабатывающего завода среднегодовой уровень пленочного загрязнения Черного моря составил 115 кв. км. В районе сброса сточных вод из городских систем Одессы и Очакова концентрации синтетических поверхностно активных веществ превышали предельно допустимые концентрации (ПДК) в 10—32 раза, фенолов — в 30—52 раза и т. д. В курортной зоне Ялты концентрации синтетических поверхностно активных веществ в 1988 году превышали ПДК в 2 раза. Такая же, если не худшая, ситуация складывается и по другим морям — Азовскому, Балтийскому, Белому, Каспийскому и др.

В США и некоторых других странах Запада делался ряд оценок влияния загрязнения окружающей среды на состояние рекреационного бизнеса. Они показывают, что качество природной среды — важнейший фактор, определяющий уровень доходов индустрии отдыха и туризма. Если мы действительно хотим делать ставку на превращение СССР в туристскую державу, нам необходимо решительно взяться за оздоровление окружающей среды в стране. Сегодняшние миллиарды, вложенные в экологию, смогли бы обеспечить нам постоянный ежегодный приток доходов, измеряемый десятками миллиардов.

НУЖНЫ КОНКРЕТНЫЕ ШАГИ

Все работники Интуриста сходятся в том, что наиболее «узкое» место в развитии иностранного туризма в СССР — нехватка гостиниц. На одной из улиц Парижа больше отелей, чем во всей Москве. Интурист в столице располагает всего 9 тысячами мест. Для сравнения: Нью-Йорк представляет своим гостям более 200 тысяч мест, Париж — свыше 130 тысяч. В гостиницах Мексики в настоящее время насчитывается 310 тысяч номеров, и планируется построить дополнительно 100 тысяч. В Пекине за последние девять лет построили 116 гостиниц, а в ближайшие годы намечено возвести еще 200.

По данным Интуриста, из-за отсутствия гостиничных номеров и отказа в приеме иностранных гостей мы несем ежегодные убытки в 300—400 млн. долларов. Можно ли решить проблему гостиничного дефицита в стране в ближайшие годы? Возможности для этого есть. Во-первых, уже отмечалось, что туристским центрам и местным властям надо оставлять большую часть заработка на местах валютных доходов, что позволило бы им начать финансирование строительства новых гостиниц. Во-вторых, на развитие туристского бизнеса можно было бы направить часть сэкономленных бюджетных средств за счет «замораживания» и прекращения разного рода «строек века» и разорительных программ. Если бы на туризм было бы направлено хотя бы 10% из 130 млрд. рублей, выделенных в последние годы Минводхозу, мы могли бы преодолеть в основном гостиничный дефицит в стране. Думаю, что иностранный туризм — не та статья, за счет которой государству следует проводить экономию бюджетных средств. Так, правительство Мексики разработало программу строительства туристских гостиниц, на которую предполагает выделить 100 млрд. долларов. В-третьих, можно в развитии туристского бизнеса опираться и на совместное предпринимательство с участием фирм зарубежных стран, готовых участвовать (финансово и технически) в строительстве гостиниц на территории СССР. При этом возможны также варианты, когда иностранные участники СП осуществляли бы строительство гостиниц и других объектов туристической инфраструктуры в кредит, а погашались бы эти кредиты за счет валютных доходов, зарабатываемых в процессе совместной эксплуатации этих центров иностранного туризма. То есть для организации прибыльного бизнеса нам не потребуется ни копейки валюты. Первые, хотя и робкие шаги в области совместного предпринимательства стал наконец-то делать Интурист. Начало этому процессу было положено в 1987 году, когда ВАО Интурист и авиакомпания «Финнэйр» создали первое СП «Инфаотель», а первым проектом стала реконструкция московской гостиницы «Берлин», которой было возвращено ее изначальное название «Савой». На начало 1990 года было зарегистрировано уже около 20 СП Интуриста с зарубежными партнерами («Рабочая трибуна», 21.02.90).

О том, что совместное предпринимательство в области иностранного туризма может стать если не фонта-

ном, то по крайней мере мощным источником валюты для нас, говорят и многие зарубежные экономисты и бизнесмены. Так, президент научно-исследовательского института «Торэй» (Япония) Тадао Миримото считает, что иностранный туризм является наиболее перспективной сферой совместного предпринимательства в СССР, в равной мере выгодной как для советской, так и иностранной стороны (см.: «Международная жизнь», 1989, № 10, с. 99). В-четвертых, развитие иностранного туризма в СССР сегодня может осуществляться и помимо Интуриста, который до недавнего времени был монополистом на советском рынке туристских услуг, предоставляемых за валюту. Ныне любой хозяйствующий субъект (государственное предприятие, кооператив, совместное предприятие) может заниматься предоставлением туристских услуг иностранным гражданам. Скорее всего в Советском Союзе в ближайшие годы появится «малый туристский бизнес», основывающийся на использовании небольших гостиниц (до 100—150 мест). Строительство и крупных и малых гостиниц, равно как и других объектов туристской инфраструктуры, должно безусловно осуществляться с учетом международных стандартов, существующих в этой области. В этой связи возникает потребность приглашения в СССР иностранных фирм — либо в качестве партнеров по совместному предприятию, либо в качестве подрядчиков. В качестве примера фирмы-подрядчика можно назвать английскую «Уайзплэн». Эта фирма подписала ряд контрактов на строительство гостиниц в разных частях Советского Союза. Предварительно изготавливая в Великобритании основные элементы, фирма затем транспортирует их в СССР и монтирует непосредственно на строительной площадке. Все здания сдаются «под ключ» полностью подготовленными.

Думаю, что нашим строительным организациям надо скорее преодолевать сложившийся за годы застоя своеобразный «комплекс неполноценности», проявляющийся в неверии в свои силы. Необходимо добиваться увеличения доли участия советских строительных организаций в сооружении высококлассных гостиниц (равно как и других объектов) на территории СССР с участием иностранных организаций и фирм. Чтобы повысить заинтересованность советских организаций, им необходимо предусмотреть валютные отчисления от той части строительных работ, которую они берут на себя. Возможно

также и участие советских организаций в торгах наравне с иностранными фирмами в получении заказа на строительство гостиниц и других объектов туристского бизнеса.

Очень остро стоит вопрос о качестве предоставляемых иностранным туристам услуг. Пока что это качество, как известно, ниже всякой критики. Причин много: общий низкий культурный уровень в сфере услуг в Советском Союзе, отсутствие знаний, опыта, деловой хватки у занятых обслуживанием иностранных туристов и т. д. Не дал ощутимого эффекта и недавний перевод Интуриста на хозрасчет. В связи с этим западные компании и банки стали предлагать свои услуги по «вытягиванию» нашего Интуриста на мировой уровень. В частности, посетивший Советский Союз в конце 1989 года старший советник международного инвестиционного банка «Лазар фрэр» Даниэль Форд предложил взять в концессию на длительный срок часть или все 107 гостиниц Интуриста. При этом западные партнеры готовы выложить сразу же за эту концессию сотни миллионов долларов, так необходимых советской экономике. Кое у кого данный вариант решения проблем вызвал энтузиазм. На мой же взгляд, он, мягко выражаясь, является далеко не самым оптимальным. Конечно, в качестве эксперимента можно было бы подумать о сдаче в аренду (причем на ограниченный срок) иностранным компаниям нескольких (3—4) гостиниц и сделать их своего рода «эталоном», на примере которых могли бы учиться остальные работники нашего туристского комплекса. Что же следует сделать незамедлительно, так это сдать в аренду туристские гостиницы обслуживающим их трудовым коллективам. Юридическая основа для этого уже существует — принятый недавно Закон об аренде. При этом надо тщательно учитывать положительный и отрицательный опыт других стран. Скажем, в Болгарии на аренду до конца 1989 года было переведено более 900 объектов туризма. В договорах с арендаторами были заложены в основном прибыль, оплата аренды и другие финансовые моменты. Но внимания количеству, качеству услуг, санитарным показателям гостиниц, ресторанов и других объектов уделяли мало. Пошли серьезные нарушения. Теперь все контракты пересматриваются, и в них одним из важнейших условий становится качество обслуживания. В случае его нарушения лицензия может быть аннулирована. Улучшению качества обслу-

живания туристов могло бы также способствовать расширение сети учебных заведений и курсов по подготовке и повышению квалификации работников сферы туризма (в Сочи недавно открыт специальный вуз подобного профиля), направление сотрудников туристского бизнеса на стажировку за рубеж, приглашение в СССР для работы по контракту иностранных специалистов и т. д.

Большим вопросом является ценообразование в сфере иностранного туризма в СССР. Пока еще не разрушенная монополия Интуриста позволяет ему произвольно повышать цены за услуги, причем качество обслуживания, как правило, остается на том же (неприемлемо низком) уровне. Так, в начале 1990 года Ассоциация британских агентств путешествий заявила протест Интуристу по поводу того, что за 1989 год он повысил цены за турпоездки в СССР в среднем на 20 процентов, а в некоторых случаях и больше. Так, вдвое подскочили цены за обслуживание туристов в Ялте. Теперь обычный двухнедельный отдых даже без культурной программы там будет стоить 900 фунтов. А ведь никак нельзя сравнить отдых в Ялте хотя бы с отдыхом на греческом острове Корфу, стоимость которого не превышает 800 фунтов. Главное же, что от такого «ценообразования» страдаем в конечном счете и мы. Так, если в предыдущие годы в СССР ежегодно приезжало почти 80 тысяч британских туристов, то теперь, судя по всему, их число резко сократится. Сократятся и наши валютные доходы («Литературная газета», 1990, № 6, с. 9).

Сравнение туристского бизнеса в СССР с зарубежным показывает, что у нас не только низкое качество предоставляемых услуг, но и крайне ограничен сам набор этих услуг. Взять, к примеру, отдых туристов на побережье моря. У нас он в основном сводится к купанию. За рубежом же отдыхающему на пляже предоставляется богатейший комплекс услуг: водные лыжи, водные парашюты, акваланги, парусные и моторные яхты для прогулок, серфинг, ласты, надувные лодки, снасти для рыбной ловли; тут же идет торговля сувенирами, прохладительными напитками и т. д. По мнению западных специалистов, за счет расширения ассортимента услуг на уже действующих объектах иностранного туризма мы могли бы получать как минимум в 2—3 раза больше валюты, нежели сейчас.

Сейчас же, к сожалению, мы не можем удовлетво-

рять порой самых элементарных потребностей иностранных гостей. Так, возьмем, к примеру, столичную гостиницу «Россия» — крупнейшую в Европе. В прошлом году она получила 25 млн. рублей дохода, расходная же часть составила 8,5 млн. Чистая прибыль — около 16 млн. рублей (причем в эту сумму не входят доходы комбината питания). Уже многие годы холодильники в номерах гостиницы (всего 3 тысячи) простаивают без продуктов. По мнению директора «России» С. Смирнова, если бы можно было наполнить продовольственными наборами все три тысячи холодильников, то чистая прибыль удвоилась бы, в том числе за счет дополнительных валютных поступлений (См.: «Правда», 2.04.90).

Увеличение валютной отдачи от иностранного туризма можно было обеспечить за счет активного внедрения новых, «нетрадиционных» форм такого туризма. Скажем, Советский Союз объявил об организации туристских круизов по Северному Ледовитому океану. Спрос на эти круизы оказался столь большим, что образовалась очередь на несколько лет вперед. На повестку дня уже встает вопрос об организации «космического туризма».

Перспективным направлением развития иностранного туризма являются туры с организацией валютной охоты в Горном Алтае, Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. В частности, ведутся переговоры на продажу иностранцам валютных лицензий на отстрел медведей, маралов и других животных в Горном Алтае. Ориентировочная цена лицензии на отстрел марала — 10 тысяч долларов (для сравнения: нашему охотнику она обходится всего в 150 рублей), лицензии на отстрел медведя — 20 тысяч долларов. По данным Биологического института Сибирского отделения АН СССР, марала сегодня в Горном Алтае насчитывается около 14 тысяч голов, медведя — 3—4 тысячи. И тех и других можно отстреливать без всякого ущерба до 10 процентов от общей численности. Иначе говоря, за счет валютной охоты без нанесения урона живой природе в Горном Алтае можно было бы получать ежегодно до 20 млн. долларов (без учета доходов от других услуг, предоставляемых иностранцам). Если даже небольшие по площади западноевропейские государства умудряются зарабатывать на охотниках приличные деньги, почему мы должны отказываться от этой возможности? Речь, конечно, не идет об отстреле редких животных.

Вопрос о валютной охоте становится тем более актуальным, что в некоторых регионах страны появляются даже «излишки» диких животных. Скажем, в сибирской тайге из года в год растет численность волка, и лицензии для охоты на него советским гражданам вообще не требуются.

Валютные охотничьи туры — лишь один пример использования наших поистине неограниченных возможностей. Стратегическим курсом должно стать максимальное расширение ассортимента форм туризма: научный, экологический, деловой, культурный, детский, спортивный... Нашим руководителям, ведающим иностранным туризмом, надо решительнее отходить от стереотипных взглядов на развитие туристского бизнеса. При желании можно находить такие варианты, которые требуют самых минимальных изначальных вложений и отличаются особо высокой валютной рентабельностью. Так, специалисты отмечают, что в последние годы за рубежом и прежде всего в развитых капстранах произошло резкое снижение спроса на шикарные отели. Все более популярными становятся путешествия с элементами риска, приключений и выживания в экстремальных условиях. В цене повышаются безлюдье, нетронутая природа, бездорожье, различные естественные препятствия. Мы могли бы на базе наших спортивных и туристских клубов организовывать прием групп спортивных туристов из-за рубежа. Безусловно, эти клубы необходимо в достаточном количестве обеспечить снаряжением, поставить их на хорошую материально-техническую базу. Но все равно необходимые для этого затраты не идут ни в какое сравнение с инвестициями в гостиницы, курортное хозяйство, центры развлечений.

Многие мощные международные туристские потоки проходят буквально рядом с границами СССР, и в перспективе наша задача заключается в том, чтобы перехватывать их, проводить наступательную политику на мировом рынке туристских услуг. Взять, к примеру, нашего восточного соседа — Японию. Ожидается, что в 1990 году зарубежные поездки совершат по крайней мере 10 млн. японцев. Каждый из них за туристскую поездку тратит в среднем 450 тысяч иен (3103 доллара США). Предположим, что Советскому Союзу удалось бы привлечь хотя бы пятую часть этих туристов. Будем при этом исходить, что расходы на посещение нашей страны каждым японцем будут вдвое ниже среднего

уровня (учитывая близкое расстояние и наши более скромные условия приема интуристов). Но даже в этом случае мы получили бы сумму доходов примерно в 3 млрд. долларов. Это сопоставимо с нашими валютными доходами от экспорта природных ресурсов с Дальнего Востока.

Наша экспортная политика в сфере международного туризма теснейшим образом связана с импортом туристских услуг. Отсутствие достаточных валютных доходов от иностранного туризма в СССР неизбежно ограничивает количество советских граждан, выезжающих в качестве туристов за рубеж (в настоящее время их число составляет 700 тысяч человек в год). Таким образом, «неразвитость» индустрии иностранного туризма в нашей стране становится одним из серьезных препятствий для «свободных обменов», о которых так много сегодня говорится. Поддержка нами Венских документов в этой части остается пока не более чем декларацией.

В области туризма, в том числе международного, в СССР накопился такой большой груз проблем, что необходимы срочные меры по исправлению сложившейся ситуации. Прежде всего в Верховном Совете СССР следует создать комиссию или подкомиссию по вопросам туризма (таковые существуют в парламентах большинства стран мира).

Категорически не согласен с упразднением Госкоминтуриста СССР. В 137 странах мира вопросы развития туризма решаются на государственном уровне, то есть министерствами, агентствами и иными ведомствами. Безусловно, нам нужна децентрализация, при которой большую самостоятельность получили бы республики, области, края. И в то же время нужен центральный орган, который определял бы стратегию развития иностранного туризма и международных туристских связей, давал бы рекомендации по проведению эффективной политики в области инвестиций, налогов и цен, устанавливал бы единые стандарты обслуживания и т. д. Конечно, этот орган ни в коей мере не должен подменять практическую работу туристских организаций и предприятий. Наконец, назрела настоятельная потребность в принятии законодательства об иностранном туризме.

СССР В МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОБМЕНЕ

В условиях НТР все большее значение в международных экономических отношениях начинают играть научно-технические связи. Конкретные формы их весьма многообразны: совместные научные исследования и разработки, торговля патентами и лицензиями, обмен делегациями ученых и специалистов, производственная кооперация в области высоких технологий и т. д. Для промышленно развитых стран Запада научно-технические связи становятся все более важным инструментом укрепления их экономических и политических позиций в мире и одновременно сферой острой межимпериалистической конкуренции.

В последние годы в международные научно-технические связи все более активно вовлекаются экономически менее развитые государства Азии, Африки, Латинской Америки. Однако даже с большой натяжкой научно-технические связи между богатым Севером и бедным Югом нельзя назвать «сотрудничеством». Для их характеристики существует более точное определение: «технологический колониализм». Он проявляется прежде всего в том, что развивающимся странам с богатого Севера поставляется устаревшая технология, машины и оборудование вчерашнего и даже позавчерашнего дня, причем, как правило, по монополюно высоким ценам. Проявляется он и в создании ТНК в развивающихся странах достаточно сложных, но «частичных» производств — сборочных заводов по производству бытовой радиоэлектроники, автомобилей, отдельных видов важной техники и т. д. С одной стороны, такие производства, будучи зачастую трудоемкими, позволяют ТНК экономить средства за счет использования местной дешевой рабочей силы. С другой стороны, устанавливается надежная «технологическая зависимость» развиваю-

щихся стран, так как предприятия, расположенные на их территории, попадают в зависимость от поставок деталей и узлов с Запада. Наконец, промышленно развитый Запад паразитирует на использовании интеллектуальных ресурсов развивающихся стран, которых им и так недостает для развития своих национальных экономик.

Что касается Советского Союза, то многие десятилетия его участие в международном научно-техническом обмене было весьма ограниченным, сводясь в основном к сотрудничеству со странами — членами СЭВ. Такая «отстраненность» СССР от многих государств с высокими уровнями интеллектуальных потенциалов негативно сказывалась на нашем научно-техническом развитии, предопределяла прогрессирующее отставание страны на многих направлениях НТП. Сегодня, провозглашая новое мышление в сфере межгосударственных отношений, мы взяли курс на всемирное развитие научно-технических контактов со всем остальным миром. При этом предполагается, что такое сотрудничество позволит ликвидировать или по крайней мере приостановить наше научно-техническое отставание от Запада, ускорить наше социально-экономическое развитие, решить многие проблемы экологии. Однако недаром говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Создается впечатление, что, делая достаточно серьезные шаги по активизации наших международных научно-технических контактов, мы, мягко выражаясь, недостаточно продумываем их, не учитываем возможные негативные последствия таких шагов. Фактически игнорируется негативный опыт стран «третьего мира», ставших объектами «технологического колониализма» Запада. По сути дела, таким объектом становимся сегодня и мы. Следует добавить, что «технологический колониализм» тесно связан с «экологическим», и если мы самым решительным образом не остановим его наступление на Советский Союз, то он, помимо всего прочего, внесет свою лепту в обострение экологической ситуации в стране.

ДОРОГА С ОДНОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

Прежде всего в наших научно-технических контактах с Западом настораживает то, что зачастую игнорируется важнейший принцип, которого в своих внешне-

экономических связях придерживается любое цивилизованное государство, — принцип взаимной выгоды. Создается такое впечатление, что наши ведомства и организации, ответственные за развитие научно-технических связей с Западом, сознательно или неосознанно участвуют в сооружении дороги с односторонним движением. По этой дороге наш интеллектуальный потенциал большими и малыми партиями будет перевозиться (и уже перевозится) в промышленно развитые капиталистические страны. И в то же время ожидать, что по этой дороге к нам придут богатые караваны, груженные высокой технологией и новейшими знаниями, пока не приходится. В лучшем случае «оттуда» может прийти захудалая колымага, в которой окажется технологический хлам вчерашнего и позавчерашнего дня.

Выше уже не раз говорилось о том, что наши «инициативные» ведомства, организации, кооператоры и другие «субъекты» внешнеэкономических связей активно включились в распродажу нашего национального богатства — минеральных ресурсов, земли, культурных ценностей. Помимо этого, предметом «дикой» коммерции, наносящей непоправимый ущерб нашему Отечеству, становится интеллектуальный потенциал, результаты научных исследований и разработок. О том, насколько далеко зашел процесс разбазаривания наших научно-технических богатств, свидетельствует следующий пример. Речь идет о международных «инициативах» руководителей Института атомной энергии имени И. В. Курчатова. О них мне впервые стало известно отнюдь не из нашей печати, а от американских коллег, возмущению которых не было предела.

Небольшая предыстория. В 60-е годы США и СССР начали выводить в космос ядерные энергетические установки — реакторы и радиоизотопные генераторы. Однако уже через несколько лет после первых запусков стали происходить аварии. На сегодняшний день приблизительно 15 процентов советских и американских космических устройств, питаемых ядерной энергией, так или иначе вышло из строя. Если говорить конкретнее, то из 60 с лишним запусков ядерных энергоисточников в космос — девять аварийных, с возвращением радиоактивных веществ на Землю, попаданием их в океан и атмосферу. Вот лишь некоторые случаи. В 1964 году американский навигационный спутник «Транзит» с радиоизотопным источником энергии на борту не смог

выйти на орбиту. Устройство с плутонием-238 распалось в атмосфере и рассеялось по всему земному шару. Около 17 000 кюри плутония-238 было выброшено в окружающую среду, втрое увеличив в ней содержание этого изотопа.

А вот, вероятно, самый серьезный несчастный случай подобного рода. В 1978 году советский спутник «Космос-954» вошел в атмосферу и развалился, разбросав тысячи радиоактивных осколков на 100 000 кв. км в северо-западных районах Канады. Советский Союз в результате вынужден был выплатить Канаде значительную денежную компенсацию.

Советские и американские специалисты склоняются к тому, что долговременные последствия худших аварий на спутниках с ядерными энергоустановками вполне могут быть сопоставимы с аналогичными последствиями чернобыльской катастрофы. Осознание этой страшной истины привело к тому, что в мае 1988 года две организации — Федерация американских ученых и Комитет советских ученых за мир против ядерной угрозы подписали совместное предложение о запрете использования ядерной энергии на околоземной орбите. Хотя этот документ не является обязательным для правительств США и СССР, он тем не менее накладывает большие моральные обязательства на ученых обеих стран, занимающихся космосом и ядерной энергетикой. Указанное соглашение было с воодушевлением встречено прогрессивными политическими деятелями, учеными, общественностью США, выступающими против планов милитаризации космоса, дальнейшего развертывания программы СОИ. Бывший в то время директором Организации стратегической оборонной инициативы генерал Абрахамсон неоднократно заявлял, что программа СОИ без ядерных источников энергии существовать не может. Стало быть, по планам «звездных войн» наносился серьезнейший удар.

И тут генералу Абрахамсону и другим ядерно-космическим авантюристам из Вашингтона на помощь неожиданно приходят... руководители советского Института атомной энергии имени И. В. Курчатова. В январе 1989 года в Альбукерке (штат Нью-Мексико) прошло совещание ведущих подрядчиков программы СОИ и представителей американской администрации. Оно проводилось в духе перестройки и нового мышления: на нем присутствовали ученые из указанного советского ин-

ститута. И не только присутствовали. Они, как отметил Даниел Хирш, директор программы Калифорнийского университета по ядерной энергетике, председатель рабочей группы по использованию ядерной энергии в космосе Федерации американских ученых, «оказали политическую поддержку подвергающейся нападкам американской программе использования ядерной энергии в космосе». Но и этим дело не ограничилось: они, действуя «в духе времени», предоставили американской стороне полезную техническую информацию. Апогеем «делового сотрудничества» явилась попытка советской делегации продать американцам разработанные нами космические ядерные реакторы, которые жизненно необходимы для практической реализации программы СОИ. Еще недавно о подобном «сотрудничестве» не могли мечтать ни самые правые «ястребы» в США, ни самые изощренные фантасты и политологи. Поистине «новое мышление» перешагнуло все мыслимые и немыслимые границы. Если американцам, которые имеют самые тесные военно-политические отношения с Японией, несмотря на все их старания, не удастся «вытянуть» из японцев хоть что-нибудь мало-мальски ценное для своей программы «звездных войн», то Советский Союз, находящийся в противостоящем военно-политическом блоке, готов отдать добровольно свои ценнейшие военно-технические секреты.

Американцы были просто потрясены (а некоторые шокированы) «открытостью» и «нестандартностью» поведения советской делегации. Вот что писала по этому поводу «Вашингтон пост»: «В их докладе приводились невероятные данные о советских реакторах, которые в ином случае считались бы Соединенными Штатами секретной информацией».

Академик Н. Пономарев-Степной, возглавлявший советскую делегацию в Альбукерке, пытается сегодня оправдать и обосновать свою «инициативу». Так, в газете «Трибуна НТР» (1990, №3—4, с. 11) он пишет: «...Совсем не знаю, как расценивать недавно промелькнувшее в прессе утверждение о том, что в прошлом году советские ученые предложили американцам свой ядерный реактор для использования в СОИ. На самом деле все обстоит наоборот: ученые СССР и США вот уже год обстоятельнейшим образом изучают вопрос о переключении космической техники, в том числе и ядерной энергетике, с военных задач на мирные». Изучать, конечно,

не возбраняется любой вопрос. Но ведь любому студенту известно, что принципиальных различий в конструкции ядерного космического реактора для СОИ и, скажем, для спутника связи нет. И та информация, которую советская сторона передала американцам в ходе такого «изучения», сэкономила им уже немалые деньги и время в реализации программы СОИ. Экономия может еще больше возрасти, ибо, как сообщил без стеснения и каких-либо угрызений совести академик Н. Пономарев-Степной, советско-американское «изучение» возобновилось в Альбукерке в январе 1990 года.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что «пионером» новых, «революционных» подходов к научно-техническому сотрудничеству с США является отнюдь не академик Н. Н. Пономарев-Степной. Некоторым академикам сегодня совершенно не надо «перестраиваться», ибо даже в самые «застойные» годы они активно сотрудничали с американцами, причем отнюдь не на ниве экологии или здравоохранения. Недавно мои американские коллеги сообщили мне прелюбопытный факт: в 1981 году в лаборатории Лос Аламос (работающей, как известно, на Пентагон) вышел научный отчет под названием «Подходы к разработке гамма-лазеров». Даже неспециалистам понятен интерес Пентагона к гамма-лазерам: они являются важнейшим компонентом систем «звездного оружия». Самое интересное в этом факте то, что одним из трех авторов отчета является... советский академик В. И. Гольданский. Так что Н. Н. Пономареву-Степному есть с кого брать пример и на кого равняться.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все советские ученые и инженеры разделяют начавшуюся эйфорию так называемой свободы и вседозволенности.

Вот высказывание советского академика И. М. Макарова, главного ученого секретаря президиума АН СССР: «Наша международная политика, наши инициативы в этой области сделали нас более открытыми во всех сферах жизни, в частности в научной деятельности. Открытость эта идет в одну сторону. Значительно больше эту открытость используют зарубежные страны, чем мы» («Международная жизнь», 1990, № 2, с. 45).

Для того чтобы более отчетливо представить ту беспечность (мягко говоря), которую мы сегодня проявляем в научно-технических связях с Западом, хотел бы

привести пример американо-японских отношений. В 1980 году президент Картер и премьер-министр Ожира подписали соглашение по технологии, которое предусматривало открыть университетские лаборатории для исследователей обеих стран. Однако результаты сотрудничества между двумя странами более чем скромные. Особенно разочарованы американцы, которые рассчитывали на использование японской технологии для своей программы «звездных войн». Как писал английский журнал «Экономист», «двустороннее соглашение о передаче военной технологии и технологии двойного назначения из Японии в США практически ни к чему не привело». По мнению журнала, американцами не была учтена «самурайская стратегия в битве за лидерство в технологии», которая «оставляет мало места для любопытства, легкомыслия и компромисса» (цит. по: «За рубежом», 1990, № 7, с. 11).

Наши же подходы к американо-советскому научно-техническому сотрудничеству страдают именно любопытством, легкомыслием и опасными компромиссами. Особенно это становится очевидным на фоне тех решений и заявлений, которые делаются в Вашингтоне вопреки его дежурным фразам о «поддержке перестройки» в СССР. Так, в марте с. г. министр обороны Р. Чейни заявил в Конгрессе, что, несмотря на «феноменальные изменения», происшедшие в странах Варшавского пакта за последний год, военные расходы Америки практически не уменьшатся и в 1995 году составят 325 млрд. долларов. При этом министр дал четко понять, что США не намерены отказываться ни от программы модернизации своих стратегических сил, ни от программы СОИ.

Еще более откровенным и циничным было выступление на тех же слушаниях в Конгрессе председателя комитета начальников штабов генерала К. Пауэлла. Вот его слова: «Даже если вся Советская Армия уйдет из Восточной Европы и если даже все армии Восточной исчезнут..., мы тем не менее останемся сверхдержавой на мировой арене. Мы возглавляем два великих союза в Атлантике и Тихом океане... Мы должны оставаться сильными» («Красная звезда», 3.03.90).

Для того чтобы «оставаться сильными», американцы очень и очень рассчитывают на научно-технические возможности своих союзников по НАТО. Но не только в последнее время в качестве одного из важнейших каналов притока новых технологий США рассматривают...

Советский Союз. Ослабление в стране государственного контроля над передачей технологии за рубеж создает для американской стороны благоприятные возможности под прикрытием всякого рода «сотрудничества» поживиться за наш счет. Вот что писала газета «Вашингтон пост» 5 апреля 1989 года: «Советский Союз располагает крупнейшей в мире базой для исследований и разработок. Стремясь продать товары советским гражданам, изголодавшимся по потребительской продукции, мы должны изучить возможность приобрести у этой страны технологию, которой могли бы воспользоваться». Говоря проще, надо пользоваться нашей бедностью и скупать на корню по дешевке все, что может представлять интерес для Америки (в том числе новые технологии, разработки, образцы оружия и даже самих ученых). К удивлению многих американских (и вообще западных) ученых и бизнесменов, многие идеи и технологические разработки в СССР вообще не имеют конкретного собственника, не защищаются патентами и не являются коммерческими и техническими секретами. В этих условиях «сотрудничество» с нами становится для них не более чем ширмой для того, чтобы прибираться к рукам все, что не так лежит, а «не так лежит» очень многое. Дело доходит даже до того, что многие идеи и технические решения американцы «выуживают» из открытых советских публикаций.

Так, Джозеф Уэтч, президент компании, ведущей космические работы и занимающейся научно-исследовательскими проектами для Пентагона, постоянно направляет в министерство обороны предложения, основанные на идеях, взятых из советской литературы. Данными из советской научно-технической литературы воспользовались американские компании-изготовители ракетного топлива: сейчас они добавляют в свою продукцию токсичный бериллий для увеличения подъемной силы ракет. Компания «Дюпон» на основании информации, добытой из советских открытых источников, изменила технологию изготовления промежуточного химического вещества винилацетата. После того как представители корпорации «Америкэн телефон энд телеграф» прослушали лекцию советских ученых в Олбани, они получили представление о возможности использования лазеров при производстве полупроводниковых кристаллов. Из американской печати стало также известно, что компания «Электрик боут» (филиал известной «Дженерал дай-

немикс») использует советские публикации по сварочному делу и информацию, добытую в личных беседах с советскими специалистами, для повышения надежности американских подводных лодок.

Дело иногда доходит до анекдотических ситуаций. Так, одному научному сотруднику «Рэнд корпорейшн» было поручено собрать из открытых советских источников всю информацию об использовании ядерного оружия в космосе. Когда через полгода этот сотрудник подготовил свой отчет, документ был заслушан на закрытом совещании и... засекречен.

В данном случае речь идет о добывании информации из открытых источников легальными методами. Но ведь есть еще научно-техническая разведка, осуществляемая специальными государственными службами, а также промышленный шпионаж, ведущийся частными корпорациями. Этот вид деятельности покрыт мраком неизвестности. Правда, если все наши ученые мужи будут осуществлять «сотрудничество» с Западом такими же методами и в таких же формах, как это делали академик Н. Пономарев-Степной и его коллеги в Альбукерке, то надобность в услугах «рыцарей меча и кинжала» вскорости вообще отпадет. Зачем рисковать, когда тебе добровольно и чуть ли не задаром отдают вождеделенные секреты? А если подобное «сотрудничество» будет продолжаться еще несколько лет, то и брать-то больше станет нечего.

Есть еще одно обстоятельство, почему нынешние советско-американские контакты в сфере науки и техники даже при большом воображении нельзя назвать «сотрудничеством». В самом деле, о каком сотрудничестве может идти речь, когда на Западе продолжает жить и здравствовать Координационный комитет по контролю над экспортом в социалистические страны (КОКОМ). Напомню, что КОКОМ был создан в 1949 году в самый разгар «холодной войны», чтобы преградить путь в страны социализма так называемым «товарам стратегического назначения». В КОКОМ входят страны НАТО, Япония, а с недавнего времени и Южная Корея. В списках КОКОМ значатся 100 тысяч (!) наименований товаров и технологий, запрещенных к вывозу в СССР и другие социалистические страны. Несмотря на то, что Запад на словах «приветствует перестройку», принципиальных изменений в отношении КОКОМ к Советскому Союзу не предвидится. Как заявил официальный пред-

ставитель США в КОКОМ на проходившем в феврале 1990 года совещании этой организации в Париже, «доступ к западной технологии для Советского Союза не может быть облегчен, так как СССР представляет собой реальную угрозу Западу».

Недавно в печать просочились выдержки изданного Пентагоном нового секретного «наставления» для американского генералитета. В документе без обиняков и всяких там дипломатических реверансов говорится, что «США должны создавать «многоцелевые» и «программируемые» техноёмкие вооружения для утверждения военного превосходства над Советским Союзом». Наставление говорит о недопустимости передачи СССР технологии и ресурсов, «которые могут иметь важное военное значение» («Советская Россия», 14.02.90).

Благо бы, если речь шла только о военных технологиях. По сути дела США, заправляющие в КОКОМ, осуществляют политику фронтального «контролируемого технологического отставания» социалистических стран. Это означает, что запреты распространяются не только на стратегические товары и военные технологии, но и на продажу любой передовой техники и технологии. Последние можно продавать не раньше, чем через 4 года после их серийного освоения на Западе, то есть того срока, после которого возникает потребность в их дальнейшей модернизации.

Существует масса запретов и ограничений на поставки в СССР оборудования и технологий даже для таких «мирных» и далеко не самых наукоемких отраслей, как текстильная, швейная, пищевкусовая промышленность. Так, не разрешается экспорт технологий и технической информации о производстве оборудования для пошива изделий из хлопчатобумажных тканей; технической информации по оборудованию для производства молока для детей; регуляторов технологического процесса и оборудования для производства соевого белка (протеина) и т. д.

По сути дела, КОКОМ ставит палки в колеса сотрудничеству с Востоком даже в такой гуманной области, как экология. В списках этой организации значатся многие малоотходные производственные технологии, использование которых в социалистических странах могло бы намного улучшить экологическую обстановку. Туда попали также некоторые виды оборудования и технологий для очистки вредных выбросов, контроля за окру-

жающей средой и т. д. Скажем, оборудование и технология по обнаружению и ликвидации утечки нефти и газа в трубопроводах. Чехословакия, Польша, СССР, другие страны заинтересованы в получении систем управления для новейших очистных сооружений. Однако фирмы ФРГ, производящие такие системы, не могут продать их на Восток, так как, оказывается, они содержат компоненты, включенные в «черные списки» КОКОМ.

Известно, какое внимание во всем мире сегодня уделяется надежности и безопасности АЭС. После чернобыльской катастрофы, последствия которой вышли за рамки национальных границ СССР, общественности на Западе совсем небезразлично, как функционируют реакторы на наших атомных станциях. Американская компания «Контрол дейта» подписала недавно контракт о поставке Советскому Союзу шести мощных компьютеров типа «Ибер» для обеспечения контроля безопасности гражданских ядерных реакторов. Однако окончательное слово остается за КОКОМ, который явно не спешит с выдачей разрешений на поставку этих компьютеров.

Говорят, что перестройка в нашей стране идет весьма неравномерно: если в сфере экономики и внутренней политики ее успехи весьма скромны и даже некоторыми оцениваются со знаком «минус», то в сфере международных и внешних сношений мы достигли успехов, которые определяются эпитетами «потрясающие», «невероятные», «фантастические» и т. д. и т. п.

Думаю, что изложенные выше факты и размышления действительно позволяют говорить о «потрясающих» изменениях в сфере наших отношений с Западом. Но вот каким знаком их оценить? Для решения этой задачи читателю, я думаю, надо ответить на ряд простеньких вопросов. Скажем, таких:

1. Является ли советско-американское сотрудничество в области науки и техники улицей с «двусторонним движением», как это пытаются представить пропагандирующие «новое мышление» некоторые средства массовой информации?

2. Отодвигает ли это сотрудничество наши народы и человечество в целом от пропасти термоядерной и экологической катастрофы или, наоборот, приближает к ней?

3. Находятся ли международные «инициативы» наших предприимчивых деятелей науки и техники под контролем Советской власти и соответствующих компетентных органов?

Было бы неплохо, если над этими и подобными вопросами задумались также народные депутаты СССР.

«МОЗГИ» НА ЭКСПОРТ

Сегодня по «дороге с односторонним движением» на Запад начинают уходить не только наши идеи и технологии, но также те, кто эти идеи и технологии создает. Речь идет об «утечке» из страны «мозгов», то есть выезде за рубеж советских ученых, инженеров, специалистов, который резко активизировался после либерализации нашей эмиграционной политики. Еще вчера «утечка мозгов» воспринималась нами как проблема преимущественно академическая, имеющая весьма отдаленное отношение к Советскому Союзу. «Утечка мозгов» определялась как форма «технологического колониализма», проводимого Западом в отношении менее развитых стран.

Особую активность в деле переманивания специалистов из других стран после второй мировой войны проявляли США. По мнению многих специалистов, чужие умы были одним из важнейших факторов укрепления экономических и военных позиций Америки в мире. За период 1966—1984 годов США переманили из стран Азии, Африки, Латинской Америки 120 тысяч научных работников и инженеров. В конце 70-х — начале 80-х годов в США среди инженеров на иммигрантов приходилось 10%, среди врачей — почти 1/4. Только за 1971—1972 годы США сэкономили на затратах по подготовке специалистов за счет использования иммигрантов 2 млрд. долларов. Но потенциальная отдача от высококвалифицированного ученого и инженера оценивается в среднем в 20 раз выше затрат на его подготовку. Можно полагать, что США и другие страны Запада за счет «импорта мозгов» получают сегодня экономический эффект, исчисляемый многими десятками миллиардов ежегодно. Некоторые социальные, политические, военные и иные выгоды просто не поддаются учету.

Сегодня, когда большинство стран Запада вступают в новую фазу НТР, потребность в высококвалифицированных специалистах там резко возрастает и в полной мере не удовлетворяется. Так, по данным Совета по конкурентоспособности США, из-за недостатка квалифи-

цированных кандидатов в американских университетах остается 1300—1800 вакантных должностей. Как писала газета «Уолл-стрит джорнэл» (19.04.89), «ожидается, что эта нехватка будет расти в 90-х годах, когда уйдет на пенсию многочисленное поколение американских ученых и инженеров, получивших образование сразу же вслед за тем, как Советский Союз запустил свой первый искусственный спутник в конце 50-х годов». Наиболее простой и быстрый способ преодоления нарастающего дефицита «мозгов» — расширение их импорта из других стран. Именно на это и нацеливаются многие государственные деятели, руководители научных центров и корпораций за океаном. В частности, Роланд Шмитт, президент Политехнического института Реслера в США, откровенно говорит: «Нам нужен еще больший приток иностранцев». Можно примерно предвидеть, каких специалистов Америка будет заманивать в первую очередь. Для этого нужно взглянуть на приоритеты научно-технической политики США. Так, недавно американское правительство определило 22 технологии как критически важные для национальной безопасности и «долговременного качественного превосходства систем оружия США». В этот список входят, в частности, биотехнология, технология лазерного оружия, технология производства современных композитных материалов и т. д.

В планах укрепления своих научно-технических позиций в мире Запад и прежде всего США не последнюю роль отводят привлечению «мозгов» и технологий из СССР. Сегодня, увлекшись самобичеванием, мы неправоммерно возводим в абсолют наше научно-техническое отставание от Запада. Несмотря на общий застой в экономике, нам до последнего времени, пусть и дорогой ценой, удавалось поддерживать на высоком научно-техническом уровне нашу «оборонку». Кроме того, доминировавший в стране бюджетный принцип финансирования научных исследований при всех его минусах обеспечивал неплохие позиции в области фундаментальных наук (в математике, теоретической физике, химии и т. д.).

По мнению американских специалистов, Советский Союз располагает новой технологией в таких принципиально новых отраслях, как космическая энергетика, ядерная энергетика, сварка с помощью взрыва, высокочастотные радиогенераторы, импульсные источники энер-

гии и производство современных керамических материалов. В 1987 году Национальная академия технических наук выпустила доклад, в котором указывается, что в таких областях, как синтез мелкозернистых твердых веществ, композитные материалы и редкоземельные элементы, Советский Союз занимает лидирующие позиции.

Газета «Вашингтон пост» от 5 апреля 1989 года писала, что Советский Союз многое может предложить в таких научных областях, как исследования одноклеточного белка, материалы для электронной промышленности, медицинское ультразвуковое оборудование, катализаторы химических процессов, современные материалы, технология компактных ядерных реакторов, лазеры, современное компьютерное программное обеспечение и т. д.

Другое дело, что многие блестящие идеи Советский Союз не в состоянии довести до технического исполнения и тем более до массового производства. Но это могут сделать на Западе, где механизм внедрения новых разработок в производство давно отлажен и весьма эффективен. Государственные (в первую очередь военные) ведомства и частные компании на Западе весьма заинтересованы в «заимствовании» новых идей и разработок, появляющихся в Советском Союзе.

В 1989 году из СССР на постоянное жительство в другие страны выехало 228 тысяч человек. К сожалению, нет статистики, которая бы раскрывала структуру эмиграции по профессиональному и образовательному признакам. Но есть основания полагать, что на ученых, высококвалифицированных инженеров, других специалистов приходится значительная доля всех выезжающих, ибо им сравнительно легче найти работу за рубежом, чем мало- и среднеквалифицированным работникам. Можно сослаться и на исследования американских экономистов Г. Габела и А. Скота, которые пришли к выводу, что в среднем ученые и инженеры в 10 раз более склонны к миграции, чем лица других профессий.

Все больше наших сограждан выезжает за рубеж по контрактам для работы в лабораториях и научных центрах. Так, советские физики работают сегодня в Фермиевской лаборатории, ЦЕРНе, научных центрах Принстона, Миннеаполиса и т. д. Выезжают обычно с семьями. Советское гражданство при этом сохраняется. Будем откровенны: нет ничего более постоянного, чем

временное. При нынешней экономической, социальной и политической нестабильности в нашей стране никто из «временно работающих» за рубежом советских граждан не спешит вернуться на Родину. То есть они де-факто-эмигранты (на сегодня за рубежом проживают, сохраняя советское гражданство, 150 тысяч наших соотечественников).

При оценке масштабов «утечки мозгов» следует учитывать и ее скрытую форму. За последние три года в нашей стране создано более тысячи совместных предприятий (СП) с участием западных фирм. Подавляющее большинство из них, как показывает анализ, не ведут практически никакой производственной и коммерческой деятельности. Некоторые бизнесмены даже не скрывают, что СП выполняют роль своеобразных форпостов западных фирм, следящих за экономической и политической ситуацией в СССР. Некоторые СП осуществляют еще одну важную функцию: вербовку перспективных советских научно-технических специалистов. Для выявления таких специалистов проводятся разного рода симпозиумы, семинары, выставки, банкеты, презентации и т. д. Вербовка же, как правило, не представляет большой сложности, так как молодой специалист с его жалким заработком в 200—300 рублей вряд ли может устоять перед предлагаемым жалованьем в 1—2 тысячи рублей в месяц.

Случается, что наиболее «предприимчивые» специалисты продают западным фирмам не только свои «мозги», но и то, что им удается «прихватить» со своей бывшей работы: интересные идеи своих бывших коллег, расчеты, чертежи, образцы новой продукции и т. д. Рассуждая об «интернационализации науки», «свободе интеллектуального обмена» и т. п., наша пресса почему-то стыдливо обходит стороной эту «деликатную» сторону деятельности СП. Между тем на Западе уже давно дано четкое определение подобного рода «предприимчивости» — «промышленный шпионаж». И такая деятельность карается там по всей строгости закона.

Наиболее способных и талантливых специалистов западные фирмы могут из СП переводить впоследствии за рубеж в свои научно-исследовательские центры и лаборатории. Однако далеко не всегда фирмы заинтересованы в таком переводе. Во-первых, затраты на советского специалиста в СП на территории СССР обходятся намного дешевле, чем, скажем, в США или другой раз-

витой капиталистической стране. Во-вторых, такой специалист, находясь в СССР, сохраняет, как правило, связи с другими советскими учеными и инженерами, научными учреждениями и предприятиями и является своеобразным каналом доступа к новейшим советским исследованиям и разработкам.

В нашей экономической литературе сегодня делается немало оценок будущего развития СП в СССР. Большинство авторов сходится в том, что производственная деятельность СП, по крайней мере, в ближайшее время будет весьма затруднена (в силу неконвертируемости рубля, неустойчивого материально-технического снабжения и т. д.). В то же время недостатки чисто производственной активности в СП западные фирмы, по моему мнению, постараются компенсировать созданием сети научно-исследовательских центров и лабораторий в рамках СП. При этом я исхожу из того, что уже с конца 70-х годов ТНК США начали энергично перемещать научно-исследовательскую деятельность за рубеж. Как отмечал менеджер одной из американских ТНК, «заграничные лаборатории дают нам окно в другой мир, возможность перехватывать новые и нестандартные идеи. Это было важно в прошлом, но будет еще важнее в будущем... Неразумно предполагать, что мы будем доминировать в сфере мировых НИОКР, как это было ранее. Соответственно, мы будем все более сталкиваться с необходимостью передачи технологии обратно в Соединенные Штаты». Американская монополия «Хьюлетт-Паккард» разместила свои научно-исследовательские центры вблизи университетов Эдинбурга и Штутгарта. Аналогично и другие ведущие производители, ЭВМ — ИБМ, «Ханниуэлл», «Бэрроуз», создали целые международные исследовательские комплексы. По словам одного из руководителей ИБМ, размещение за рубежом таких комплексов позволяет «выживать наиболее талантливых людей для работы в лаборатории ИБМ».

В настоящее время у нас ведется активная работа по созданию в СССР технологических парков, «технополисов» с широким привлечением иностранного капитала. В частности, предполагается организация «специальных технологических зон» в Выборге и Зеленограде. Западные фирмы проявляют большой интерес к подобным планам и предполагают создание своих лабораторий на территории этих зон.

Надо четко осознавать, что «переманивание мозгов»

является одним из важнейших средств конкурентной борьбы на Западе. В этой связи не следует питать каких-либо иллюзий на тот счет, что разрядка международной напряженности, улучшение наших отношений с Западом, как бы далеко оно ни продвинулось, не в состоянии само по себе гарантировать сохранение Советскому Союзу его интеллектуального потенциала. Более того, надо осторожно, взвешенно относиться к разного рода инициативам Запада, стремиться объективно разобраться, в каких из них действительно заложена добрая воля и искреннее желание помочь нам, а в каких — желание нажиться за наш счет и ослабить нас. Вызывают, в частности, некоторое сомнение посылавшиеся в последнее время как из «рога изобилия» приглашения западных фирм и университетов нашим студентам, аспирантам, молодым специалистам приехать к ним на обучение, причем нередко за счет западной стороны. К чему такая благотворительность? Сразу на память приходит практика США, которые приглашали и продолжают приглашать к себе для обучения молодежь со всего мира. На студенческой скамье происходит вербовка наиболее талантливых. Среди студентов многих развивающихся стран процент «невозвращенцев» чрезвычайно высок. Так, в конце 60-х годов (более поздних оценок, к сожалению, нет) для обучавшихся в США студентов из Индии он составил 78, из Ирана — 71. Думаю, что «невозвращенцы» среди советских студентов, слушателей и аспирантов тоже наверняка будут.

Мы еще в полной мере не осознаем тот **ущерб, который отечественной науке, технике, экономике нанесет явная и скрытая «утечка мозгов» из страны.** Прежде всего теряется всякая надежда на преодоление растущего научно-технического отставания СССР от Запада. Кроме того, подрываются позиции тех немногих отраслей и производств, где нам еще каким-то чудом удается удерживать передовые позиции в мире. Я имею в виду прежде всего авиакосмическую промышленность и некоторые отрасли оборонной промышленности. Мало того, что они на глазах разваливаются в результате так называемой «конверсии», когда волюнтаристскими указаниями сверху предприятия заставляют выпускать вместо наукоемкой продукции кастрюли, кровати или стиральные машины. Эти отрасли также обескровливаются в результате «утечки мозгов». Взять хотя бы НПО «Автоматика и приборостроение». Оно занимается разработ-

кой систем управления космических кораблей и их носителей. Кстати, разработка управления орбитального корабля «Буран», включая автоматическую посадку, — это плод коллективных усилий объединения и смежных организаций. Так вот за последний год из НПО ушло немало талантливой молодежи в кооперативы и совместные предприятия. Это лишь один пример того, как на глазах происходит необратимый развал складывавшихся годами и десятилетиями творческих коллективов конструкторских бюро, научно-исследовательских и проектных институтов, научно-производственных объединений.

Отсутствие достаточной статистики не позволяет сделать даже примерные стоимостные оценки того, что теряет наша страна от «утечки мозгов». Между тем подобные расчеты в отношении некоторых развивающихся стран и государств Восточной Европы имеются. Взять хотя бы Восточную Германию.

По оценкам видного экономиста из ГДР Петера Талля, сделанным им в 1989 году, потери от выезда каждый десяти тысяч граждан из его страны составляют около 330 млн. марок, или 0,12% от годового национального дохода страны. В данном случае в расчет принимаются только затраты на обучение и профессиональную подготовку. Вместе с тем надо иметь в виду, что уезжают за границу в первую очередь молодые люди. Если посчитать, сколько каждый из них может произвести за 30 лет трудовой деятельности, то общая сумма потенциальных потерь возрастает до 100 миллиардов марок на каждые 10 тысяч эмигрантов («Экономическая газета», 1989, № 44, с. 21). На основе этих оценок нетрудно подсчитать, каковы примерно общие (в том числе потенциальные) потери для экономики ГДР, если учесть, что в 1989 году страну покинули 343 тысячи жителей, среди них 220 тысяч специалистов («Советская Россия», 3.02.90). Получается сумма, примерно равная ежегодному национальному доходу Восточной Германии накануне ее объединения с ФРГ.

Конечно, у нас относительные размеры эмиграции несравненно скромнее, чем в ГДР. У них в 1989 году выехало за границу более 2% населения, у нас менее 0,1%. Но не надо забывать, что абсолютные и относительные масштабы эмиграции из СССР в ближайшее время могут существенно возрасти. Самые приблизительные оценки, основывающиеся на опросах общественного мнения, показывают, что около 3 млн. советских

граждан имеют желание эмигрировать из страны. Опять-таки, учитывая повышенную мобильность ученых, инженеров, высококвалифицированных специалистов, можно предполагать, что число желающих эмигрировать среди этой социальной группы исчисляется сотнями тысяч человек. Исходя из «расценок», применявшихся профессором Петером Талем, можно прикинуть, что выезд из СССР 3 млн. человек приведет к прямым экономическим потерям в размере примерно в один триллион рублей. Это примерно в 1,5 раза превышает нынешний годовой национальный доход страны. Оценить в денежном выражении утерю научно-технических позиций страны, ослабление ее обороноспособности и некоторые другие потенциальные последствия эмиграции из СССР, в том числе «утечки мозгов», вообще невозможно.

Причины эмиграции наших ученых, инженеров, других специалистов разнообразны.

Во-первых, уезжают для того, чтобы поправить свое материальное положение. Наши ученые — одни из самых бедных в мире. Причем с каждым годом положение ухудшается. Ставки заработной платы ученых не повышались с 1946 года, а преподавателей вузов — с довоенного времени. Если тогда они были намного выше средних по стране, то теперь почти сравнялись. Средняя зарплата сотрудника АН СССР в 1989 г. — 234 рубля. В переводе по новому неторговому курсу получается, что научный сотрудник в среднем зарабатывает в месяц менее 40 долларов, что в пересчете на год составляет менее 360 долларов. В то же время в США в первой половине 80-х годов средняя зарплата ученого составляла 32—35 тысяч, то есть практически в сто раз больше, чем у нас. Думаю, что такая разница является сильным «аргументом» для специалиста в пользу эмиграции.

Кстати, уровень зарплаты достаточно адекватно отражает социальный статус ученого, что для него также далеко не безразлично. Так, сотрудник нашего НИИ, проучившись 15, а то и 20 лет, получает меньше, чем водитель троллейбуса. Его статус не идет ни в какое сравнение со статусом, скажем, работников торговли. На этот счет сложены даже анекдоты. А возьмем, например, положение ученого в американском обществе. Там уровень заработной платы ученых — один из наиболее высоких. В общественном мнении страны ученые

окружены ореолом уважения. По степени доверия, которым у американцев пользуются различные социальные институты, наука занимает устойчиво второе (после здравоохранения) место (характерно, что большой бизнес и правительство занимают в этой иерархии доверия соответственно шестое и десятое места).

Во-вторых, действует фактор так называемой «профессиональной нищеты». Приборное, финансовое, материальное, вообще любое оснащение советской науки намного отстает от западного. О нашей нищете в науке уже сказано и написано немало. В развитых капиталистических странах прекрасно понимают, что дешевле создать для ученых все условия для нормальной работы, чем экономить на помещениях, оборудовании или требовать от научных работников выполнять не свойственные им функции. Сегодня на Западе ученый, как правило, имеет для работы отдельный кабинет, оснащенный персональным компьютером, современным исследовательским оборудованием, в его распоряжении множительная и телефаксная техника и т. д. Фондовооруженность труда ученого составляет десятки и даже сотни тысяч долларов. Например, стоимость оборудования, пришедшаяся в первой половине 80-х годов на одного ученого-микробиолога в США, составляла в среднем 300 тысяч долларов. У нас столько порой не приходится и на целый НИИ.

В-третьих, советского ученого в наших НИИ «убивает» «зарегулированность» научных исследований, что является конкретным проявлением административно-командной системы в сфере науки. Нашего исследователя, безусловно, привлекает то обстоятельство, что его коллега на Западе достаточно независим в своих исследованиях. Как правило, он ведет самостоятельную работу, не будучи вовлечен в сложную систему соподчинения с вышестоящими руководителями. Под началом такого исследователя могут находиться техники, лаборанты и прочий вспомогательный персонал, а также студенты и аспиранты. Работа такой исследовательской группы осуществляется обычно на основе контрактов, заказов и субсидий, выданных ученому организацией, в которой он работает, государственным ведомством или частной корпорацией.

Подобная автономия исследователей оставляет для них достаточную свободу творчества. Свобода научного поиска дается не только в университетах (где ве-

дутся преимущественно фундаментальные исследования). Даже в промышленных фирмах особо одаренным ученым предоставляется право свободного поиска. И порой это приводит к блестящим результатам. В частности, сенсационное открытие высокотемпературной сверхпроводимости было сделано учеными из корпорации ИБМ, находившимися именно в таком «свободном поиске».

В-четвертых, действует целый ряд причин политического, религиозного, национального характера. Взять, к примеру, эмиграцию из СССР немцев. В 1989 году их выехало в ФРГ 98 тысяч. Проведенные среди них опросы приводят к выводу, что на Запад в первую очередь гонят соображения отнюдь не материального характера. Профессиональные или материальные причины назвали только 2%. В то же время 60% опрошенных ответили, что эмигрируют по национальным, культурным или религиозным мотивам. Усилившееся в нашем обществе в последнее время разжигание национальной розни, появление сотен тысяч беженцев, рост политической нестабильности и боязнь гражданской войны — все это работает на увеличение масштабов «утечки мозгов» из СССР.

На проблему эмиграции научно-технических кадров можно взглянуть и с иной точки зрения: а что останавливает специалиста от выезда за рубеж? Так, Всесоюзный центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ) провел изучение общественного мнения, задав опрашиваемым следующий вопрос: «Почему вы не эмигрируете из СССР?» Ответы были следующими (в %):

- считаю, что лучше, чем в СССР, мне нигде не будет — 24,
 - считаю, что человек не должен уезжать с Родины, когда она переживает тяжелые времена — 30,
 - боюсь, что не смогу устроить свою жизнь в другой стране — 11,
 - надеюсь, что в ближайшее время в СССР произойдут перемены к лучшему — 13,
 - хотел бы уехать, но не имею такой возможности — 8,
 - вопрос не имеет ко мне отношения, поскольку я принял решение уехать — 1,
 - никогда серьезно не думал над этим — 16.
- Полагаю, что подобного рода опросы следует прово-

диль и среди специалистов (может быть, по отдельным категориям: ученые, инженеры, врачи и т. д.). Вероятно, при этом потребуются некоторая корректировка задаваемых вопросов.

При выяснении вопроса о том, что останавливает от выезда за рубеж, интересен опыт других стран. Скажем, Японии. После второй мировой войны страна находилась в полной разрухе, жизненный уровень ее граждан был крайне низок. И тем не менее богатая Америка, которая без особых усилий вербовала ученых и инженеров из Германии и других европейских стран, чаще всего терпела фиаско при попытках за хорошие деньги переманить к себе японских специалистов. Причина одна: воспитанный в японцах веками патриотизм, преданность стране, императору, «своей» фирме.

Кстати, эта черта характерна и для некоторых других стран. Скажем, Южной Кореи. Южнокорейские ученые и инженеры уезжают на работу в США, а по прошествии нескольких лет, набравшись опыта, возвращаются в Южную Корею, причем в заведомо худшие условия жизни и работы. Как отмечает газета «Уолл-стрит джорнэл» (19.04.89), это одна из главных причин экономического взлета Южной Кореи в последние годы.

Эти и другие факты показывают, что патриотизм для многих стран — совсем не пустой звук, важный фактор экономического развития.

ЛУЧШАЯ ОБОРОНА — НАСТУПЛЕНИЕ

Из всего вышесказанного напрашивается очевидный вывод: необходимы срочные меры по прекращению разбазаривания научно-технического потенциала.

Наивно надеяться на сокращение потока выезжающих из СССР граждан, в том числе специалистов, без урегулирования обостряющихся межнациональных конфликтов, когда в стране появились сотни тысяч беженцев, лишенных работы, крова, имущества, без стабилизации накалившейся во многих регионах страны политической обстановки. Опыт Японии, Южной Кореи и других государств показывает мощную роль такого фактора, как общественное национальное сознание, в сохранении и приумножении интеллектуального достояния страны. В этой связи следует наконец всерьез,

без казенных штампов подойти к патриотическому воспитанию нашей молодежи. Это важная и благородная работа не только способствует духовному развитию человека, но в долгосрочной перспективе дает также зримые экономические плоды обществу.

Вполне очевидно и то, что с «утечкой мозгов» можно покончить лишь в случае радикальной перестройки всей нашей экономики. Без нее невозможно подлинное раскрытие талантов и потенциала творческой личности, обеспечение достойных условий жизни и трудовой деятельности ученым, инженерам, другим специалистам, повышение их социального статуса.

Но очевидно и то, что при всем нашем желании такую перестройку ни за год, ни за два мы не проведем. Следовательно, **необходимы чрезвычайные меры.** Верховному Совету СССР в самое ближайшее время следует принять конкретную программу таких мер. Очевидно, не откладывая ни на один день, необходимо кардинально улучшить условия жизни ученых и инженеров. Для этого в первую очередь требуется увеличение бюджетных ассигнований на науку. Резервы для этого имеются. Достаточно упомянуть разорительный и экологически опасный для страны проект строительства громадных нефтегазохимических комплексов в Тюмени. Отказ от строительства позволил бы сэкономить нашей стране по крайней мере 100 млрд. рублей. Увеличение ассигнований на НИОКР надо сочетать с мерами по повышению их эффективности. Для этого прежде всего необходим выбор приоритетных направлений развития науки и техники. Только по линии президиума АН СССР был утвержден перечень примерно из 140 научно-технических программ. Происходит преступно «размазывание» и без того ограниченных средств, ведущее к девальвации самого понятия «исследование». Количество таких программ следует решительно сократить. Но работу по ним обязательно доводить до создания передовых, конкурентоспособных технологий и продуктов. В этом плане нам есть чему поучиться у других стран. Так, в КНР в 1988 году была принята научно-техническая программа «Факел», предусматривающая создание в стране более 1000 предприятий, по своему уровню соответствующих лучшим мировым образцам. За счет более высокой заработной платы на них привлекаются самые квалифицированные ученые, инженеры и другие специалисты. Перед нами задача должна стоять, навер-

ное, несколько иначе, чем в КНР. У нас имеется достаточное количество предприятий и конструкторских бюро, прежде всего в «оборонке», которые пока еще находятся «на уровне». Стало быть, надо сохранить по крайней мере то, что имеем. Как ни печально, эти предприятия и КБ по-прежнему находятся в административно-бюрократических путах, причем нередко в еще больших, чем другие сектора нашей экономики. В результате рабочие, инженеры, конструкторы, другие специалисты за свой квалифицированный, порой уникальный труд не могут получить столько, сколько их соотечественники получают в кооперативах или совместных предприятиях.

Уже имеются примеры (к сожалению, немногочисленные) того, как, преодолев административно-бюрократические барьеры, трудовые коллективы выходят на качественно иной уровень деятельности: резко повышают производительность труда, достигают самых передовых рубежей научно-технического прогресса, завоевывают мировой рынок, стимулируют работников хорошей зарплатой. Взять хотя бы МНТК «Микрохирургия глаза», возглавляемый известным офтальмологом С. Федоровым. Этот трудовой коллектив зарабатывает каждый год и себе и государству миллионы долларов валюты. Хотя труд врачей и всего персонала стал более напряженным, но в то же время хорошо оплачиваемым, а главное, творческим и интересным. Каждый работник крепко держится за свое место в коллективе, за предельно короткий срок сложилась атмосфера «корпоративного духа», «фирменного патриотизма». Вряд ли сотрудника из фирмы С. Федорова можно переманить на работу в какую-либо западную компанию.

Нужны быстрые и действенные шаги для создания такой ситуации, когда на продажу за границу шли бы не наши «мозги», а продукты, производимые этими «мозгами» (продукты интеллектуальной деятельности). В немалой степени это будет зависеть, в частности, от того, в каком виде будет принят Закон об изобретательской деятельности в СССР. Если мы провозглашаем переход к рыночной экономике, то изобретение не может не приобретать формы товара, а это возможно лишь в том случае, если оно будет собственностью одного лица, которое может им распоряжаться по своему усмотрению. Полагаю, что народные депутаты СССР решат этот вопрос преимущественно в пользу изобретателя.

Безусловно, нужно искать новые действенные спосо-

бы выведения идей и продуктов на международный интеллектуальный рынок. Кое-что в этом направлении уже делается. Так, в июне 1989 года в ФРГ и Италии прошли передвижные выставки «Советская наука и технология», организованные ГКНТ СССР. На них были представлены завершённые научно-исследовательские и конструкторские работы в области машиностроения, новых материалов, медицины и фармакологии, биотехнологии, приборостроения, электроники и электротехники. По 173 из 400 представленных на выставках разработок были подписаны протоколы о намерениях. Достигнута договоренность о создании пяти совместных предприятий (по принципу: идеи наши — деньги иностранные). Подписано 12 контрактов о кооперационном сотрудничестве. Продано 28 из 110 новых технологий. Подобные выставки-продажи, безусловно, препятствуют покупке по дешевке наших Кулибиных и Черепановых, большинство из которых мечтают даже не о деньгах, а о практической реализации своих идей.

Одним словом, **необходимо решительное снятие всяких административно-бюрократических оков с наших институтов, предприятий, индивидуальных изобретателей.** Это позволит реализовать доселе невостребованный интеллектуальный потенциал общества, в короткие сроки выйти на передовые рубежи научно-технического прогресса. Кстати, именно об этом говорил на II Съезде народных депутатов СССР С. Федоров: «У меня такое ощущение, что мы какая-то непонятная обороняющаяся армия. 287 миллионов человек все время обороняются. Хотя у нас есть огромные интересные прорывы, и мы можем многое сделать в этом направлении... Поэтому необходимо смелее идти на международный рынок, закупаая там землю, направляя туда людей и реально конкурировать с капиталистами. Реально, а не на словах доказывать, что у нас есть прорывы в технологии, и мы должны их развивать, идти в наступление» («Известия», 16. 12. 89). Трудно не согласиться с тем, что лучшая оборона — наступление. Если мы хотим сохранить и укрепить наши научно-технические позиции в мире, нам не следует уподобляться скупому рыцарю, сидящему на сундуке с богатствами и пассивно их созерцающему. Мы должны пускать наши научно-технические ресурсы в оборот, активнее выходить с новыми идеями и разработками на мировой рынок и зарабатывать валюту. Только за счет этого, кстати, мы можем кардинальным образом

модернизировать материально-техническую базу отечественной науки, образования, поднять на качественно иной уровень оплату и жизненный уровень научных работников, инженеров, конструкторов, других специалистов. В конечном счете надо стремиться к созданию такого воспроизводственного цикла, в котором бы наращивание научно-технического потенциала страны стимулировало бы ее наступление на международных рынках, а активная внешнеэкономическая деятельность создавала бы устойчивую базу для дальнейшего научно-технического прогресса. Представляется, что такая **воспроизводственная модель в ее наиболее законченной и совершенной форме к настоящему времени сложилась в ФРГ**. В 1989 году доля этой страны в мировой торговле превысила 11,4%, что выше аналогичных показателей США и Японии. Выход ФРГ в торговые лидеры обеспечен в первую очередь за счет производства наукоемкой продукции, на долю которой приходится 54% экспорта страны. Хотя в Западной Германии на начало 1990 года уровень безработицы был достаточно высок (2,2 млн. человек), на наукоемких направлениях промышленности происходит сегодня крупнейшее наращивание рабочих мест. ФРГ впервые за минувшее десятилетие сумела превзойти Японию по наукоемким товарам, обеспечив за собой 20,6% мировой торговли такой продукцией (Япония — 19,9%). Ведущее место принадлежит ФРГ также в производстве и экспорте продукции наивысшей технологической сложности. Доля ФРГ в мировой торговле такой продукцией — 22,6%, Японии — 22,1% («Правда», 2. 03. 90).

У успеха, как обычно, много отцов. Но одно из главных несомненных его слагаемых — резко возросшее здесь внимание к науке, исследованиям, технологиям будущего, создание во многих местах на базе кооперации научных учреждений и фирм технологических центров. И соответственно — значительное увеличение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Отдача, как видно, налицо.

Страна, которая запустила в космос первый искусственный спутник Земли и первого человека, спустила на воду первый ледокол с ядерной двигательной установкой, построила первую опытно-промышленную АЭС (в Обнинске), безусловно имеет право называться передовой научно-технической державой. Правда, сегодня советская наука и техника, как и многие другие сферы

нашей жизни, переживают кризис. Но тем не менее, этот потенциал пока еще сохраняется на достаточно большой высоте, и на его базе нам срочно надо создать воспроизводственную модель по типу той, которая сложилась в ФРГ и некоторых других промышленно развитых странах. О том, что советская наука и техника обладают большим, поистине неограниченным экспортным и валютным потенциалом, видно на примере наших **космических программ**. На I Съезде народных депутатов СССР со стороны ряда депутатов (Ч. Айтматов, Б. Ельцин и др.) раздавались призывы к сокращению наших ассигнований на космос. Полагаю, что подобная политика недалековидна, в долгосрочной перспективе она способна еще более подорвать наши экономические и научно-технические позиции в мире. И сегодня наши ассигнования на космос не являются чрезмерными в сравнении с другими странами. За год наши расходы на мирные космические программы составили 1,3 млрд. рублей. В то же время в 1988 году ассигнования НАСА США составили 9 млрд. долларов, в Японии — 1,1 млрд. долларов («Труд», 13. 02. 90).

С недавнего времени расходы на гражданский космос в СССР стали окупаемыми — экономический эффект в прошлом году составил 2 млрд. рублей. Оправдываются космические программы и в США — по оценкам американских экспертов, каждый доллар, вкладываемый в космические исследования и разработки, дает на Земле в течение десяти лет 23 доллара. Растущая прибыль от космических программ становится убедительным аргументом в США в пользу дальнейшего увеличения ассигнований на эти программы.

Одно из важных направлений повышения экономической отдачи от отечественного космоса — **выход отрасли на мировые рынки**. На наших глазах рождается международный космический рынок, охватывающий операции по купле-продаже космической техники и услуг, связанных с применением этой техники. Он, в частности, включает оказание услуг по запуску коммерческих спутников, представление орбитальных космических станций для проведения разного рода экспериментов, исследований и организации опытных производств, продажу космических снимков, осуществление экологического мониторинга, разведку полезных ископаемых, предоставление спутников для осуществления космической связи, организацию так называемого «космического туризма» и т. д.

Многие развитые страны — Франция, Япония, Италия и др. — встали на путь создания постоянно действующих орбитальных станций, ориентированных как на исследование, так и производство. В конце 90-х годов должна уже начаться эксплуатация подобных объектов. Одним словом, надвигается бум космического бизнеса. Общий объем сделок на международном космическом рынке прогнозируется в сотни миллиардов долларов, а потребителями его услуг станут свыше 160 государств. Если бы нам удалось обслуживать хотя бы 15—20 процентов этого рынка, то это обеспечило бы нам доходы, многократно перекрывающие стоимость всех наших нынешних дефицитов.

Международный космический рынок фактически уже существует сегодня. Набор предоставляемых услуг на нем пока невелик. Прежде всего это запуски коммерческих спутников. Доминирующие позиции в настоящее время здесь занимает Франция, которая по заказам «других стран» с помощью ракеты «Ариан» выводит на орбиту соответствующие объекты. «Ариан», поднимаясь 4—6 раз в год, приносит по 50—80 млн. долларов за каждый пуск. Свои услуги по выведению спутников на космические орбиты предлагают также США и КНР. В 1985 году космическим бизнесом решил заняться и Советский Союз, и первым шагом в этом направлении стало создание Главкосмоса СССР. Вскоре нами был запущен индийский спутник на условиях частичной компенсации затрат. С помощью наших ракет выведены также на орбиты 3 французских спутника, несколько индийских, чехословацкий и болгарский.

Спрос на запуски пока превышает предложение. В мире на сегодня около 50 спутников, которые «ждут» отправки в космос. Франция в ближайшее время может увеличить число запусков максимум до 12 в год. Возможности США и КНР тоже ограничены.

Как сообщил начальник коммерческого отдела Главкосмоса СССР Е. Шерстобитов, «наша страна, не нанося какого-либо ущерба национальным программам, уже сейчас способна осуществлять ежегодно 2—4 запуска, что называется, на продажу. К тому же для коммерческого использования мы предлагаем не одну, а пять систем: «Протон», «Союз», «Восток», «Молния» и «Циклон», которые охватывают весь спектр требуемых нагрузок от 1,8 до 21 тонны». Следует добавить, что услуги по запуску мы предлагаем по ценам несколько ниже,

чем в США и во Франции, поскольку спутников мы запускаем больше (например, если в середине 80-х годов США выводили в космос ежегодно менее 20 объектов, то СССР — 100—110).

Помимо того, что существуют разнообразные внутренние организационные, научно-технические и экономические трудности для более широкого выхода СССР на мировой космический рынок, дополнительные препятствия для этого создают определенные политические круги на Западе. В соответствии с законодательством США, а также требованиями КОКОМ запуск спутников США и других западных государств с советской территории запрещен. Основание для запрета — СССР якобы может получить доступ к новейшей технологии, заложенной в этих спутниках.

И тем не менее в конце 1989 года было заключено первое в истории соглашение о выводе на околоземную орбиту американских спутников с помощью советских ракет-носителей. Согласно его условиям Главкосмос СССР должен обеспечить запуск 8 спутников, принадлежащих компании «Энерджетикс сэтеллайтс корпорейшн». Эти спутники будут входить в систему локализации, определения по широте и долготе различных подвижных объектов — автомобилей, морских судов и даже отдельных людей. Их местоположение благодаря радиосвязи через спутники будет определяться с точностью до 20 метров. Запуск первых двух спутников под названием «Сан-Трак» предполагается произвести в конце 1990 года и начале 1991 года с помощью советских ракет «Протон» с космодрома Байконур.

Контракт стоимостью 54 млн. долларов с американской компанией заключало советско-американское совместное предприятие «Спейс коммерс кооперейшн». Оно было создано летом 1989 года и его целью является рекламно-маркетинговая деятельность и помощь в налаживании деловых контактов американских фирм с аэрокосмической промышленностью Советского Союза.

Обе стороны, заключившие указанное соглашение, рассчитывают все-таки получить от американского правительства необходимую лицензию на вывоз спутников в СССР. На пресс-конференции в Хьюстоне, где происходило подписание контракта, отмечалось, что спутник «Сан-Трак» можно, в принципе, собрать из деталей, имеющихся в открытой продаже. Кроме того, Советский Союз неоднократно предлагал дать гарантии, что мы не

притронемся к американским (и любым иностранным спутникам) и не станем выяснять каких-либо секретов. Что ж, в ближайшее время мы узнаем, насколько американское правительство искренне в своих заявлениях развивать взаимовыгодные деловые связи с СССР.

Но даже в том случае, если ограничения и запреты КОКОМ будут продолжать действовать, существуют разные варианты их обхода. Скажем, СССР может осуществлять запуски спутников в космос не со своей территории, а с территорий других стран. Недавно была достигнута предварительная договоренность Главкосмоса СССР с австралийскими бизнесменами о коммерческих запусках спутников Земли при помощи советских ракет-носителей «Зенит» с космодрома на мысе Кейп-Йорк. «Зенит» создан в днепропетровском НПО «Южное». Это ракета среднего класса со стартовой массой около 445 тонн. Ее высота — 57 метров, а максимальный диаметр корпуса — 3,9 метра.

Эти характеристики могут многое сказать специалистам. Впрочем, «Зенит» они уже неплохо знают. Он был сдан в эксплуатацию в 1988 году, а в мае прошлого был представлен в Бонне на второй европейской конференции по аэрокосмической технике, обсуждавшей успехи в области создания космических транспортных систем. Оценили днепропетровскую ракету-носитель высоко. Во-первых, она предпочтительнее предлагаемых на международном рынке «Титана-34Д» (США), «Ариана-4» (ЕЭС) и «Великого похода-3» (Китай) в экологическом плане. Во-вторых, «Зенит» более точный.

Все это, а также другие преимущества могут сделать советскую ракету неплохим товаром на международном рынке космических транспортных систем. Остается добавить, что «Зенит» в силах вывести на орбиту и пилотируемый космический корабль. Так что австралийцы, конечно же, не прогадали.

Немалую валютную выручку мы могли бы уже в ближайшие годы получать за счет создания на космических орбитах экспериментально-промышленных производств, выпускающих уникальную продукцию — кристаллы, способные дать мощный импульс развитию микроэлектроники, биологически активные вещества, противовирусные препараты и т. д. На космических заводах в условиях невесомости можно получать такие материалы, которые на Земле имеют баснословную цену или их вообще невозможно произвести. Весной 1989 года на

орбите нашими космонавтами Анатолием Соловьевым и Александром Баландиным был пущен в эксплуатацию первый опытный космический завод (модуль «Кристалл» на космической станции «Мир»). Затраты на выведение на орбиту завода составили около 80 млн. рублей, доход оценивается в 105 миллионов. Поскольку спрос на уникальные кристаллы и препараты в мире чрезвычайно высок, можно предполагать, что космические производства могли бы работать на экспорт и иметь высокую валютную эффективность.

Помимо космической промышленности, достаточно высоким научно-техническим потенциалом обладает наша «оборонка». Выше уже говорилось, что она способна давать стране значительные количества валюты за счет экспорта военной техники. Выступая против огульной кампании по переводу оборонной промышленности на гражданские рельсы, в то же время я не исключаю возможности того, что тщательно продуманная конверсия отдельных участков оборонного производства могла бы дать значительный валютный эффект. Вот лишь один пример. В мире хорошо известна американская судостроительная компания «Столт Нельсон», специализирующаяся на перевозках химических продуктов, растительных масел и некоторых других специальных грузов. В последнее время она ищет опытную фирму, которая построила бы ей новое поколение судов. Ее внимание особенно привлекло советское судостроение, высвобождаемое в связи с конверсией военного производства. Ее представители побывали на некоторых наших судостроительных заводах и пришли к выводу, что по крайней мере два из них — в Херсоне и Ленинграде — вполне могли бы справиться с большим и сложным заказом компании. «Зачем на хорошо оснащенном Адмиралтейском объединении в Ленинграде производить примитивные мойки из нержавеющей стали и другие простейшие товары, которые можно сделать в любом другом месте, а здесь для их производства нет соответствующего оборудования? — недоумевает вице-президент «Столт Нельсон» Сэмьэл Куперман. — На этой верфи можно изготавливать прекрасный экспортный товар, который нигде больше не построишь — например, специализированные танкеры — химовозы для нашей компании». Заказ фирмы «Столт Нельсон» позволил бы нашей судостроительной промышленности сохранить ее высокий научно-технический уровень и заработать полмил-

лиарда долларов. К сожалению, отношение нашего Минсудпрома к предложению фирмы оказалось более чем прохладным («Известия», 10.05.90). Большие валютные доходы могла бы принести стране и грамотно организованная конверсия нашей **авиационной промышленности** — переход от производства военной техники к выпуску гражданских самолетов и вертолетов. Доходы от экспорта советской гражданской авиатехники в 1988 году составили 1 млрд. 200 млн. инвалютных рублей. Было продано за рубеж 60 самолетов, 150 вертолетов, отремонтированы десятки самолетов. Но в последнее время экспортные доходы отрасли, особенно в долларах, начали снижаться. Так, если в 70-е годы на экспорт шло 15% производимой в стране авиатехники, то сегодня только 6%. Потери валюты в ближайшие годы могут увеличиться из-за переориентации некоторых компаний Восточной Европы на самолеты западного производства (по некоторым оценкам, они могут составить 350—450 млн. рублей в год) («Известия», 10.03.90).

Сегодня авиапромышленность ищет возможности сохранить и укрепить свои позиции на мировом рынке. Выступая на II Съезде народных депутатов СССР, генеральный конструктор авиатехники Г. В. Новожилов отметил: «В мире может возникнуть потребность еще в одном производителе коммерческих самолетов. И вполне возможно, что этим производителем будет Советский Союз. Поэтому нам надо приложить усилия к тому, чтобы получить возможность зарабатывать на наших самолетах и не только обеспечить потребности Аэрофлота, но и те, которые могут у нас возникнуть при соответствующих внешнеэкономических связях» («Правда», 14.12.89). Безусловно, что создание конкурентоспособного коммерческого самолета предполагает использование тех технологических заделов, которые имеются в военном секторе нашего авиастроения.

В авиастроении, как и в других отраслях промышленности, конверсия проходит довольно болезненно. Взять, к примеру, вертолетостроение. Фирмы Японии, стран Юго-Восточной Азии, некоторых других государств проявляют интерес к советскому среднему вертолету Ка-32, легкому Ка-126, другим винтокрылым машинам. Однако для того, чтобы они хорошо пошли на мировом рынке, нужна их некоторая качественная доводка. Для этого можно было бы использовать возможности заводов и цехов по выпуску военных вертоле-

тов. Более того, ОКБ имени Камова от Министерства авиационной промышленности получило задание на переделку военных вертолетов в гражданские. Однако уже через несколько месяцев это ОКБ (не серийный завод, а ОКБ!) получило от Московского обкома партии указание выпустить 30 рассадочно-посадочных капустных комбайнов. Также получено правительственное задание (по милости агропромовцев) на проектирование установки для расфасовки сухофруктов. На капустных комбайнах и прочей ширпотребовской технике вертолетостроение может потерять уже достигнутый высокий технический и технологический потенциал. Вот что говорит по поводу так называемой «конверсии» генеральный конструктор ОКБ имени Камова С. Михеев: «Из металла, который идет на постройку одного вертолета, можно изготовить тысячу ширпотребовских стремянок — но их не хватит даже на подмосковные Люберцы. Построенный из того же металла вертолет, в который вложены наши идеи, техническая культура и самая современная технология, стоит на западном рынке 3—4 миллиона долларов, на которые, если очень хочется, можно закупить стремянки для всей страны» («Известия», 22.03.90). А рынок для вертолетостроителей, надо сказать, почти не ограничен. По оценкам того же С. Михеева, до 2000 года мы могли бы продать только двухтонных машин не менее двух тысяч — это три миллиарда долларов. ОКБ имени Камова идейно и технически готово побороться за этот рынок с французами, поставляющими ныне на мировой рынок 89% машин такого класса. Есть соответствующие весьма перспективные разработки, есть авторитет фирмы, которую неплохо знают за рубежом.

Реализация научно-технического потенциала оборонной промышленности на внешних рынках может происходить не только за счет экспорта новой военной техники, а также гражданской продукции, произведенной на базе конверсии, но и лицензионной торговли современных технологий.

Следует признать, что **возможности лицензионной торговли используются нами крайне плохо**. Судите сами. Число регистрируемых в стране изобретений составляет 70—80 тысяч в год («Правда», 30.06.89). И в то же время нельзя назвать нормальной ситуацию, когда лишь 1/3 изобретений в стране находит практическое применение, да и то подчас в ограниченных масштабах. До сих

пор отсутствует механизм, который бы стимулировал научные и производственные коллективы продавать за рубеж свои разработки и изобретения. Об этом в какой-то мере свидетельствует то, что за рубежом патентуется всего 1% регистрируемых изобретений («Правда», 30.07.89). Из них продается в виде лицензий ежегодно примерно 1/10 часть — 60—80 изобретений. Объем ежегодной выручки СССР от экспорта лицензий не превышает 150—200 млн. рублей, причем доля свободно конвертируемой валюты здесь ничтожна («Правда», 10.08.89). Посмотрим, какова активность в деле лицензионной торговли организации нашего интеллектуального центра — Академии наук СССР. Институты этого ведомства за последние три года на свободно конвертируемую валюту продали лицензий всего лишь на четырехста тысяч рублей.

Наши организации плохо изучают конъюнктуру мирового рынка, слабо представляют практические возможности экспорта лицензий. Немало валюты мы теряем из-за того, что нет патентной защиты многих тем — стоимость таких беспатентных лицензий намного ниже. Наши организации порой не обращают внимание на иногда, казалось бы, сущие «мелочи», что затрудняет и делает даже невозможной продажу лицензий за рубеж. Конкретный факт: фирмы ФРГ, Японии, Франции, Италии вели с нами переговоры о приобретении лицензии на низкотемпературную солевую технологию производства цемента. И вдруг партнеры от покупки отказались. В чем дело? Ведь советская технология имела ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами. Оказывается, сделку расстроила такая «мелочь»: в продукции было много хлора, концентрация его превышала существующие на Западе нормы и делала невозможным использование цемента в строительстве объектов на территории западных стран.

Вообще-то говоря, торговля лицензиями не является для промышленно развитых стран Запада приоритетным направлением экспорта. Эти страны экспортируют лицензии в том случае, если у себя дома уже исчерпаны возможности производить и продавать продукцию на основе технических решений, являющихся объектом лицензирования. У нас же надо всем довлеет пресловутый план поступления валюты. Тревожное положение с практическим использованием новшеств заставляет нас предлагать на внешний рынок интеллектуальный потен-

циал, возможности которого еще толком не использованы в собственном доме (а потом за твердую валюту мы приобретаем за рубежом продукцию, произведенную на базе этих лицензий).

Конечно, неблагоприятную ситуацию в области внедрения технических новшеств мы за один день не преодолеем. И в то же время экономическую (в т. ч. валютную) эффективность реализации технических идей и изобретений можно существенно повысить уже сейчас. Для этого мы должны использовать совместные предприятия. **Но в качестве пая с нашей стороны предлагать не землю или недра, а идеи и технологические разработки.** Это выгодно и для нас, и для западного капитала, который рассматривает идеи как самую практичную вещь на свете. Это новая наукоемкая продукция, новые технологические процессы, новые потребительские свойства, новые товары, новые рынки. Для нас это выгодно тем, что экономим на доведении идей до опытных образцов, учимся у западных партнеров быстро и эффективно превращать идеи в товары, наконец, получаем товары для внутреннего рынка.

Наконец, тот «демонстрационный эффект», который будут создавать СП в наукоемких отраслях и производствах, может скорее сломить нынешние механизмы торможения научно-технического прогресса, ускорить переход к экономике с благоприятной инновационной средой.

Если бы нам удалось реализовать в сфере международного экономического сотрудничества хотя бы часть из тех десятков и сотен тысяч изобретений, которые составляют «золотой фонд» нашего Отечества, то мы смогли бы отказаться от разорительного экспорта естественных богатств, решить многие экологические проблемы страны, значительно продвинуть вперед нашу перестройку, занять достойное место в мире.

Годы, прошедшие после апреля 1985 года, показывают, что негативные процессы в развитии нашего народного хозяйства и внешнеэкономических связей остановить не удалось. Более того, начавшиеся экономические реформы многие из этих процессов усугубили, породили ряд новых проблем, ранее неведомых нашему обществу. В частности, взятый курс на «вращение» СССР в мировое хозяйство создает реальную угрозу превращения Отечества в сырьевой придаток и «экологическую колонию» Запада. Иногда ловлю себя на мысли: не сгущаю ли я краски, не преувеличиваю ли угрозу? Поэтому мне пришлось пойти на своеобразное социологическое исследование: в неофициальной обстановке, без свидетелей, как бы невзначай многим ответственным сотрудникам Министерства внешнеэкономических связей, Госкомприроды СССР и РСФСР, союзного и республиканского Госпланов, Государственной внешнеэкономической комиссии Совмина СССР я задавал один и тот же вопрос: «Грозит ли нам экологический колониализм?» Большинство ответов были на редкость единодушными: «Конечно же, грозит», «Не только грозит, но уже реально проводится в жизнь» и т. п. Очень жаль, конечно, что подобные откровения делались в приватной обстановке, а не перед широкой аудиторией.

НУЖНА ЛИ НАМ ТАКАЯ «ОТКРЫТОСТЬ»!

Процесс превращения нашей страны в «экологическую колонию» ТНК хорошо просматривается не только «сверху», с уровня союзных и республиканских ведомств, но и «со стороны», из-за рубежа. Искреннюю озабочен-

ность по этому поводу проявляют «зеленые» из США, ФРГ, многих других стран мира. Их очень беспокоит, что ТНК, получая все более решительный отпор со стороны «зеленых» и других общественных движений у себя дома (а в последнее время и в некоторых странах «третьего мира»), в лице СССР нашли новую удобную лазейку для осуществления своей преступной антиэкологической деятельности.

Опасными эколого-экономическими процессами в Советском Союзе обеспокоены и наиболее дальновидные зарубежные политики и деловые люди. Так, многим советским читателям сегодня хорошо известно имя японского бизнесмена Тадао Моримото, который довольно часто выступает на страницах нашей печати. Он говорит, в частности, о том, что экономические позиции СССР в мире неуклонно ослабевают, а в то же время техногенные нагрузки на природную среду имеют тенденцию к усилению. Так, по его оценкам, Советский Союз резко спикировал вниз в мировой экономической таблице о рангах, занимая сегодня даже «по валу» 4—5-е место. По расчетам Моримото, по объему ВВП советская экономика — это чуть больше 20% американской; Япония же опережает СССР по этому показателю на 38% («Известия», 12. 05. 90). Подробно разбирая состояние такой отрасли советской экономики, как черная металлургия, Тадао Моримото говорит о ее технической отсталости, о том, что она пожирает все возрастающие количества энергии, других ресурсов, все интенсивнее разрушает и загрязняет окружающую среду. И такая ситуация, как он считает, складывается почти во всех отраслях советской промышленности, особенно тяжелой.

Исследование, проведенное Моримото, подводит его к весьма неутешительному для нас выводу-прогнозу: **в случае, если экономические и научно-технические позиции Советского Союза будут и дальше ухудшаться, он будет стремиться затормозить и компенсировать это ухудшение путем все более хищнической эксплуатации своих природных богатств.** Велика вероятность того, что в дальнейшем все большую роль в этой эксплуатации будут играть не отечественные предприятия, а иностранные монополии, участвующие в совместных проектах или берущие природные ресурсы в концессии.

Может статься, что с переходом советской экономики на рыночные рельсы — и на это указывают некоторые советские и зарубежные экономисты (к сожалению, их

голос не слышен на высших этажах нашей государственной пирамиды) — масштабы вывоза природных богатств за рубеж многократно увеличатся. Наши экономисты-радикалы (Н. Шмелев, О. Лацис, Г. Лисичкин, П. Бунич и др.) считают почему-то, что переход к рынку должен сопровождаться переводом государственной собственности в частные руки. Поддерживая идею рынка, я в то же время категорически не согласен с тем, что переход к рыночным отношениям, конкуренции требует передачи всего общественного производства в частные руки. С этой мыслью я неоднократно выступал устно и в печати. Этой же точки зрения придерживается доктор экономических наук Н. Сачко, которую он изложил в статье «Частная» эйфория» в «Советской России» (12.05.90). Но речь сейчас даже не об этом.

Допустим, иностранные капиталисты захотят купить наши фабрики, заводы, недра; национальное богатство страны сегодня оценивается примерно в 4 миллиарда рублей. Пусть иностранцы совершат закупки хотя бы четверти этого богатства, то есть на сумму 1 миллиард рублей. Вероятно, при этом они рассчитывают на прибыль не менее 10% в год, то есть предполагают вывезти прибыли на 100 млрд. рублей ежегодно. Следовательно, каждая советская семья вынуждена будет платить дань иностранному капиталу на сумму примерно 1500 инвалютных рублей в год. Чтобы обеспечить вывоз такой суммы прибылей, у нас не будет иной возможности, как увеличить многократно вывоз природных ресурсов по сравнению с нынешним уровнем. Такова будет плата нашего Отечества за эксперимент по переходу к частной «открытой» экономике.

Что же необходимо сделать для того, чтобы остановить превращение СССР в «экологическую колонию»?

Прежде всего следует наконец-то создать продуманную концепцию развития внешнеэкономических связей страны. Такую концепцию, которая была бы свободна от вновь созданных в условиях перестройки идеологических и теоретических «мифов». Так, наши экономисты-радикалы настойчиво вдалбливают в головы простых людей миф о том, что без немедленного «врастания» в мировое хозяйство наша страна просто не сможет прожить и дня. Тех же, кто не согласен с их точкой зрения, они одаривают ярлыком сторонника «сталинской автаркии». Но в таком случае этот ярлык можно приклеить и любому американскому президенту. Дело в том, что

США имеют громадный внутренний рынок, мощный природный, научно-технический потенциалы, и для них значение внешней торговли и других форм внешнеэкономических связей имеет намного меньшее, чем для стран Западной Европы и Японии. Из США, в частности, вывозится в виде экспорта всего несколько процентов их валового национального продукта, в то время как, скажем, для Дании, Нидерландов или Люксембурга этот показатель составляет более половины ВВП.

Во многих отношениях СССР по масштабам природного, людского, научно-технического потенциалов, емкости внутреннего рынка схож с США, и значение внешнеэкономических связей в развитии СССР априори намного ниже, чем у стран Западной Европы и Японии. Поэтому основные усилия сегодня мы должны направлять не на форсированное «врастание» в мировое хозяйство, а на реформы и повышение эффективности нашей внутренней экономики. Это, кстати, понимают даже те, кто по своему должностному положению занимается вопросами внешнеэкономических связей. Так, заместитель Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР И. Д. Иванов говорит: «По большому политическому счету подъем жизненного уровня советских людей в результате перестройки должен осуществляться на отечественной почве, а не по импорту» (Этот трудный, трудный путь. Экономическая реформа. М., 1989, с. 232). Думаю, что для нас на сегодняшний день гораздо более актуальной является задача не «интеграции» в мировое хозяйство, а интеграции наших республиканских экономик в единый экономический союз, создание действительно единого рынка в рамках СССР. В этом плане можно привести в качестве примера Европейское экономическое сообщество: приоритетным направлением у каждой из двенадцати стран-участниц является развитие взаимных экономических отношений, создание единого рынка, валютного союза и т. п.; развитие экономических отношений с «третьими странами» для стран, входящих в ЕЭС, находится на втором плане.

Довольно распространен миф о том, что «заграница нам поможет». Западные государства и монополии отнюдь не филантропические общества, и, если на словах они выражают всяческую поддержку нашей перестройке, это не означает, что они готовы добровольно раскошеливаться на эту самую перестройку. Указанный миф достаточно убедительно разбил Е. Гайдар в статье «Зря

денег не дают», опубликованной в журнале «Коммунист» (1989, № 14).

Еще один миф сводится к тому, что нам, мол, немедленно нужна «открытая экономика». Открытой полностью экономики нет и не было даже в промышленно развитых странах Запада. Недаром, например, уже годы и десятилетия ведутся многочисленные «раунды» переговоров между государствами, входящими в ГАТТ. Хотя эта организация, созданная еще в 1947 году, предусматривала ликвидацию таможенных барьеров и многочисленных нетарифных ограничений во взаимной торговле стран-членов, многие из указанных барьеров тем не менее до сих пор сохраняются. Немедленный переход к действительно «открытой экономике» для Советского Союза можно сравнить со следующей ситуацией: тяжело больного человека с температурой $+40^{\circ}\text{C}$ консилиум врачей решает вынести «для закалки» и «оздоровления» на мороз -40°C . Чем это кончится, я думаю, каждый из читателей сможет ответить сам, даже не обладая специальными медицинскими знаниями.

А о том, что мы решили открыть нашу экономику, то есть вынести больного на мороз, свидетельствуют многие постановления правительства. Эти постановления, по сути дела, поставили крест на государственной монополии внешней торговли, тем самым сделав экономику страны беззащитной перед стихией мирового рынка, а также алчностью ТНК и местных дельцов. Можно ли удивляться, что в этой обстановке вседозволенности и бесконтрольности возникают «танковые», «алмазные» и иные аферы. Сегодня по степени дерегулированности внешнеэкономических связей СССР опережает многие развитые страны Запада. Нынче, к сожалению, государственная монополия внешней торговли в СССР приказала долго жить, и вместе с тем, как пишет И. Д. Иванов, «никакого центрального механизма по охране общегосударственных интересов, борьбе с проникающими во внешнеэкономическую сферу махинаторами до сих пор не создано. В итоге за все время реформы за нарушение ее правил был наказан всего один участник внешнеэкономических связей».

Реформа внешнеэкономических связей страны, проводимая на базе отмеченных и других ультралиберальных идей и мифов, безусловно, создает благоприятную «питательную почву» для распродажи естественных, интеллектуальных ресурсов, культурных ценностей, других

богатств нашего Отечества. Не надо быть пророком, чтобы утверждать: без избавления от экстремизма, «детской болезни левизны» во внешнеэкономических делах «дамоклов меч» «экологического колониализма» неизбежно упадет и уничтожит нашу страну.

НЕ КОЛОНИАЛИЗМ, А СОТРУДНИЧЕСТВО

Преодолев экстремизм и «левачество» во внешнеэкономической сфере и разработав взвешенную концепцию ее долгосрочного развития, следует приниматься за практические дела. Уже говорилось о том, что **первоочередной практической задачей перестройки внешнеэкономических связей должно стать кардинальное изменение их структуры**, охватывающее как импорт, так и экспорт страны. В частности, структурная перестройка экспорта должна предусматривать повышение удельного веса продукции обрабатывающей промышленности, наукоемких товаров, услуг при одновременном сокращении доли топлива, сырья, электроэнергии, слабо обработанных ресурсов. Конечно, для этой перестройки необходимы кардинальные сдвиги в структуре общественного производства внутри страны. Но даже не дожидаясь их, мы можем с помощью тщательно продуманных экономических и административных рычагов активизировать вывоз услуг и сложной продукции и затормозить или даже сократить экспорт энергоносителей и сырья.

Еще одна важная мера — **организация экологической экспертизы всех международных проектов и сделок с участием СССР**, о чем уже говорилось выше. Также необходимо всяческое укрепление наших таможенных служб с целью недопущения контрабандного провоза через границу опасных грузов.

Наконец, для укрепления экологической безопасности страны нам необходимо как можно активнее развивать действительно **взаимовыгодное международное сотрудничество в области охраны окружающей среды**. Значение этого сотрудничества сегодня чрезвычайно велико, необходимость его диктуется многими вескими причинами. **Во-первых**, оно позволяет использовать преимущества международного разделения труда (в научных исследованиях и разработках, производстве «экотехники» и т. д.). **Во-вторых**, оно необходимо для борьбы с трансграничными загрязнениями окружающей среды, для ре-

шения экологических проблем, затрагивающих территории нескольких государств и тем более имеющих планетарный масштаб. В-третьих, такое сотрудничество порождается потребностью координации национальных программ охраны окружающей среды, «гармонизацией» национальной экологической политики (с тем, чтобы, например, природоохранные мероприятия того или иного государства не подрывали конкурентоспособность национальной промышленности на мировых рынках).

Конечно, о международном сотрудничестве можно говорить в том случае, если речь идет об отношениях государств с примерно одинаковыми уровнями экономического развития. Большинство государств мира, однако, отличаются крайней степенью экономической отсталости. Экологическая же обстановка во многих из них характеризуется как крайне неблагоприятная, и для ее стабилизации и улучшения они остро нуждаются в финансовой и научно-технической помощи более богатых стран мира.

Хотя экономическое положение СССР сегодня чрезвычайно сложное, он тем не менее относится по-прежнему к категории промышленно развитых государств. Из этого следует, что в решении своих непростых экологических проблем он должен полагаться прежде всего на свои внутренние возможности, а также на международное сотрудничество, но отнюдь не на экологическую помощь других государств. СССР уже многие годы участвует в международном природоохранном сотрудничестве по линии ООН, других международных организаций, на основе двусторонних соглашений со многими странами мира (США, Швецией, Финляндией, Канадой, ФРГ, странами Восточной Европы и т. д.). Речь идет о совместных исследованиях и разработках в области экологии, организации мониторинга окружающей среды, подготовке специалистов-экологов, пропаганде природоохранных знаний, создании банков экологической информации и т. д. Вместе с тем международное сотрудничество осуществлялось в значительной степени формально, во многих случаях не приносило ощутимых, зримых плодов. Так, в рамках СЭВ на двусторонней и многосторонней основе СССР и другими социалистическими странами проводились совместные исследования по экологической проблематике по сотням и тысячам тем. Толстые тома подготовленных по исследованиям докладов и отчетов клались на полки и забывались...

В СССР и других странах СЭВ, по сути дела, так и не удалось наладить совместного производства многих самых необходимых видов «экотехники», и социалистическим странам приходилось закупать ее на твердую валюту на Западе.

Не очень-то мы можем похвастаться и результатами нашего сотрудничества в области охраны окружающей среды с США и другими странами Запада. В «застойные» годы это сотрудничество было (да и сегодня, что греха таить, остается) хорошей возможностью для наших чиновников «проветриться» за счет казенной валюты.

В условиях начавшейся в стране перестройки нам необходимо, помимо всего прочего, и перестройка нашего международного сотрудничества в области экологии. Сегодня оно не может быть уже только межправительственным, то есть таким, которое осуществляется между ведомствами и государственными организациями участвующих в сотрудничестве стран. Необходимо активнее развивать сотрудничество на **межфирменном уровне**, в котором с нашей стороны выступали бы такие хозяйствующие субъекты, как акционерные общества, государственные предприятия, кооперативы и т. д. На этом уровне можно наиболее эффективно решать, например, такие вопросы, как разработка и производство очистного оборудования, малоотходных технологий, экологически чистых источников энергии, аппаратуры для проведения мониторинга и т. д.

Чрезвычайно большую роль в решении экологических проблем у нас и во всем мире может сыграть **сотрудничество между общественными природоохранными организациями**. Как показывает опыт многих стран, общественные движения в конечном счете являются основным фактором, заставляющим правительства и компании предпринимать практические шаги в области охраны окружающей среды. Более того, учитывая, что частные компании и даже правительства разных стран могут вступить в международные сговоры, угрожающие природной среде этих стран и всей планеты, жизненно необходимым становится создание общественного **экологического интернационала**. Такой «экоинтернационал» мог бы, скажем, противодействовать перемещениям транснациональными корпорациями своих «грязных» производств, технологий, товаров, опасных отходов из одной страны в другую. Мог бы он и разрушать «заго-

воры молчания», организуемые правительствами разных стран по поводу наиболее опасных глобальных экологических проблем. Вот лишь один пример. В Японии, которая стала первой жертвой вступления человечества в «атомный век», простые люди до сих пор не имеют адекватного представления о Чернобыле. Не потому, что не хватает интереса или сочувствия, а потому главным образом, что в желании приуменьшить масштаб трагедии и опасность ее последствий за минувшие годы трогательно сошлись интересы советских бюрократических ведомств и тех сил на Западе, которые именуется «атомным лобби». Не так давно в СССР побывала делегация официального японского ведомства — правительственной комиссии по ядерной безопасности, которая, вернувшись из поездки, широким веером пустила по газетам и телевидению «научное заключение», сводящееся к тому, что все последствия Чернобыля укладываются в печальную статистику трех с небольшим десятков погибших и закрытую для проживания 30-километровую зону вокруг АЭС.

Недавно созданная в СССР общественная организация «Чернобыль» одним из основных направлений своей деятельности как раз видит доведение до «зеленых» и всего населения других стран полной и честной информации о масштабах и последствиях аварии на ЧАЭС. В США и ряде других стран уже созданы национальные отделения «Чернобыля». В Японии наш «Чернобыль» вступил в контакты с организацией «Гражданский центр по ядерной информации». Начавшая поступать в Японию правдивая информация о Чернобыле поразила жителей страны. И не только ужасными фактами и цифрами, но и тем преступным упорством, с которым и в Союзе, и в Японии пытаются замаять дело чиновники, ответственные за ядерную энергетику (см.: «Известия», 14.05.90).

Думаю, что «зеленые» и другие общественные организации как СССР, так и других стран, объединившись, могли бы активнее воздействовать и на международные организации — ООН, Программу ООН по окружающей среде и другие, подталкивая их к более решительным шагам по предотвращению глобальной экологической катастрофы, по борьбе с «экологическим колониализмом» ТНК и т. д. В 1992 году в Бразилии пройдет вторая конференция ООН по окружающей среде (первая проходила в 1972 году в Стокгольме). От того, насколько

ко правительства отдельных стран и международное сообщество в целом подготовятся к этому глобальному форуму, в немалой степени будут зависеть судьбы человечества в следующем веке. «Экоинтернационал» мог бы сыграть существенную роль в том, чтобы вторая конференция ООН по окружающей среде стала переломным моментом в развитии неблагоприятных экологических процессов на планете. «Экоинтернационал» мог бы также ускорить подписание международной конвенции по климату, которая поставила бы многие производства и способы получения энергии вне закона. Такая конвенция стала бы серьезной поддержкой для общественных экологических организаций и движений в СССР, выступающих против многих конкретных энергетических и промышленных проектов и объектов, вносящих свою лепту» в изменение химического состава атмосферы на планете.

Наконец, «экоинтернационал» мог бы подтолкнуть разработку ведущегося в ООН «кодекса поведения ТНК». Принятие этого документа поставило бы достаточно мощный заслон для проведения ТНК политики «экологического колониализма». Поскольку этот аспект деятельности ТНК с каждым годом привлекает все большее внимание общественности и политиков разных стран, целесообразно было бы подготовить и принять в качестве самостоятельного документа «Кодекс экологического поведения ТНК».

Примечательно, что в последнее время проблемы окружающей среды в СССР перестают быть чисто внутренним делом страны, они все более привлекают внимание общественности, дальновидных политических и государственных деятелей Запада. Они обеспокоены превращением Советского Союза в источник серьезной экологической угрозы для всего мира. Об этом прежде всего просигнализировал Чернобыль. Но об этом свидетельствуют и другие факты. Так, подписав конвенцию об озоновом слое, Советский Союз не спешит ее выполнять; в частности, многие ведомства и предприятия продолжают производить и использовать фреоны и другие химические вещества, способствующие разрушению озонового слоя, защищающего все живое на планете. В середине 80-х годов страны — участницы Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству подписали протокол о трансграничных переносах атмосферных загрязнений. Этот документ, помимо всего прочего, пре-

дусматривал поэтапное сокращение на 30 процентов выбросов в атмосферу двуокиси серы странами, подписавшими протокол. К нашему и всеобщему сожалению, Советский Союз не только не укладывается в графики снижения выбросов, но, наоборот, продолжает их наращивать. Подобные примеры можно было бы еще долго продолжать.

Учитывая глобальный характер эколого-экономических проблем в Советском Союзе и одновременно прогрессирующее ухудшение его экономического положения, следует признать, что отношения СССР с Западом в области экологии уже не укладываются только в рамки сотрудничества; если Запад желает своего экологического благополучия, он должен оказывать Советскому Союзу финансовую и научно-техническую помощь для проведения неотложных природоохранных мероприятий. По сути дела, экологическая помощь Советскому Союзу уже оказывается. Исходной точкой в данном случае является апрель 1986 года, когда произошла катастрофа на ЧАЭС. Сегодня от правительства, частных компаний, общественности других стран для ликвидации последствий этой аварии уже поступили пожертвования на сотни миллионов инвалютных рублей. Помощь идет также в виде оборудования, приезда в страну медиков и других специалистов и т. д.

На пятом году после чернобыльской трагедии мы наконец-то вынуждены признать горькую истину: в одиночку, собственными силами мы не в состоянии справиться с последствиями Чернобыля, нужна достаточно масштабная и на регулярной основе помощь со всего мира. Это, кажется, понимают на Западе. Но эффективной эта помощь может быть только при двух условиях — абсолютная правдивость с советской стороны относительно истинных масштабов трагедии; коренной пересмотр имеющейся сегодня структуры и механизма приема иностранной помощи. Необходимо срочно создавать надежный канал для получения внешней помощи, который пользовался бы доверием и внутри нашей страны и за ее пределами. Пока решение всех чернобыльских дел находится в руках тех людей и ведомств, которые повинны и в самой трагедии, и в сокрытии ее последствий, ничего путного не получится. Здесь (и это показывает печальный опыт многих развивающихся стран — получательниц помощи) не должно быть посредников — средства должны идти напрямую тем, кто в них нуждается, причем по максимально упрощенной схеме, исклю-

чающей «вариантность» в распределении помощи.

В ближайшие годы, вероятно, экологическая помощь Советскому Союзу не будет ограничиваться только Чернобылем. Проявляя дальновидность, ряд государственных деятелей за рубежом говорит, что дешевле предотвратить помощь на предотвращение экологических катастроф в СССР, чем на ликвидацию их последствий. В последнее время Запад сделал ряд предложений Советскому Союзу и странам Восточной Европы в деле оказания помощи по экологической реконструкции их экономик. Так, в конце 1989 года конгресс США одобрил ассигнования на помощь Венгрии и Польше в размере 533 млн. долларов, причем часть этой суммы была предназначена на природоохранные мероприятия. Недавно президент Международного банка реконструкции и развития (МБРР) Б. Конейбл заявил о планах инвестирования в экономику Восточной Европы в течение ближайших трех лет (1990—1992 гг.) более пяти миллиардов долларов. Судя по всему, часть этой суммы предназначается вложить в природоохранные программы и проекты. Наконец, планы создания Европейского банка реконструкции и развития также предусматривают выделение особо льготных кредитов для проведения природоохранных мероприятий в странах Восточной Европы и СССР.

На Экофоруме в Софии, проходившем там осенью 1989 года, представители Скандинавских стран высказались в пользу того, чтобы на льготных условиях передавать малоотходные и очистные технологии тем странам Европы, которые имеют наиболее кризисную экологическую ситуацию и тем самым создают угрозу для соседних государств. Под этими странами имелись в виду опять-таки СССР и государства Восточной Европы.

Поддерживая идею международной передачи на льготных условиях экологически чистых технологий, Советский Союз отнюдь не собирается выступать только в роли получателя таких технологий, то есть в роли такого бедного родственника. У нас каждый год разрабатывается большое количество разных технологий в области охраны окружающей среды, которые на льготных условиях и принципах взаимности могли бы передаваться другим странам. Так, в межотраслевой лаборатории по охране окружающей среды Института нефти и газа имени Губкина недавно была разработана эффективная технология улавливания окислов азота из

промышленных выбросов. Эта технология в отличие от японской, которая на сегодня считается самой передовой, обходится без использования дорогостоящих катализаторов и стоит в сотни раз дешевле. К ней уже проявляют интерес западноевропейские и японские фирмы. Другой пример. Институт катализа СО АН СССР создал опытную установку, действующую по принципу так называемого «нестационарного» каталитического процесса и предназначенную для получения серной кислоты из сернистого газа такой низкой концентрации, перерабатывать который традиционными способами нельзя. Установка эта выполняет также природозащитную функцию, так как очищает промышленные выбросы от очень вредного соединения. На изготовление данной установки требуется в несколько раз меньше металла, чем на традиционную. К тому же она автотермична, то есть не только не требует обычных затрат тепла на поддержание химической реакции, но и сама вырабатывает высокотемпературное тепло, пригодное для отопления или технологических целей. Лицензия на производство установки нестационарных каталитических процессов была продана японской машиностроительной фирме «Хитачи Зоссен», и первая установка уже пущена в эксплуатацию на заводе цветной металлургии в Осаке... Полным ходом идет монтаж такой же установки на Пловдивском комбинате цветной металлургии в Болгарии. Переговоры о продаже лицензии на производство установки ведутся с фирмами «Лурги» (ФРГ), «Монсанто» (США), многими другими компаниями. Нестационарный каталитический процесс за короткое время получил столь большую известность в мире, что ныне его во многих странах называют «русским процессом».

Примеры подобного рода можно было бы перечислять еще очень долго. В связи с этим следовало бы отметить, что мы могли бы не только продавать лицензии на разного рода «чистые» технологии, но и выпускать конечный продукт на базе кооперации с фирмами других стран, а также на базе совместных предприятий (расположенных как в СССР, так и за рубежом). Отмечая, что Запад заинтересован в стабилизации и улучшении экологической ситуации в СССР, следует подчеркнуть особый интерес в этом деловых кругов. Если Советский Союз намерен не на словах, а на деле осуществлять миллиардные инвестиции в охрану окружающей среды, ему потребуются громадные количества

очистного оборудования, мало- и безотходных технологий, контрольно-измерительной аппаратуры и всякой другой «экотехники». Производство «экотехники» в СССР на сегодняшний день находится на смехотворно низком уровне. Только в 1988 году в Минхиммаше СССР было создано московское НПО по газоочистному и пылеулавливающему оборудованию «Газоочистка». Оно выпустило почти 80% газопылеулавливающих аппаратов в стране на сумму 37 млн. рублей. Много это или мало? Для сравнения — стоимость пылезащитного оборудования только на одной Экибастузской ГРЭС составляет свыше 20 млн. рублей. При мизерных объемах производства пылегазоочистного (равно как и водоочистного) оборудования заказчики могут ждать его долгие годы и десятилетия. Я уже не говорю здесь о качестве отечественного оборудования.

В то же время на Западе уже давно сложилась и успешно функционирует самостоятельная отрасль промышленности по производству «экотехники». В США в этой отрасли занято 680 тысяч человек, в ФРГ — около 400 тысяч.

В условиях острейшего дефицита «экотехники» в СССР западные фирмы указанной отрасли рассчитывают на получение крупных заказов с нашей страны. Уже поступают многочисленные предложения от таких известных в области производства «экотехники» фирм, как «Зальциттер АГ» (ФРГ), «Дойче Бабкок АГ» (ФРГ), «Монсанто» (США), ЮИТ (Финляндия), ХАКА (Финляндия), «Комбасчн инджиниринг» (США), «Флэкт» (Швеция) и т. д. Для того чтобы облегчить приобретение Советским Союзом «экотехники», в деловых кругах Швеции, ФРГ, некоторых других западных стран в последнее время дискутируется вопрос о предоставлении нам льготных целевых займов для финансирования природоохранных мероприятий. Судя по всему, в ближайшие годы нам придется многократно увеличить ввоз из-за рубежа оборудования для охраны окружающей среды. Однако уже сейчас необходимо принятие решения о том, чтобы одним из приоритетных направлений развития отечественного машиностроения стало создание собственной импортозамещающей отрасли по производству «экотехники».

Есть еще одна причина, по которой Запад в лице его наиболее дальновидных бизнесменов заинтересован в стабилизации экологической ситуации в СССР: ухуд-

шение этой ситуации способствовало бы во многих случаях и ухудшению инвестиционного климата в СССР. Западные предприниматели уже научены на печальном опыте некоторых развивающихся стран. Взять, к примеру, Филиппины. Длительное время ТНК уничтожали в этой стране тропические леса. Стоит вспомнить, что еще в 60-е годы борцы за экологию предупреждали о надвигающейся национальной катастрофе. Их опасения оказались пророческими. Сегодня вырубка лесов в стране приближается к завершению, страна постепенно превращается в пустынную территорию, произошли необратимые изменения климата, водохранилища катастрофически обмелели, выработка электроэнергии на ГЭС резко сократилась. В стране периодически останавливаются предприятия, закрываются банки и конторы, жилые дома часто остаются без электричества, население лишилось возможности даже в жаркий сезон пользоваться холодильниками и кондиционерами. Пресса сообщила, что даже президент страны К. Акино работает по вечерам при свете аварийной лампы, что, конечно, вызывает уважение, но филиппинцам от этого не легче («Правда», 3.05.90). Специалисты уже подсчитали, что создавшаяся ситуация негативно отразится на экономическом росте Филиппин в 1990 году. Множество международных корпораций подумывает о закрытии в стране своих предприятий и офисов, другие пересматривают планы будущих вложений капитала. Как бы не получилось так, что и наша страна в один прекрасный день (или год) не превратилась для иностранных компаний в «неперспективную территорию».

ПОСТСКРИПТУМ. НАША БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНЕ И В МИРЕ

В предложенной читателям книге автор стремился показать, что развитие внешнеэкономических отношений страны самым непосредственным образом влияет на ее экологическую безопасность (а в конечном счете и экологическую безопасность всего мира). Отсюда следует, что нам нужна такая модель нашего участия в мировом хозяйстве, которая бы обеспечивала укрепление этой безопасности, а не подрывала ее. При этом внешнеэкономическая деятельность страны должна удовлетворять и многим другим критериям и требованиям.

В частности, обеспечения военной, научно-технической и экономической безопасности. Еще несколько лет назад Советский Союз и ряд других государств выдвинули в ООН концепцию международного мира и безопасности. Эта концепция содержит ряд серьезных методологических посылок, которые нам следует учитывать как во внутренней, так и внешней политике. В частности, важным является положение о взаимосвязанности и неотделимости друг от друга всех основных компонентов системы международной безопасности: военного, экономического, научно-технического, экологического. Не менее принципиальным является и положение о том, что ослабление безопасности отдельных государств (особенно великих держав) создает угрозу всей международной безопасности. Из этого следует, что ни отдельные государства, ни их группировки, если они действительно хотят стабильности в мире, не должны стремиться к подрыву мощи Советского Союза, превращению его в колонию Запада.

И последнее. Несколько удивляет достаточно отстраненное отношение нашей общественности к внешнеэкономическим проблемам страны. Каких только общественных организаций не возникло у нас за годы перестройки — экологических, защиты прав потребителей, культурно-просветительских и т. д. Думаю, что более чем назрела потребность и в создании общественных организаций (общесоюзных, республиканских) по контролю за внешнеэкономической деятельностью. Ведь от этой деятельности в конце концов зависит многое: жизненный уровень в каждой семье и нравственный климат в обществе, состояние природных богатств и окружающей среды в стране, экономические и политические позиции нашего Отечества в мире.

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания. Страна на развилке истории	3
ПРИРОДА НА ЭКСПОРТ	7
ЧЕМ УЩЕРБЕН «НЕФТЕДОЛЛАР»	31
«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОЛОНИА- ЛИЗМА»	51
СССР — МИРОВАЯ СВАЛКА?	84
ЗАМИНИРОВАННАЯ СТРАНА	112
ТАНКИ ВМЕСТО НЕФТИ?	140
ВАЛЮТА ПОД НОГАМИ	155
СССР В МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОБМЕНЕ	173
ПОДВЕДЕМ ИТОГИ	208

ИБ № 7231

Катасонов Валентин Юрьевич

ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА ИЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ?

Заведующий редакцией **С. Дмитриев**

Редактор **С. Перевезенцев**

Художник **Ю. Карманов**

Художественный редактор **С. Курбатов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **Е. Дмитриева, М. Пензякова**

Сдано в набор 18.09.90. Подписано в печать 01.02.91.
Формат 84X108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл.-кр.-
отт. 12,18. Учетно-изд. л. 12,5. Тираж 40 000 экз. Цена 60 коп.
Заказ 1262.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, Суцеская, 21.

ISBN 5-235-01476-6